

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2012 – 6 (240)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2012**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Мальшева* – д-р полит. наук, *А.В. Малашенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2012. – № 6 (240). – 200 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Нам 20 лет	5
Андрей Семченков. Предупреждение и нейтрализация внешних угроз политической стабильности России	10
Наталья Говорова. Развитие демографической ситуации в современной России.....	18
Наталья Мухаметшина. Мусульманское сообщество России под влиянием миграционных процессов. (На примере Самарской области).....	22
Лилия Сагитова. Традиционное и новое в российском исламе.....	28
К. Гаджиев. О природе политических режимов националь- ных республик Северного Кавказа	39
Дмитрий Котеленко. Исламский фактор в контексте безопасности Северного Кавказа.....	54
Николай Силаев. Постсоветский путь Азербайджана.....	56
И. Искаков. Специфика политических институтов и процессов в Центральной Азии	63
С. Казиев. Традиции национальной политики и межэтни- ческие отношения в современном Казахстане	70
Евгений Бородин. Киргизстан: В поисках своего собствен- ного пути развития.....	84
А. Рахнамо. Трансформация политической культуры «политического ислама» в Таджикистане	94
Игорь Филькевич. Современные тенденции развития Туркменистана	101
Виктор Коргун. Афганский конфликт и Центральная Азия	106
В. Аватков, А. Солодовникова. Сценарии и тренды развития российско-турецких отношений.....	115

Анастасия Рожкова. Проблема терроризма и религиозного экстремизма в современном Пакистане	124
Борис Долгов. Исламистское движение в Алжире	138
«Авторы теории столкновения цивилизаций выдавали желаемое за действительное». (Из интервью с членом королевской семьи Саудовской Аравии принцем Турки бен Фейсалом аль Саудом).....	144
Петер Андерсен. Мигранты берут Европу на абордаж.....	149
Роберт Ланда. Политические волнения в арабском мире: Видимость и суть	154
В. Кириченко. Шииты в политической жизни арабских стран (вторая половина XX – начало XXI в.).....	169
Фрэнсис Фукуяма. Будущее истории. (Сможет ли либеральная демократия пережить упадок среднего класса)	187

НАМ 20 ЛЕТ

**ПРИВЕТСТВИЕ
ДИРЕКТОРА ИНИОН РАН
АКАДЕМИКА РАН Ю.С. ПИВОВАРОВА**

Поздравляю коллектив бюллетеня «Россия и мусульманский мир» с юбилеем – 20-летием со дня выхода в свет его первого номера!

С первых дней существования бюллетень оказался востребованным и стал одним из самых популярных изданий как в научной, так и в заинтересованной общественной среде. Он нашел своих читателей, круг которых постоянно расширялся.

В юбилей принято подводить итоги проделанной работы, но я желаю коллективу, чтобы эта праздничная дата была не только поводом для гордости за уже сделанное, но и стартом новых интересных проектов, реализуемых на страницах бюллетеня. Трудно быть первопроходцем, но еще труднее, пробив дорогу, оставаться на ней ведущим! Я уверен, что самые лучшие и интересные публикации у вас еще впереди.

Желаю бюллетеню «Россия и мусульманский мир» и дальше так же успешно развиваться, оставаясь интересным, актуальным и авторитетным изданием! Успехов и новых творческих планов!

**ПРИВЕТСТВИЕ ДИРЕКТОРА ИВ РАН,
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН В.В. НАУМКИНА**

Поздравляю редколлегию научно-информационного бюллетеня «Россия и мусульманский мир» с 20-летием деятельности. В течение уже двух десятилетий совместное издание ИНИОН и ИВ РАН оказывает неоценимую помощь российским востоковедам, которые используют бюллетень в своей работе. Сегодня, когда количество изданий, посвященных востоковедной тематике, исчисляется десятками, бюллетень «Россия и мусульманский мир» служит путеводителем для ученых, позволяет экономить время и главное – обращает их внимание на наиболее значимые публикации, отражающие тематику современных востоковедных исследований.

За прошедшее время на страницах бюллетеня были опубликованы статьи самых разных авторов, в том числе из ближнего и дальнего зарубежья, материалы конференций и симпозиумов, интервью ведущих востоковедов России и представителей государственных организаций, формирующих внутреннюю и внешнюю политику.

Желаю коллективу бюллетеня «Россия и мусульманский мир» дальнейших творческих успехов.

**ПОЗДРАВЛЕНИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ
ЦЕНТРА ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ,
КАВКАЗА И УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ
ИВ РАН А.А. АЛИКБЕРОВА**

От имени сотрудников Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН поздравляю славный неутомимый творческий коллектив бюллетене-

ня «Россия и мусульманский мир» с его 20-летием! Для периодического ежемесячного издания, выдержавшего все невзгоды эпохи перемен, это особый юбилей – пример самоотверженной стойкости, преданности науке, нелегкого кропотливого ежедневного труда. Особо преклоняемся перед Альбертом Григорьевичем Бельским – отцом-зачинателем, выпестовавшим сие справное дитя. Желаем ему и всем участникам издания крепкого здоровья и успехов в их полезнейшем и благородном деле.

БЮЛЛЕТЕНЮ «РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР» 20 ЛЕТ!

Прошло вот уже 20 лет, как появился первый номер бюллетеня «Россия и мусульманский мир». И с тех пор ежемесячно выходят в свет его издания на русском и английском языках. Учредителями бюллетеня являются Институт научной информации по общественным наукам РАН и Институт востоковедения РАН. Из года в год объем и тираж научно-информационного бюллетеня постоянно увеличивались. Это является свидетельством того, что бюллетень занял свою нишу среди изданий академического профиля и нашел своего постоянного читателя.

Бюллетень «Россия и мусульманский мир» в своем развитии прошел долгий путь, который не всегда был легким. С момента возникновения бюллетень столкнулся с серьезными трудностями, с попытками блокировать его издание под тем надуманным предлогом, что проблематика отношений России с мусульманским миром не относится к академической научной сфере. Теоретическая близорукость долгое время давала о себе знать. Сегодня такого рода «аргументы» более не звучат. Взаимоотношения с исламским миром обрели очевидный глобальный смысл. Мы сегодня можем с удовлетворением констатировать, что уже 240 номеров бюллетеня составляют информационный базис исследования динамики одной из наиболее актуальных и практически значимых проблем современности.

В ряду основных принципов нашего издания следует назвать политическую, культурную, информационную актуальность публикуемых материалов, отражение различных точек зрения (порой диаметрально противоположных) на ту или иную проблему, затрагиваемую на страницах бюллетеня, а также максимально полное отображение исламской тематики. Особое внимание мы уделяем

события, которые разворачиваются в так называемых «горячих точках» планеты. События последнего времени свидетельствуют о глубокой дестабилизации ситуации в регионах исламского влияния, странах Северной Африки и Ближнего и Среднего Востока, а также в ряде других регионов мира. Данные процессы могут иметь далеко идущие негативные последствия для всего современного мира.

Научно-информационный бюллетень «Россия и мусульманский мир» представляет материалы, которые информируют читателей обо всех регионах мира с мусульманским населением. Разумеется, что на первом месте стоят проблемы и ситуации, складывающиеся в Российской Федерации, где проживают мусульмане, взаимоотношения с ныне независимыми государствами Центральной Азии и Закавказья. На страницах бюллетеня систематически публикуются различные справочные материалы. Бюллетень не обходит своим вниманием и религиозно-философские проблемы ислама.

Такой широкий охват исламской тематики заинтересовал большой круг читателей – это научные сотрудники академических институтов, преподаватели и студенты высших учебных заведений, политические и общественные деятели, представители иностранных посольств и организаций и т.д. Издание бюллетеня на английском языке ежемесячно направляется не только подписчикам, но и за рубеж для научного обмена на иностранные издания для библиотеки ИНИОН РАН.

Редакция бюллетеня всегда чувствовала заботу и реальную поддержку со стороны директора ИНИОН РАН, академика РАН Юрия Сергеевича Пивоварова. В своих оценках работы редакции бюллетеня Ю.С. Пивоваров постоянно отмечал новаторский характер издания и его большую популярность в читательской среде. Постоянное внимание директора ИНИОН РАН к бюллетеню позволяет редколлегии в наше непростое время с оптимизмом смотреть в будущее.

Хочется также сказать теплые слова в адрес сотрудников редакции бюллетеня: В.Н. Сченснович, О.П. Бибиковой (ИВ РАН), а также много помогающей работе редколлегии Р.Г. Васильченко. Мы особо благодарны заместителю директора по информационным технологиям М.Б. Шнайдерману, руководителю Издательского центра В.М. Гусеву, начальнику типографии А.К. Городцову, которые обеспечивают бесперебойный ежемесячный выпуск бюллетеня. Выражаем также благодарность зав. ОНП Л.А. Можяевой,

сотрудникам Отдела: Н.М. Власовой, Т.М. Константиновой, Е.Е. Мамаевой, Н.И. Романовой, Т.П. Солдатовой, О.В. Шамовой, сотрудникам типографии.

Мы будем и впредь стремиться к наиболее полному удовлетворению научных, информационных и духовных запросов наших читателей.

*Заместитель директора ИНИОН РАН,
шеф-редактор бюллетеня, профессор
Л.В. Скворцов*

*Автор проекта,
кандидат исторических наук
А.Г. Бельский*

*Главный редактор бюллетеня
Е.Л. Дмитриева*

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

Андрей Семченков,

кандидат политических наук
(МГУ им. М.В. Ломоносова)

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ
ВНЕШНИХ УГРОЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СТАБИЛЬНОСТИ РОССИИ**

Анализируя в первом приближении вопрос о предупреждении и нейтрализации внешних угроз политической стабильности, под которыми понимаются возможности силового вмешательства отдельных государств во внутренние дела России, мы в целом согласны с позицией тех исследователей, которые не видят сегодня серьезных опасностей на данном направлении. В настоящее время для России сохраняется благоприятная конъюнктура внешнеэкономической деятельности – мировые цены на нефть и природный газ находятся на достаточном для экономической и энергетической безопасности страны уровне. Существующий уровень обороноспособности служит определенной гарантией от вовлечения РФ в региональные и крупномасштабные войны.

Однако следует учитывать то обстоятельство, что современная мировая политическая система характеризуется существованием нескольких касающихся нашей страны узлов противоречий между крупнейшими государствами – центрами силы. Это отношения США и КНР, ведущих в наступившем столетии противоборство без прямого применения военной силы за статус мирового лидера; противоречия между Соединенными Штатами и лидерами Европы – Германией и Францией; конфликты этих государств с отдельными странами – производителями углеводородного сырья. Одновременно сама Россия проявляет склонность к балансированию между разными участниками конфликтных ситуаций в зависимости от складывающейся обстановки. Например, РФ поддерживает западные страны в противодействии производству оружия

массового поражения в Иране, но при этом у нее есть экономические интересы в сфере атомной энергетики, определяющие сотрудничество с этим государством.

Одним из измерений межгосударственного противоборства, как известно, становится соперничество развитых и развивающихся стран за доступ к энергоресурсам и контроль над системами их транспортировки. Л.Г. Ивашов раскрывает в деталях суть этого противоборства: «Главными объектами глобальных противоречий становятся ключевые районы мира, стратегические коммуникации и планетарные ресурсы. По мнению американских стратегов, контроль над этими объектами гарантирует США статус мировой державы № 1. И это четко зафиксировано в Стратегии национальной безопасности США. К ключевым районам мира американская элита относит те регионы, с территории которых можно активно влиять на региональную и глобальную ситуацию, воздействовать на своих соперников и партнеров. Это Балканы, Большой Ближний Восток, Кавказско–Черноморско–Каспийский бассейн, Афганистан – солнечное сплетение Евразии.

Стратегические коммуникации – это прежде всего маршруты транспортировки углеводородного сырья, другие торговые пути. США уже контролируют Ормузский, Баб-эль-Мандебский, Малаккский проливы (через которые Китай импортирует 80% нефти). В перспективе развернется борьба за контроль над Северным морским путем. И, конечно, Панамский, Суэцкий каналы, Гибралтар.

Основные планетарные ресурсы – это разведанные и освоенные запасы углеводородов, прогнозируемые и предполагаемые залежи в неосвоенных регионах. К таковым относятся Арктика, где прогнозируется наличие около четверти всех углеводородов планеты, Афганистан, территория которого в силу исторических причин не подвергалась активному геологоразведочному процессу, но где прогнозируются огромные запасы урана-235, газа, медных и других руд, драгоценных камней и благородных металлов. Третий неразведанный ресурсный район планеты – Антарктида».

Поэтому в складывающихся условиях Россия, как обладательница значимых запасов энергетического сырья и претендующая на контроль его транзита в ближнем зарубежье держава, также может стать объектом военного и экономического ослабления и изматывания. С одной стороны, Россия – вторая ядерная держава в мире, стратегические ядерные силы которой, несмотря на их масштабные сокращения, сохраняют способность сдерживания на

глобальном и региональном уровнях. С другой стороны, обостренную обеспокоенность российского политического и военного руководства вызывают некоторые инициативы США и государств – участников НАТО, способные при определенных обстоятельствах привести к нарушению стратегической стабильности на глобальном и региональном уровнях. Это, в частности, строительство систем противоракетной обороны Соединенных Штатов и их союзников в Европе и Восточной Азии (ПРО театров военных действий, ПРО Североатлантического альянса), связанные с этими проектами инициативы по милитаризации космического пространства, разработка концепций и создание командований по ведению «кибервойн» на информационном театре военных действий, формирование сил быстрого реагирования и «быстрого глобального удара» и др.

Данные дестабилизирующие военно-политическую обстановку в мире инициативы некоторых стран могут быть связаны со стратегией пассивного предрешения и позволяют значительно ускорить темпы проведения операций вооруженных сил, действующих в виде стратегических военных сетей. Речь идет о проактивности и своеобразной фасилитации операций – их проведении в ускоренном темпе, «сжатии» времени их осуществления, нашедшей отражение в соответствующих названиях – «молниеносная война нового поколения», «быстрый глобальный удар» и др.

Эффект ускорения в характере ведения вооруженной борьбы констатируется многими экспертами. Например, А.В. Демидюк и М.М. Хамзатов, исследуя новую форму военных действий – сетевые операции и войны (Netwars), пришли к заключению о появлении принципиальной возможности реанимации блицкрига – «молниеносной войны нового поколения». М.М. Хамзатов отмечает, что прежде существовали определенные пространственные границы, вне которых взаимодействие раздельно наступающих групп войск в операции не обеспечивалось. Однако новые информационные технологии значительно расширили эти пределы – вся информация о положении дел, в том числе и наглядная, стала доступна практически всем активным участникам вооруженной борьбы. Взаимодействие стали организовывать не путем объединения в решающих пунктах раздельных групп войск, а путем объединения их огневых и информационных возможностей. Это позволило впервые в истории военного искусства преодолеть пространственный, временной и информационный разрыв между войсками и органами управления. Новые информационные технологии обеспе-

чивают твердое руководство и постоянное взаимодействие пространственно разделенных тактических группировок войск, поддерживающих между собой связь и координирующих свои действия в интересах проведения совместных операций. Данное обстоятельство меняет характер современных операций: все процессы управления и сами боевые действия становятся более динамичными, активными и результативными, исчезают тактические и оперативные паузы, которыми противник мог бы воспользоваться.

Операции получают новое содержание, которое, подчеркивает М.М. Хамзатов, изначально предполагает проведение быстрых и решительных маневров не только на флангах, но и в глубоком тылу противника. При этом, как свидетельствуют результаты исследований, такие действия могут вестись в форме центрально-сетевых операций межвидовых тактических группировок, управляемых из единого стратегического центра и одновременно действующих по отдельным ключевым элементам системы государственного и военного управления, частям и подразделениям «сил ответного удара (возмездия)» на всей территории противоборствующей стороны. «Основная задача центрально-сетевых операций – с первых минут войны захватить стратегическую инициативу переносом боевых действий в стратегическую глубину обороняющихся войск и не дать возможности обороняющейся стороне осуществить не только стратегическое, но и оперативное развертывание своих группировок вооруженных сил».

Концепция сетецентрических боевых действий реализуется в планах военного строительства стран – членов НАТО: создании сил быстрого реагирования Альянса, совместных сил быстрого реагирования Франции и Великобритании, Европейского союза, перестройке инфраструктуры, системы планирования Пентагона для перехода к концепции «10–30–30». Ее суть заключалась в том, что «после получения соответствующего приказа за десять дней Вооруженные силы США должны быть переброшены в любую точку земного шара и начать боевые действия. За последующие 30 дней американские войска должны разбить силы противника и лишить его возможности возобновить организованное сопротивление в обозримом будущем. В течение еще 30 дней войска должны провести перегруппировку и быть готовыми к выполнению нового боевого задания и к переброске в другой регион планеты».

Проактивность и фасилитация находят проявление в разработке новых форм применения стратегических наступательных сил США, в частности, в концепции «быстрого (стремительного)

глобального удара». Данная концепция (ее также обозначают по-английски как Global Strike Joint Integrating Concept, Prompt Global Strike, Global Strike Solutions) заключается в разработке технологических вариантов для борьбы с сетью государств-изгоев, негосударственных игроков и террористов, обладающих оружием массового уничтожения. Глобальный удар мыслится как скоординированное массированное поражение в сжатые сроки (от нескольких секунд до нескольких дней) систем связи, боевого управления и разведки, а также наиболее боеспособных сил противника, осуществляемое на начальном этапе военной операции в интересах создания условий для последующих решительных действий группировки ВС США по достижению конечных оперативных и стратегических целей. Предполагается, что в результате нанесения глобального удара с применением неядерных баллистических и гиперзвуковых крылатых ракет, сопровождаемого операциями радиоэлектронной и психологической борьбы, противник должен лишиться возможности контролировать обстановку и осуществлять противодействие.

Осуществление концепции и соответствующей программы идет полным ходом: уже проводятся исследования в области гиперзвукового оружия, оружия космического базирования, создано Командование глобального удара, которому оперативно подчинены стратегические неядерные силы США. Говоря о последствиях реализации данной программы и о возможном практическом использовании «быстрого глобального удара» в ведении военных действий, эксперты приходят к общему мнению о дестабилизирующей роли этой концепции для поддержания стратегического ядерного равновесия между США и РФ, ограничения гонки вооружений между ними. Реализация «быстрого глобального удара» несет немалые риски для обороны России, поскольку усиливает американский потенциал превентивного неядерного контрсилового удара, нанесение которого возможно не только по террористам и государствам-изгоям.

Таким образом, ускоренный темп проведения военных операций обусловлен хорошо известным фактором – развитием информационных, организационных технологий, систем управления и связи, благодаря которым время на развертывание сетей, быстрота выполнения поставленных перед ними задач и осуществление соответствующих акций многократно повысились. Содержание дестабилизирующих инициатив позволяет предположить, что их реализация при определенных условиях может создать эффект

стратегического пассивного предрешения. Эти обстоятельства ставят перед исследователями проблему разработки системы мер по нейтрализации данного эффекта.

Известные военные ученые В.В. Коробушин, В.И. Ковалев и Г.Н. Винокуров в этой связи полагают, что парировать дестабилизирующие инициативы позволит реализация комплекса мер и действий по стратегическому ядерному сдерживанию. Именно стратегические ядерные силы определенных количественных и качественных параметров в условиях слабости сил общего назначения и ограниченности экономических возможностей России, по мысли исследователей, способны нейтрализовать факторы новых видов наступательных вооружений, ПРО и др.

Безусловно, фактор стратегических ядерных сил является весьма важной гарантией защиты суверенитета и политической стабильности России. Действительно, боеготовые силы сдерживания пока парируют дестабилизирующие инициативы, не позволяя оказывать на РФ военно-политическое давление и нанести по ней контрсилового (разоружающий) удар. Так, его подготовка может быть вскрыта военной разведкой РФ по ряду признаков (активность противника по коррекции орбит разведывательных космических аппаратов, присутствие над территорией страны разведывательных беспилотных летательных аппаратов и ударной авиации, увеличение числа подводных лодок в Баренцевом и Японском морях), и уничтожение комплексов ядерной триады в одном ударе – пока не подлежащая решению задача. Пусковые установки могут быть замаскированы, системы наведения высокоточного оружия на них можно подавить радиоэлектронными помехами.

Однако ресурс большей части стратегических ядерных сил рассчитан на ближайшие десятилетия, к истечению которых необходимо будет полностью их обновить. Учитывая, что почвой для межгосударственных конфликтов станет борьба за контроль и доступ к энергоресурсам, в первую очередь к нефти, существующие силы сдерживания позволяют отсрочить агрессию против самой РФ на несколько десятилетий, однако на более далекую перспективу это не устранил претензий к ней со стороны мировых центров силы. В этой связи стратегическое ядерное сдерживание, по нашему мнению, должно войти в более широкую систему мер предупреждения, парирования и нейтрализации внешних угроз политической стабильности России, включающую в том числе невоенные и непрямые военные действия.

Так, в условиях международного мира целесообразно продолжить внешнеполитический курс по вовлечению центров силы в сотрудничество с Россией. Данный курс предусматривает установление добрососедских отношений и связей со всеми государствами мира, прежде всего, с теми из них, которые непосредственно граничат с нашей страной. Для достижения этой цели предполагается смещение характера отношений РФ с другими странами в более благоприятную область: «Предупредительно-профилактическими мерами противников надо “превращать” в конкурентов, конкурентов – в нейтралов, нейтралов – в партнеров, а партнеров – в союзников».

Так, России целесообразно укреплять отношения стратегического партнерства с Францией и Германией как политическим и экономическим ядром Европейского союза, развивать уже существующие продуктивные связи асимметричной взаимозависимости в сфере энергетической безопасности, активизировать публичную дипломатию и тем самым снижать вероятность участия этих стран в антироссийских акциях. В отношении новых членов Североатлантического альянса РФ может предпринимать действия по дальнейшему развитию торгово-экономического партнерства, вовлечению Польши, Румынии и Болгарии в сотрудничество в области экспорта российских энергоресурсов. Схожей линии действий Россия может придерживаться и в формировании конструктивных отношений с Японией.

Снижению внешних угроз политической стабильности на южном направлении в форме активности сетевых структур исламского фундаментализма может способствовать участие России в международных организациях коллективной безопасности и экономического сотрудничества, где она занимает ведущие позиции. Речь идет об Организации Договора о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества, Евразийском экономическом сообществе и др. Россия может опереться на уже созданные коллективные силы быстрого реагирования ОДКБ, Антитеррористический центр Содружества Независимых Государств, формируемую Единую систему противовоздушной обороны и совместную систему радиационной, химической и биологической защиты ОДКБ от террористических атак. Значение потенциала ШОС для безопасности России также связано с возможностью объединения усилий с Китаем и среднеазиатскими государствами по нейтрализации движений радикального ислама и сепаратистских националистических организаций Центральной Азии, подрыв-

вающих внутривнутриполитическую стабильность в регионах РФ. Снижению опасности возникновения конфликта между РФ и КНР способствует развитие предсоюзнических отношений двух государств, сближение их военных доктрин, проведение регулярных совместных учений, действия по борьбе с этническим сепаратизмом.

Взаимовыгодное сотрудничество России с США может реализовываться в области военной безопасности, американской национальной системы противоракетной обороны, борьбы с терроризмом, нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, взаимодействия в рамках Всемирной торговой организации, в энергетике, совместных космических проектах и других сферах.

В период перехода от мирного взаимодействия к латентной фазе и фазе обострения отношений в межгосударственном столкновении основные усилия российского руководства, дипломатии и Вооруженных сил, по-видимому, стоит сосредоточить на сохранении и укреплении достаточного потенциала стратегического сдерживания. Это позволило бы удержать ведущие государства от прямого столкновения с РФ. В фазах обострения межгосударственных отношений и открытого столкновения Россия может прибегнуть к формированию коалиций и непосредственному сдерживанию своих противников. Индикаторами этих фаз являются: начало формирования агрессивных военно-политических альянсов; информационно-психологическое, дипломатическое, экономическое, силовое давление на субъекта системного противодействия; дестабилизация обстановки и смена правящих элит в странах-союзниках; развязывание приграничных локальных вооруженных конфликтов.

В данном случае использование методов формирования коалиций обеспечило бы предупреждение внешних угроз политической стабильности за счет реализации мер и действий по изменению международного баланса сил для недопущения ситуации пассивного предрешения. Формы сдерживания могут быть использованы для оперативного предупреждения внешних угроз в форме демонстрации собственных военных возможностей по закрытию «окон уязвимости» и воздействию на центры тяжести государств-оппонентов, их военных сетей. Среди «центров тяжести» ведущее место сегодня занимают космические спутниковые системы, нанесение заданного ущерба которым может существенно ограничить возможности отдельных государств по ведению ими «сетевыми»

ческих войн», превращая группировки вооруженных сил в набор «платформ» (кораблей и летательных аппаратов военного назначения).

*«Вестник Российской науки»,
М., 2011 г., № 4–5, с. 243–251.*

Наталья Говорова,

кандидат экономических наук

(Институт Европы РАН)

РАЗВИТИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Преодоление острого демографического кризиса – важный фактор, определяющий успех экономических и социальных преобразований. Эта крупнейшая проблема современности усугубилась в России вследствие структурных изменений в экономике, произошедших за последние десятилетия. Начиная с 1992 г. наблюдается естественная убыль населения, связанная с высокой смертностью (особенно мужчин трудоспособного возраста) и низким уровнем рождаемости. Для преодоления этой тенденции необходима реализация скоординированных действий, направленных на сокращение смертности трудоспособного населения, стимулирование рождаемости и проведение действенной миграционной политики.

Решение данных задач напрямую будет способствовать созданию условий для модернизации и реструктуризации отечественной экономики. Такие актуальные демографические проблемы, как сокращение численности детей и молодежи, а значит, в перспективе уменьшение трудовых ресурсов, в том числе современных профессиональных кадров, определяющих интеллектуальный и научный потенциал страны, могут привести к глубокому системному кризису, обесценению физического и человеческого капиталов.

Неблагоприятная демографическая ситуация, характеризующаяся низким уровнем рождаемости и ожидаемой средней продолжительности жизни, приводит к демографическому старению и сокращению численности населения. По данным Федеральной службы государственной статистики (ФСГС), только за период между переписями населения России 1989 и 2002 гг. смертность в стране выросла в 1,5 раза, численность лиц старше трудоспособного возраста увеличилась на 2,6 млн. человек (9,5%), численность

детей и подростков сократилась на 9,7 млн. человек (27%). По сравнению с 1989 г. в 2002 г. средний возраст жителей страны увеличился на 4,3 года и составил 37,1 года.

Численность постоянного населения РФ на 1 мая 2010 г. составила 141,9 млн. человек и с начала года уменьшилась на 41,7 тыс. Естественная убыль населения в январе–апреле 2010 г. уменьшилась по сравнению с соответствующим периодом 2009 г. на 24,2 тыс. человек. Миграционный прирост на 61,2% компенсировал численные потери населения. Отмечается сокращение числа выбывших за пределы России на 2,1%, в том числе в страны дальнего зарубежья – на 13,6%.

Ключевые демографические тенденции, на основе которых становится возможным делать прогнозы на будущее, можно определить, сопоставляя важнейшие демографические показатели, приведенные ниже.

<i>Основные демографические показатели РФ</i>	<i>2006 г.</i>	<i>2009 г.</i>
Численность населения, млн. человек	142,76	141,90
Возраст < трудоспособного	23,32	22,54
Трудоспособный	90,33	89,27
Возраст > трудоспособного	29,11	30,10
Естественный прирост, убыль (-) населения	-687,0	-362,0
Коэффициент фертильности	1,30	1,49
Ожидаемая продолжительность жизни, лет: все население	66,60	67,88
Мужчины	60,4	61,8
Женщины	73,2	74,2
Миграционный прирост, убыль (-) населения	154,5	257,2

Источник: Федеральная служба государственной статистики РФ.

Сложившаяся демографическая ситуация характеризуется крайне низким уровнем рождаемости, не обеспечивающим простого воспроизводства населения и высокими коэффициентами смертности.

1. «Пессимистический» вариант предполагает продолжение негативных тенденций демографического развития, сложившихся в 90-е годы, с дальнейшим снижением уровня рождаемости и ростом смертности. Согласно этому варианту численность населения России к 2030 г. снизится до 127 млн. человек. Эксперты отмечают, что только повышением рождаемости проблему не решить, так как численность населения в России снижается в первую очередь

из-за высокого уровня смертности, при этом сокращение трудоспособного населения происходит прежде всего из-за высокой смертности, обусловленной главным образом болезнями сердечно-сосудистой системы и негативными внешними факторами: ДТП, отравлением алкоголем, правонарушениями.

2. По прогнозам, к 2031 г. численность населения РФ по среднему варианту составит немногим более 139 млн. человек (102 млн. – городское и 37 млн. – сельское население).

3. По мнению оптимистически настроенных экспертов, в скором времени последствия демографического кризиса могут быть преодолены, смертность стабилизируется, рождаемость установится на уровне, характерном для развитых стран, а численность населения вырастет до 148 млн. человек. Естественная убыль населения в январе–апреле 2010 г. уменьшилась по сравнению с соответствующим периодом 2009 г. на 24,2 тыс. человек. Миграционный прирост на 61,2% компенсировал численные потери населения. Наряду с этим отмечено сокращение числа выбывших за пределы России на 0,2 тыс. человек.

Население России не только сокращается, но и стремительно стареет. По прогнозам ФСГС, доля людей старше 65 лет составит к началу 2011 г. 16,3%, а на тысячу работающих будет приходиться 266 детей и 367 пенсионеров; к 2013 г. эти цифры существенно возрастут (320 и 530 соответственно). Таким образом, экономическая нагрузка на трудоспособное население будет все время расти. Среди удручающих факторов нашего демографического настоящего и будущего можно назвать также и то, что в России людей трудоспособного возраста умирает в разы больше, чем в странах Европейского союза, уровень младенческой смертности в 2–2,5 раза выше показателей развитых стран.

Но все-таки можно назвать и немало доводов в пользу оптимистического варианта демографической трансформации нашего общества. При успешной реализации демографических программ по стимулированию рождаемости и приоритетного национального проекта в сфере здравоохранения ожидается увеличение числа рождений и уменьшение коэффициента смертности. Сохраняется надежда и на увеличение коэффициента рождаемости, однако успехов в этой области достичь очень непросто, требуется много времени.

Чтобы реализовать вышеописанный положительный демографический тренд, в России в рамках национального проекта «Здоровье» разработана концепция демографической политики до

2025 г. Ее основные цели: снижение темпов естественной убыли населения, стабилизация численности населения к 2015 г. на уровне не менее 140 млн. человек и создание условий для постепенного перехода к ее росту. В рамках проекта предполагается уменьшить производственный травматизм и профессиональную заболеваемость, повысить культуру здорового образа жизни, реализовать меры, направленные на существенное улучшение здоровья населения, полную реализацию его репродуктивных установок, создание условий для повышения ответственности населения за свое здоровье, проведение мероприятий по упреждающему реагированию на возможные риски в демографическом развитии. Субъекты Федерации на основе концепции могут формировать собственную демографическую политику и разрабатывать соответствующие региональные программы.

Сокращение численности населения России сегодня в некоторой степени компенсирует миграция, включая содействие добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. В соответствии с Указом Президента РФ «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», межправительственная комиссия разработала специальные план и программу, направленные на объединение потенциала соотечественников, проживающих за рубежом, и потребностей развития российских регионов. В качестве пилотных выступают 12 регионов, которые, прежде всего, должны оценить свои потребности в трудовых ресурсах, готовность имеющейся инфраструктуры к приему переселенцев, в том числе в части, касающейся предоставления базовых социальных услуг (образовательных, медицинских), а также жилья и создания рабочих мест.

Одной из основных причин демографического кризиса России является спад производства и массовая безработица, ведущая к деградации работников. Заработная плата основной массы работников в России упала в 90-е годы до крайне низкого уровня, который не способен стимулировать даже простое воспроизводство рабочей силы. Сложившаяся демографическая ситуация для страны является неестественной, однако представляется небезнадежной, если целями демографической политики РФ на среднесрочную и долгосрочные перспективы станут проведение мероприятий по снижению уровня смертности населения и создание

предпосылок для стабилизации показателей рождаемости с учетом региональных особенностей демографических процессов.

Многие отечественные ученые и общественные деятели уверены, что вывод страны из демографического кризиса, который продолжается уже более полутора десятка лет, – одна из самых злободневных проблем долгосрочного развития социальных процессов в России. Каким будет демографический профиль нашей страны через 10–30 лет, зависит от совместных усилий властей и гражданского общества, каждого россиянина.

«Динамика социальных процессов в современной России», М., 2010 г., с. 11–16.

Наталья Мухаметшина,
доктор политических наук, эксперт
Сети экологического мониторинга (г. Самара)
**МУСУЛЬМАНСКОЕ СООБЩЕСТВО РОССИИ
ПОД ВЛИЯНИЕМ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
(На примере Самарской области)**

Для населения Самарской области, так же как и для населения других территорий Поволжья, характерно исторически сложившееся этнокультурное и конфессиональное многообразие. Несмотря на сложную историю ислама в Урало-Поволжье, дискретность этой истории в границах современной Самарской области, тысячелетняя приверженность мусульманского населения региона суннизму ханафитского мазхаба, дополненного в XIX в. идеологией джадидизма, позволяют говорить о глубоко укоренившихся исламских традициях. В рамках этой традиции ее носители сумели выработать эффективные механизмы взаимодействия с другими, неисламскими народами региона, стали сотворцами толерантного в этноконфессиональном плане регионального сообщества. В условиях современной России, когда наблюдается массовая актуализация религиозной идентичности, активизация деятельности религиозных организаций и развитие сотрудничества государственных и религиозных институтов, приверженность традиционному исламу имеет особую значимость как для самого мусульманского сообщества, так и для российского общества в целом. Несмотря на многочисленные инновации, доморожденные и завезенные из Турции, Египта, Саудовской Аравии и т.д., именно традиционный ислам дает психологическую и социальную основу

для индивидуального выбора религиозной идентичности. Представляется, что в приверженности большинства мусульман региона традиционным исламским практикам следует искать потенциал неприятия религиозно-политического экстремизма.

В настоящее время на территории Самарской области проживают представители более 130 национальностей. Традиционными для Самарского региона являются русские (83,6%), башкиры, евреи, казахи, мордва, немцы, поляки, татары, чуваша, украинцы. В конце XX – начале XXI в. территорию области в качестве постоянных жителей либо трудовых мигрантов активно осваивают азербайджанцы, армяне, киргизы, корейцы, таджики, узбеки, представители северокавказских и ряда других народов. На основании временного критерия мы определяем эту группу этнических меньшинств как «новых мигрантов». В подавляющем большинстве «новые мигранты» позиционируют этнодиаспорную идентичность. Отдельные представители кавказских и среднеазиатских народов могут быть отнесены к старожильческому населению Самарского региона.

Большинство «новых мигрантов» являются «этническими мусульманами», т.е. относятся к народам, традиционно исповедуют ислам. По результатам Всероссийской переписи населения 2002 г., численность «этнических мусульман», проживающих на территории области, составляла примерно 182 тыс. человек (5,6%). Из них свыше 150 тыс. – это татары, казахи, башкиры, т.е. представители старожильческого населения Самарского края. В действительности численность «этнических мусульман» была больше официальной цифры, так как часть представителей «новомигрантских» общин по разным причинам уклонилась от участия в переписи. В период 2002–2010 гг. сохранялась высокая миграционная привлекательность Самарского региона. Вплоть до 2009 г. увеличивалась численность как прибывающих в область временных трудовых мигрантов, так и получающих гражданство Российской Федерации иммигрантов из государств Закавказья и Средней Азии. Например, по сведениям лидеров общественной организации «Лига азербайджанцев Самарской области», за последние годы российское гражданство получили не менее 10 тыс. азербайджанцев, проживающих на территории области. Примерно такую же цифру называют лидеры областной таджикстанской общественной национально-культурной организации (НКО) «Пайванд – Единство». Облегченный порядок приобретения российского гражданства, установленный для граждан Киргизстана, также спо-

способствовал росту численности и удельного веса среди населения этнических киргизов.

Как показывает практика общения с временными трудовыми мигрантами, экспертные интервью с лидерами национально-культурных организаций и мусульманскими священнослужителями, приехавшие на заработки граждане Азербайджана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана – а именно они составляют подавляющее большинство временных трудовых мигрантов и иммигрантов – являются активными верующими (совершение намаза, посещение мечети, чтение Корана и т.п.). В целом для «новых мигрантов», и особенно для представителей «этнических мусульман», характерна активная религиозность. При этом степень религиозности, численность и удельный вес активно верующих «этнических мусульман», как и «этнических православных», остаются открытыми вопросами. Светские власти, представители духовенства и светско-религиозной общественности, как правило, предпочитают отождествлять этническую и конфессиональную принадлежность. Отсюда далекие от действительности, но довольно распространенные цифры, свидетельствующие, что в России проживает свыше 120 млн. православных («этнических православных»), от 14,5 до 20 млн. мусульман («этнических мусульман»).

На территории области зарегистрировано свыше 400 религиозных организаций, представляющих 23 вероисповедания. В том числе мусульманская община насчитывает 86 официально зарегистрированных приходов-махалля и два медресе («Нур» при Самарской Соборной мечети и «Гали» в селе Алькино Похвистневского района).

За некоторым исключением все махалля действуют при мечетях, некоторые располагаются в переоборудованных под модельные комнаты помещениях. Переломным для функционирования ислама в области, как и в целом для религиозных организаций, стал 1989 г., когда одна за другой стали регистрироваться махалля, открываться мечети. В 1994 г. было образовано региональное Духовное управление мусульман Самарской области (РДУМСО), которое первоначально возглавил имам А. Мингачев, а затем муфтий Самарской Соборной мечети В. Яруллин.

По общему мнению представителей духовенства, светской власти, деятелей татарских национально-культурных организаций, РДУМСО и его председателю, муфтию В. Яруллину, удалось создать единую и авторитетную структуру управления. До недавнего времени все зарегистрированные махалля и РДУМСО находились

в подчинении Центрального духовного управления мусульман России и европейских стран СНГ, возглавляемого муфтием Т. Таджудином. В настоящее время в Тольятти существуют два малочисленных прихода, руководители которых позиционируют себя приверженцами Р. Гайнутдина и Совета муфтиев России. Региональная умма не признает эти организации, считая одного из руководителей самозванцем, лишенным звания имама. К тому же у того есть серьезные проблемы правового характера. В 2010 г. в Самаре был зарегистрирован приход махалля, подчиняющийся Казанскому муфтияту.

С увеличением численности мигрантов традиционная мусульманская община региона дополняется суннитами шафиитского мазхаба, суфийских тарикатов, шиитами из Азербайджана и шиитами-исмаилитами из Таджикистана. Среди таджиков, проживающих в Самарской области, и временных трудовых мигрантов из Таджикистана есть последователи самой крупной исмаилитской общины, возглавляемой Ага-ханом IV. На деньги «Фонда Ага-хана» содержится воскресная школа, проводятся некоторые мероприятия. В 2010 г. в одном из сел Красноярского района области поселился проповедник из Таджикистана Наби-хаджи, к которому на пятничные намазы приезжают таджики из различных населенных пунктов, в том числе из Самары. Этот приход пока не зарегистрирован. Известно, что сам Наби-хаджи пытался получить место в какой-либо мечети, но получил отказ. Лидеры общественной НКО «Пайванд – Единство» считают деятельность хаджи раскольнической.

В настоящее время в любой мечети на намазе собираются вместе представители традиционных для Урало-Поволжья мусульманских народов, кавказцы, выходцы из государств Средней Азии. В ходе наших интервью не были выявлены какие-либо недовольства по этому поводу. Хотя некоторые расхождения в отправлениях культа присутствуют: например, вместо привычного для татар, башкир, таджиков, узбеков и др. тихого зикра присутствующие на намазе чеченцы, ингуши, дагестанцы практикуют громкий зикр. Но, по свидетельству наших информантов, никто не обращает на это внимания, а имамы не проводят каких-либо специальных бесед на этот счет.

По информации председателя правления общественной организации «Лига азербайджанцев Самарской области» Ш. Керимова, «азербайджанцы-шииты, а их большинство, посещают “татарские” мечети, т.е. те, которые есть в Самарской области.

Некоторые предлагали построить азербайджанскую мечеть или моельный дом, но я категорически против этого. Удалось убедить, так как никаких притеснений или неудобств в действующих мечетях азербайджанцы, как сунниты, так и шииты, не испытывают. Вообще деление на шиитов и суннитов я не признаю, в Коране этого нет, придумали политики в борьбе за власть».

С середины 1990-х годов наблюдается неуклонное увеличение численности и удельного веса мусульман, представляющих нетрадиционные для Поволжья народы. Однако лидирующее положение в мусульманской умме по-прежнему занимают татары: они составляют подавляющее большинство мусульманского духовенства и членов мутаваллиатов. Вместе с тем на намазах в городских мечетях (приезжие мусульмане называют их «татарскими») значительную часть молящихся, а в некоторых – большинство, составляют представители народов Северного Кавказа, Средней Азии, Азербайджана. В последние годы традиционное двуязычие в городских мечетях (арабский, татарский) сменилось трехязычием (арабский, татарский, русский). Такой переход в целом встречен с пониманием, но доводилось встречать и недовольство со стороны прихожан-татар. В целом вопрос о роли татар в жизнедеятельности современной мусульманской общины, на наш взгляд, постепенно актуализируется. Хотя эта точка зрения не нашла подтверждения со стороны наших экспертов-татар.

Для иммигрантов и временных трудовых мигрантов мечеть имеет особенное значение. Та часть мигрантов, которые приехали на заработки самостоятельно и не имеют адресов своих земляков, обращаются в мечети за информацией и материальной помощью. Конечно, такая категория мигрантов встречается крайне редко, но и они требуют внимания. РДУМСО тесно сотрудничает с национально-культурными организациями, представляющими интересы «этнических мусульман», поэтому служители мечетей знают контактные телефоны, адрес Дома дружбы народов. Для иммигрантов-мусульман и временных трудовых мигрантов мечеть, в первую очередь, «кусочек Родины», место, где можно не только пообщаться с земляками и единоверцами, но и отдохнуть душой. Во время сбора полевого материала в рамках исследовательских проектов нам неоднократно приходилось слышать рассказы от трудовых мигрантов о том, что каждую пятницу, несмотря ни на что, они приходят или приезжают в мечеть на намаз. Об этом говорят и те, кто, имея какие-либо проблемы с разрешительными документами, старается как можно реже появляться на улице, не

пользоваться общественным транспортом и т.п. В разгар беспорядков в Оше и Джалал-Абаде летом 2010 г. рядовые представители киргизской и узбекской общин Самары в первую очередь обратились за поддержкой в Соборную мечеть. Все тревожные дни на намаз в моляльное помещение, оборудованное на территории комплекса вещевых рынков «Кировский» (здесь работают более 3 тыс. иммигрантов из Киргизстана), приезжал муфтий В. Яруллин, имамы и члены РДУМСО проводили разъяснительные беседы. Мусульманское духовенство и представители общественности способствовали преодолению напряженности и угрозы открытых столкновений между киргизами и узбеками.

По мнению одного из экспертов, увеличение мусульманской массы за счет выходцев из Средней Азии, Северного Кавказа и Азербайджана – «это плюс нашей мусульманской общине». Если местное население мусульман воспринимало только как татар, которые по-соседски могли выпить с русским братом, курить, «материться», то приезд мусульман из Средней Азии и других мест «восстанавливает образ мусульманина как человека, ведущего безалкогольный, целомудренный образ жизни». Правда, духовенство несколько обеспокоено определенной резкостью менталитета кавказцев, более жестким вариантом ханафитского толка среднеазиатских мусульман. «Но мы понимаем, что на исламские традиции влияют этнические особенности».

Три года назад, оценивая ситуацию в мусульманской общине Самарской области, имам Соборной мечети подчеркнул: здесь нет ни «настоящих ваххабитов-пуритан, ни тех экстремистов, которые выдают себя за ваххабитов и образ которых тиражируют СМИ». В последнее время представители мусульманской общественности все чаще выражают обеспокоенность усилением салафизма в соседнем Татарстане и возможностью его проникновения в мусульманскую общину Самарской области. По общему мнению, региональная умма пока не затронута этими процессами. Главный источник распространения салафизма наши информанты видят в системе современного исламского образования, создающей условия, а порой подталкивающей молодежь к получению духовного образования в Египте, Арабских Эмиратах, Саудовской Аравии.

В 2004–2005 гг. мусульманская общественность и духовенство единодушно осудили попытку сторонников «Хизб ут-Тахрир» (Партия исламского возрождения) развернуть пропагандистскую деятельность на территории Самарской области. С определенной

долей уверенности можно констатировать, что и в настоящее время адепты «Хизб ут-Тахрир», «Таблиг-и Джамаат», других радикальных организаций не имеют поддержки в региональной умме. Однако эти протестные организации, использующие идеи радикального ислама для достижения социальной справедливости либо как способ преодоления личных идейно-психологических фрустраций, могут оказаться привлекательным для определенной части российских мусульман, прежде всего для молодежи.

Несмотря на то что в мусульманском сообществе происходят все более явные изменения, на официально-публичном уровне лидерами Регионального духовного управления мусульман Самарской области ситуация характеризуется как спокойная, единообразная в плане традиционной приверженности суннизму ханафитского мазхаба. По всей видимости, такой же она воспринимается и светскими властями.

*«Вестник Российской нации»,
М., 2011 г., № 4–5, с. 224–231.*

Лилия Сагитова,
кандидат исторических наук
(Институт истории АН РТ)
**ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ
В РОССИЙСКОМ ИСЛАМЕ**

Говорить о российском исламе как о некой гомогенной и однозначной культуре представляется сегодня проблематичным в силу многих причин. Богатая и многообразная историческая традиция ислама на территории России и противоречивость постсоветских трансформационных процессов создали и продолжают создавать своеобразную картину.

Анализ этого феномена усложняется не только сильной дифференциацией ислама в российских регионах, что обусловлено своеобразием культурного, исторического и геополитического контекста. Сам по себе процесс «возвращения» ислама на постсоветское пространство неоднозначен и сложен. Поэтому в научной литературе зачастую встречаются несовпадающие, или противоречащие друг другу объяснительные модели. Для конца 1980-х – начала 1990-х годов характерно понятие «исламское возрождение», под которым подразумевался возврат к исторической традиции тюркских народов СССР после 70 лет атеизма. Однако уже к нача-

лу XXI в. стало ясно, что «вернувшийся ислам» во многом отличается от дореволюционных канонов. Появилось другое понятие – «исламская глобализация», подразумевающее заполнение духовной ниши тюрков арабской версией ислама. Появление духовных учителей и проповедников из стран исламского Востока, подготовка молодых имамов и мулл в зарубежных духовных центрах положили начало ревизии традиции предков. Средоточием споров стала традиционность в исламе, поскольку проводники обозначенных тенденций апеллировали к истине, как мерилу легитимности своего направления. Для обращавшихся к региональной исторической традиции истина была в канолах предков. Исламские неофиты отсылали к арабской модели ислама, считая лишь ее одну истинной.

Описанная коллизия вполне закономерна, поскольку культура в самых разных своих проявлениях обязательно содержит аспект традиции. Но ее существование и развитие немислимы без инноваций. А.Б. Гофман проанализировал названные явления в контексте их диалектического взаимодействия. По его мнению, успех анализа социокультурных процессов во многом зависит от умения учитывать всю сложность и многозначность традиционных аспектов культуры и социального поведения. Важным является исследование различных видов традиций и традиционности, их смыслов, значений и функций в определенных социокультурных комплексах и ситуациях. Ученый выделил различные типы традиции: «традицию-инерцию» (воспроизводство привычного порядка вещей); «традицию-ностальгию» (воспоминания о прежних временах); «традицию-реставрацию» (стремление восстановить реальное или мифическое прошлое); «традицию-ритуал» (воспроизведение в символической форме тенденции и события прошлого); «традицию-константу» (культурный образ, сохраняющийся в определенном обществе в течение длительного времени); «традицию-оболочку» (содержит новое явление в старой оболочке). Его призыв исследовать взаимодействие традиций с другими социокультурными явлениями: инновациями, диффузией, заимствованиями, различными проявлениями глобализации и информатизации, – еще раз акцентирует невозможность сегодня говорить о традиции, как о некоем первозданном феномене, претендующем на «истинность».

В связи с этим описанный выше подход А.Б. Гофмана представляется наиболее продуктивным для анализа процесса реисламизации в различающихся российских регионах. Сегодня ис-

лам в России невозможно анализировать вне социокультурного контекста: комплекс самых разных факторов оказывает влияние как на ценностный и нормативный континуум, так и на религиозные практики. Плюрализация и гибридизация социального пространства в условиях глобализации подводят нас к пониманию того, что спектр мотиваций обращения к исламу значительно расширился. Сегодня религия может выступать как сугубо идеологическое явление, выполнять нормативно-этическую и моральную функцию. И наряду с этим быть рыночным продуктом, приобретая функции «товара» в самых разных контекстах. Ислам стал необходимым атрибутом «возвращения к “исконным корням народа”», или «вере предков», обеспечивая массовую поддержку этнического ренессанса в конце 1980-х – начале 1990-х годов, явился важным аргументом во внутривнутриполитическом и культурном самоопределении регионов России с мусульманским населением. Он заполнил идеологический вакуум для многих тысяч людей, ищущих опору и ориентиры в сложную эпоху перемен. В то же время ислам стал важнейшим ресурсом в поиске экономических и политических союзников для региональных администраций и мусульманских институтов в условиях новых политических реалий и рыночной экономики.

Актуальность темы, обусловленная активной реисламизацией и политическим подтекстом явления, стимулирует появление множества работ на эту тему. Многие исследователи сегодня признают сложность анализа ислама как социального феномена. Понимая ограниченность политологического и исторического методов, часть из них обращается к исследовательскому неоклассицизму, под которым понимает преимущественно эмпирическое исследование конкретных течений, направлений, школ, возникающих и существующих в исламе.

Многолетняя (2006–2010) ситуация в селе Средняя Елюзань Пензенской области стала еще одной попыткой изучения процесса реисламизации на примере отдельно взятого населенного пункта, где сосуществуют различные типы традиции. Село Средняя Елюзань Пензенской области называют самым большим татарским селом в Российской Федерации. Его жители относят себя к этнической подгруппе татар-мишарей. Историки считают, что его основали татарские мурзы в 1681 г. В советское время в селе постоянно работала мечеть, которую сельчанам удалось отстоять вопреки идеологическому давлению. С 1970-х годов село было известно как совхоз-миллионер «Елюзанский». В постсоветский

период, когда села по всей стране пришли в упадок, Средняя Елюзань сохранила статус преуспевающего села, его жители смогли достаточно быстро адаптироваться к рыночной экономике. Сегодня в селе работают четыре маслобойни, колбасные цеха, где производится продукция «халяль», мельница, пилорама, мастерская по дереву, автосервис, два стоматологических кабинета, фитнес-центр, компьютерный клуб, автопарк маршрутных такси. Село активно развивается, отток жителей из села незначительный. По демографическим показателям рождаемость превышает смертность в два раза. В 2006 г. число жителей составляло 8700 человек, в 2010 г. – 9232 человека. Село является центром религиозной жизни татар региона. Здесь проходят съезды мусульман Пензенской области. Из Средней Елюзани вышло семь муфтиев, которые работают в разных регионах России. В селе с 2002 по 2005 г. работало медресе, где обучалась приезжая и местная молодежь, школы-ниги.

Сосуществование двух традиций в одном социокультурном пространстве часто приводит к конфликтам, которые вызваны несовпадением религиозных норм и обрядово-ритуальных канонів. Подобная коллизия ярко проявляется в условиях относительно небольших и гомогенных в этноконфессиональном плане.

Для научного сообщества Средняя Елюзань представляет интерес по нескольким причинам. Первая связана с социальными характеристиками объекта. Здесь сохраняется общинно-родственный стиль общения людей, в отличие от города, что дает возможность исследовать коллизию в ее концентрированном выражении, поскольку степень согласованности мнений по поводу двух противоречивых тенденций наиболее высока. Кроме того, фактор устойчивости и плотности социальных связей играет большую роль в прослеживании характера и динамики развития названных тенденций. Третья причина связана с тем, что религиозная традиция в селе не прерывалась даже в эпоху советского атеизма. Кроме того, ислам явился эффективной основой выживания сельчан в непростых условиях 1990-х годов. Названные обстоятельства дают возможность сравнить влияние «старого» и «нового» ислама на жизненные стратегии жителей села и выявить социальный эффект каждой из тенденций.

Целью исследовательского проекта стало выявление факторов, влияющих на развитие старой исламской традиции и новой глобализированной формы ислама в условиях гомогенного в этноконфессиональном плане локуса, и рассмотрение социальных ха-

рактик их носителей на примере татарского села Средняя Елюзань Пензенской области.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что советский период оказал значительное влияние на религиозную жизнь жителей села. Ресурсная база советской идеологии значительно ослабила мусульманскую составляющую, исключив ее влияние на светские институты и структуры. Мусульманские нормы, ценности и практики сохранились и воспроизводились на уровне семьи. Наблюдалась возрастная дифференциация в духовных практиках: старшее поколение воспроизводило практики и в публичном (мечеть), и в приватном пространствах; дети и молодежь исключительно в приватном, в рамках семьи и ближних родственников. В советский период следование мусульманским нормам в условиях светских институтов провоцировало конфликты. Истории информантов свидетельствуют, что чаще всего они возникали, когда школьники держали уразу в школе.

История села и нарративы его жителей позволяют сделать вывод, что в эволюции ислама первостепенную роль сыграла семья, как в поколенческом воспроизводстве практик, так и в постсоветской реисламизации.

Институт семьи в Средней Елюзани сохранял черты традиционализма в советское время и в чем-то продолжает сохранять его сегодня. Значимую роль в консервации сыграл ислам, поскольку нормативная сфера исламских ценностей приобрела черты народной культуры, а социальный контроль стимулировался спецификой сельской жизни. До сих пор бытует обычай соблюдения старшинства среди братьев и сестер при вступлении в брак. Поселение молодых у мужа или у его родителей является обязательным. Отступление от нормы считается позором. Также действует и обычай, когда младший сын остается в родительском доме, наследует дом родителей и несет обязанность по уходу за ними. Старшим сыновьям отцы строят дома. Это материальное основание также укрепляло влияние родителей и семьи. Вообще, строительство домов для детей было традицией и в советское время, несмотря на большие сложности с материалом и заработками в условиях государственной экономики. К строительству привлекались родственники, соседи и знакомые. Состоятельные елюзанцы приглашают сегодня и рабочие бригады. К 2011 г. в селе осталось всего несколько деревянных домов, принадлежащих, как правило, учителям или служащим. Большинство жителей заняты малым и средним бизнесом и в основном имеют новые большие кирпичные

дома с гаражами для камазов и хозяйственными постройками во дворах.

Сегодня сфера семейного воспитания не столь однозначна. Для многих семей патриархальные ценности, почитание родителей – норма, которая продолжает действовать. Здесь важно отметить, что авторитет родителей для детей неформален. В ходе интервью всем информантам задавался вопрос о «значимом другом», на кого они хотели быть похожи в детстве и юности. Как оказалось, для большинства образцом для подражания были родители. Институт брака также играет важную роль: по исламским канонам вступление в брак является священной обязанностью мусульманина. Традиционализм проявляется и в жестком распределении гендерных ролей и функций. В селе сохраняется традиция кражи невест. Часто это случается по взаимному согласию, когда не хотят устраивать пышных свадеб. Добрые отношения сохраняют черты традиционализма или же репрезентируются в его канонах.

В то же время сельчане выделяют молодежь с «новой» исламской ориентацией. Рассказывают о том, что те, «кто в хиджабах – они не гуляют, и сватаются за тех уже традиционно, кто поддерживает ислам. Они стараются выходить замуж уже за своих. И девушки, и парни. А друг о друге узнают через родню» (женщина, 23 года). О приоритете исламских ценностей перед гражданскими говорит тот факт, что в селе чаще всего брачный союз молодых узаконивается никахом. «Только никах прочитали, после, через полгода, зарегистрировались. А регистрируются у нас, в основном, когда рождается ребенок» (женщина, 28 лет).

Если старшее поколение сохраняет консерватизм, то современные ориентации молодого поколения динамичны и неоднозначны. По отзывам самих сельчан, старые нормы сохраняли силу до середины 1990-х годов. С одной стороны, влияние глобализации, городских стилей усиливается. И трудно интерпретировать поведение елюзанских девушек, снимающих платки в условиях города, куда они приехали учиться. Это может быть формой адаптации к другой среде, где платки не приветствуются, или обретением свободы вне зоны внешнего контроля. А может – кратковременной данью моде. С другой стороны, увеличивается доля «молодых» мусульман с более последовательным и осознанным следованием нормам ислама. Их образованность, достоинство, спокойная уверенность в своей правоте, некий внутренний стержень, который ощущается с первых минут общения с ними, делают привлекательным ислам в новой интерпретации. Стабильность

и гарантия социального порядка в рамках обновляемой махалли (общины) обретают новую ценность в условиях сложной российской социально-экономической ситуации.

Что касается отношения к исламу, то исследование показало, что опыт приобщения к исламу и степень религиозности елюзанцев в советское время различались. Кому-то религиозные ценности и знания передавались из поколения в поколение. Кто-то имел некоторое представление об исламе, но жил обычной жизнью советского колхозника. В отличие от многих татарских сел, в Средней Елюзани удалось сохранить одну из нескольких действовавших до революции мечетей – центральную. Несмотря на запреты, мечеть работала, и сельчане старались соблюдать религиозные обряды и праздники. Например, пост держали даже дети, проходившие обучение в советской школе.

Религиозный ренессанс конца 1980-х – начала 1990-х годов легитимировал ислам в публичном пространстве. При старой мечети организовали классы для желающих обучаться арабскому языку и Корану. Несмотря на то что в начале 1990-х годов сгорела старая мечеть, сельчане построили к 2006 г. семь мечетей на свои собственные пожертвования. С 2002 г. в селе начало действовать медресе, где училась не только местная, но и приезжая молодежь. В 2005 г. медресе было закрыто, попав под кампанию борьбы с терроризмом.

Молодежная исламская реформация: с конца 1990-х годов в селе появляется новая генерация мусульманских священников – местных елюзанцев, прошедших обучение в восточных исламских университетах Сирии, Египта, Саудовской Аравии. По данным школьной статистики, за пять лет, в период с 2005 по 2010 г., в духовные учебные заведения поступило 20 выпускников школы из общего числа выпускников – 483 человека (4,1%). Как показало исследование, стимулами к получению исламского образования для молодых людей являются два фактора: включенность ислама в повседневность и ограничение социальной мобильности. Надо отметить, что практически все информанты говорили о нацеленности родителей и самой молодежи на получение высшего образования. Поскольку сельская школа уступает по качеству образования городской, наиболее вероятная возможность получить образование – поступить в коммерческую группу вуза, где оплата обучения достаточно высока. Большинство сельчан старается заработать на образование детей, но для тех, у кого нет средств, реальная возможность получить высшее образование – поступить в зарубеж-

ный исламский университет, где оплачивается обучение и содержание. Как правило, это дети из небогатых семей. Выпускники школ часто используют налаженные образовательные каналы. Так, молодые люди чаще всего едут в Бугуруслан, что расположен в Оренбургской области, а затем, проучившись какое-то время, едут учиться за границу. Маршрут девушек, желающих получить духовное образование, иной – это Актюбинское и Казанское медресе в Татарстане. Кто-то из выпускников таких университетов возвращается в Елюзань, а кто-то едет работать в мусульманские приходы других сел и городов России.

В селе их называют «молодые», в отличие от «старых» – прежних мулл и имамов, которые получили образование в Бухаре и работали еще при советской власти. «Молодых», получивших образование в признанных центрах ислама, можно в какой-то степени назвать неопитами. Пафос их «истинной» мусульманской идентификации основан не только на мнении о том, что в советское время ислам был сильно искажен, а его служители были подконтрольны власти. Мои беседы с молодыми имамами позволили увидеть социальные основания приверженности «истинной вере». Опыт многолетнего наблюдения «другой» жизни в мусульманских странах заставляет их оценивать не в лучшую сторону постсоветскую повседневность, где присутствуют алкоголизм, наркомания, проституция, коррупция и социальная незащищенность.

Поскольку в негативе находится та часть жизни, что связана с моралью, нравственностью и духовными ценностями, то спасение видится в следовании нормам ислама. Но не того, привычного, традиционного для России ислама, который не дал пока ожидаемого эффекта, а «истинного» ислама с Арабского Востока. Их просветительская деятельность и нормы ислама, к которым они призывают, воспринимаются сельчанами по-разному. Одна часть из них не принимает новой интерпретации норм, другая, наоборот, – воспринимает их с энтузиазмом. Примечательно, что большая часть информантов, принимающих «новый» ислам, – молодежь и люди среднего возраста – социально активные сельчане.

Случаи, когда родители учатся у своих детей, довольно часты. Таким образом, можно говорить, что на уровне семьи у старшего поколения происходит ресоциализация в религиозной сфере.

Другая часть сельчан придерживается «традиционного», привычного с советских времен ислама. Им не нравятся более строгие правила и ограничения, проповедуемые «молодыми». Наибольшие расхождения наблюдаются в похоронных обрядах, где

раньше было принято отмечать поминки по усопшему (3, 5, 7 и 40 дней), или в свадебных обрядах, где исламские и народные традиции переплелись. Приводимые высказывания выражают наиболее типичный спектр мнений, услышанных от елюзанцев:

«“Молодые” хотят новшества вводить, но они грубо начали: например, один раз не прочитал намаз – ты отступник, враг... Жестко очень. <...> А как же, работая в деревне, намаз не пропустишь? Ведь разные условия бывают...»

«Наши отцы хорошо веру держали. Но фанатами не были, не закутывались особо. Сейчас уже в исламских республиках – цивилизация: женщины за рулем сидят и волосы открывают. А у нас девушки закутываются; может, это мода, правда... Я не поддерживаю фанатизм, а они вот сначала закутываются, а потом и совсем до фанатизма дойдут» (мужчина, 53 года).

В советское время женщины села носили обычную одежду, но она отвечала нормам ислама – платок на голове, закрытое платье с юбкой средней длины. Большинство жительниц и сегодня следят за модой, носят современную одежду, но придерживаются привычных норм. Отношение к хиджабу разное: для кого-то он непривычен, а кому-то нравится, но пересиливает мнение родственников или устоявшаяся традиция.

В столкновении «традиционной» и «новой» интерпретаций ислама можно обнаружить социальные основания: это не только конфликт «отцов и детей», традиционного и нового, но и борьба за сферы влияния. Теологически подготовленные молодые имамы способны просто объяснить сложный язык Корана и дать ясные, понятные каждому наставления и духовные ориентиры, в отличие от формализованного и догматического подхода к учению «старых» имамов. И то, что деятельность «молодых» социально эффективна, укрепляет их позиции и увеличивает число приверженцев: «Я как бизнесмен говорю, житель этого села; кроме добра, кроме хорошего, кроме “спасибо” я ничего сказать не могу (имеются в виду “молодые” имамы. – Л.С.). У нас <...> каждый магазин раньше торговал вином, все свадьбы проходили с вином. Всю зиму пили, пили, пили... вот с их приходом все это дело отошло. Да у нас 52 точки торгуют, а <...> вино продают только в четырех-пяти <...>, честное слово, это милосердие Аллаха, что наши молодые обучились там, приехали, открыли глаза жителям нашей деревни <...>, у нас рождаемость гораздо больше пошла» (мужчина, 39 лет); «...вот уже в 2003 г. – редко у кого свадьба с пьянкой. Стали осуждать, никто не стал пить. <...> В Рамазан никто не пьет.

У нас соблюдаются традиции. И после Рамазана пить не стали, все уже осуждают...» (женщина, 45 лет). Большая часть представителей администрации относится к деятельности «молодых» с пониманием и оценивает их положительное влияние: «У нас глава администрации, который работал несколько лет назад, сделал анализ, он говорит: “Я взял статистику последнюю, посчитал. Те, которые соблюдают ислам <...>, которые приехали из Саудовской Аравии, у них рождаемость в два-три раза больше, чем у других. <...> Ни одного инцидента не было, чтобы они в правоохранительные органы попадали, заводили драки или что-то...”» (мужчина, 39 лет).

Сравнение служб в мечетях также чаще оказывалось в пользу «молодых»: «А вот наши старые муллы эти проповеди не донесли до нас. Или они так себя вели, что нам не хотелось их слушать... Сейчас мы в основном “молодых” слушаем. У “молодых” – учебники, они делают переводы аятов для нас”» (мужчина, 59 лет).

Старшее поколение имамов неоднородно. Кто-то еще с советских времен нес службу в мечети и «встроен» в управленческую иерархию. Некоторые из них не хотят сдавать свои позиции. Один из представителей старшего поколения имамов использовал все возможные методы для устранения конкурентов, вплоть до объявления их «ваххабитами», что явилось одной из причин частых проверок и закрытия медресе, ректором которого является представитель «молодых». В селе предпринималась попытка урегулировать конфликт: в 2006 г. местная администрация собрала обе стороны, в результате публичной дискуссии конфликт утих. Противники смягчили отношение друг к другу: «молодые» умили максимализм, а «старые» стали относиться к ним терпимее.

С усилением роли ислама сообщество сельчан приобретает черты общины, где регуляторами жизни становятся мусульманские ценности. Стремление следовать нормам ислама проявляется не только на уровне внешней презентации, но и в традиционных светских сферах жизни села. В местной библиотеке проходят конкурсы исламской поэзии. Постепенно нормы ислама устанавливаются в экономической и общественной жизни.

В селе работает несколько колбасных цехов, где производят говяжью и конскую колбасу, обеспечивая ею не только свое село. Продукцию халяль развозят по всей области, где есть татары, и за ее пределы: в Татарстан, Москву, Самару, Саратов. Можно сказать о том, что в селе постепенно утверждается закят. На такие пожертвования построены и содержатся мечети. По словам жителей,

имамы в мечетях не получают зарплату, а живут на пожертвования односельчан. Зажиточные елюзанцы помогают бедным либо деньгами, либо продуктами. В беседах с жителями села, в их оценках и реакциях на происходящее проявлялась одна общая черта – это чувство социальной ответственности. Оно начинается с ответственности за семью, когда родители стараются сделать все возможное для благополучия своих детей, а выросшие дети обеспечивают достойную жизнь своим родителям. Чувство социальной общности формируется благодаря деятельности мечетей и имамов.

* * *

В заключение можно сказать, что ситуации в селе Средняя Елюзань демонстрирует локальную модель ислама. Его нормы и ценности пронизывали жизнь большинства елюзанцев. Соединившись с народной культурой татар, ислам способствовал консервации традиционализма в его жизнестойкой форме, которая содержала в себе потенциал адаптации к любым условиям: к советской или государственной-плановой экономике или же к рынку.

Важно отметить, что в продвижении «нового» ислама фактор семьи играет первостепенную роль:

– часто в многодетных семьях осуществляется следующая модель профориентации детей: старшие получают «полезное для жизни» профессиональное образование (техники, агрономы, медики, юристы, строители и т.п.), а младших родители отправляют учиться в медресе или исламские институты (в исламские страны);

– сами родители под влиянием обучившихся за рубежом детей выбирают «новый» ислам.

Те сельчане, у кого нет молодых родственников-«проводников», чаще привержены «старому», традиционному исламу дедушек и бабушек. Многолетние исследования позволили проследить динамику сосуществования «старого» и «нового» ислама в селе. Оказалось, что происходит постепенное сближение конфликтующих прежде сторон: «молодые» имамы обращаются к татарскому теологическому наследию и отходят от ортодоксальной интерпретации исламских норм, а «старые» имамы осознают общность интересов и социальную миссию ислама.

Социально-экономический эффект постсоветского процветания села связан с тем, что именно традиции ислама, трудовая этика и семейственность послужили ресурсом для адаптации сельчан в эпоху катастрофической для российских сел постсоветской

экономической трансформации. Как показал анализ, разные типы традиций имеют свои социальные основания. Так, воспроизводство «традиции-инерции» обусловлено спецификой сельской жизни, характеризующейся консервативностью и слабой социально-профессиональной мобильностью, а также сложившейся структурой крестьянского труда. «Традиция-константа» воспроизводилась благодаря традиционализму семейного уклада на основе исламских ценностей, причем важную роль играл исламский институт, сохранившаяся сельская мечеть и когорта духовных служителей из сельчан. И, наконец, «традиция-оболочка» – постсоветское явление, стимулируется, с одной стороны, исламской глобализацией, а с другой – особенностями социальной конъюнктуры и личностными качествами носителей инновации.

*«СоцИс: Социологические исследования»,
М., 2012 г., № 2, с. 104–114.*

К. Гаджиев,
доктор исторических наук (ИМЭМО РАН)
**О ПРИРОДЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ
НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Одним из ключевых факторов, негативно отражающихся на положении дел на Северном Кавказе, является сложность и нерешенность социально-экономических проблем. Существенное влияние на ситуацию в большинстве национальных республик оказывают характер, формы и методы реализации экономических преобразований. Приватизация государственной собственности проведена с вопиющими нарушениями закона под контролем и в пользу представителей советских партийно-хозяйственных и номенклатурных структур, а также полукриминальных и криминальных сообществ. Они в буквальном смысле явочным порядком по смехотворным ценам приватизировали самые лакомые объекты государственной и общественной собственности. Официальные власти либо сами замешаны в мафиозно-клановом дележе материальных благ, либо демонстрируют свою вопиющую недееспособность в борьбе с этим явлением. Произошла фактическая монополизация принадлежавшей ранее государству собственности представителями отдельных этнических групп. Одним из результатов такой монополизации стало фактическое лишение предста-

вителей отдельных народностей, особенно малочисленных, своей доли экономического пирога. Реальностью стала резкая социальная дифференциация, частью которой является возникновение бедных и богатых народностей. Результатом высокого уровня социального расслоения населения является недопустимо высокая доля бедняков. Эти проблемы вдоль и поперек освещены в отечественной науке, и особенно в публицистической литературе, а также в средствах массовой информации.

Однако, концентрируя внимание на этом комплексе проблем, как бы в тени остается тот факт, что они отражают лишь одну сторону северокавказских реалий. Существует также другая сторона, без выяснения которой невозможно представить реальную картину региона. Суть проблемы состоит в том, что при непредвзятом анализе и оценке положения вещей представление о Северном Кавказе как самом отсталом и бедном регионе Российской Федерации не всегда и не во всем подтверждается фактами. Речь идет, например, о весьма распространенном взгляде, согласно которому насилие и терроризм в регионе коренятся в бедственном экономическом положении населения. Однако ситуация на Северном Кавказе в этом отношении несколько не хуже, чем в большинстве других регионов Российской Федерации. Специфика Северо-Кавказского региона состоит в том, что здесь важнейшие составляющие уровня жизни и вообще материального положения большей части населения отнюдь не складываются на основе данных, которые фиксируются в официальной статистике. К примеру, если судить об уровне жизни по таким показателям, как рождаемость и детская смертность, продолжительность жизни, количество строящихся частных домов, количество автомобилей на тысячу человек, доходы с частных хозяйств и т.д., то получается несколько иная картина.

По данным переписи населения 2002 г., «средние размеры жилья на человека в этом регионе заметно выше, чем в России в целом; вторая квартира есть у 3,5% россиян, в Москве таких 5,3%, на Северном Кавказе – 6,2%. По количеству студентов в соотношении к численности населения северокавказские республики занимают одно из первых мест в Российской Федерации. Это при том, что для поступления в вузы в большинстве, если не во всех, республик Северного Кавказа требуются весьма солидные (возможно, непосильные для регионов Центральной России и Сибири) суммы для фактической покупки студенческих мест. Зачастую сами руководители республик склонны изображать положение в

мрачных красках, чтобы выкачать из федерального бюджета солидные дотации.

На Северном Кавказе, впрочем, как и во всем регионе, довольно влиятельные позиции занимает теневая экономика. Еще с советских времен Юг России отличался наибольшим распространением теневой экономики и высоким уровнем коррупции органов власти. Переходный период фактически легализовал эту систему. В большинстве республик она превратилась в систему теневого перераспределения финансовых потоков в рамках патронажных отношений.

Негативные последствия для экономики и общества этой формы экономической деятельности общеизвестны, и здесь нет необходимости на них останавливаться. Однако в условиях, которые сложились на Кавказе, теневая экономика способствует решению ряда проблем, например, связанных с безработицей. В частности, сокрытие доходов от налогообложения дает субъектам экономической деятельности возможность выживать, держаться на плаву в условиях неустойчивости или переходного состояния национальной экономики, или отдельных ее секторов, жесткого прессинга мафиозных и клановых структур, неэффективности и коррумпированности органов государственной власти и судебно-правовой системы и т.д. К тому же, с точки зрения достижения социальной стабильности, она может играть позитивную роль, создавая дополнительные рабочие места, увеличивая доходы населения, предлагая на рынке дефицитные товары и услуги и т.д. Об обоснованности этого тезиса могут свидетельствовать, например, следующие факты. По данным обследований рынка труда 2006 г., в Ингушетии уровень безработицы молодежи в возрасте 15–24 лет составлял 93% экономически активного населения этого возраста, в то время как в России в целом – около 10%. При этом важно учесть, что в Назрани и других городах и крупных селах практически вся торговля представлена небольшими магазинами при частных домах, а такого рода самозанятость, судя по всему, вообще не учитывается в официальной статистике.

Поэтому не всегда корректным представляется стремление объяснять все беды Северного Кавказа – терроризм, преступность, конфликтогенность и т.д. – бедностью, безработицей и другими сугубо экономическими факторами. Разумеется, благоприятные социально-экономические условия, материальное благополучие, приемлемый для большинства населения уровень жизни и другие, связанные с ними показатели составляют необходимое условие

для социальной и политической стабильности. Но как показывает мировой, да и российский опыт, это условие необходимое, но недостаточное. Можно назвать множество стран, да и регионов Российской Федерации, которые беднее, чем Северо-Кавказский регион, но которые отнюдь не отягощены ростом преступности, терроризмом, конфликтогенностью и т.д. в такой степени, как это имеет место быть на Северном Кавказе. При анализе геополитических реалий Северного Кавказа социально-экономический фактор ни при каких обстоятельствах нельзя отодвинуть на задний план. Однако такой анализ был бы односторонним и не отражающим реальное положение вещей без должного учета других не менее важных факторов, к которым, как представляется, относится положение дел в политической, социокультурной, духовной, этнонациональной, конфессиональной и других сферах общественной жизни.

Одну из ключевых причин создавшегося в регионе положения вещей следует искать в природе политических режимов, которые установились в национальных республиках. Разумеется, регион, будучи интегральной частью Российской Федерации, в политическом плане не мог остаться в стороне от тех радикальных трансформаций, которые в стране произошли за пореформенный период. Нельзя не отметить те серьезные изменения, которые за этот период произошли в общественной жизни, политической системе, характере и структурах власти национальных республик региона. Крупным шагом в этом направлении стало принятие демократических по форме конституций и комплекса нормативно-правовых актов, узаконивших ценности, принципы, установки рыночной экономики, гражданского общества и политической демократии, определивших основные векторы их развития. Конституции всех республик выдержаны в духе общепризнанных норм международного права и декларируют разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную, гарантию прав и свобод человека и гражданина, выборность высших органов государственной власти и др. Конституции всех республик в результате внесенных в них за последнее десятилетие изменений соответствуют Конституции Российской Федерации. В целом, можно утверждать, что эти и связанные с ними изменения заложили конституционно-правовую основу для дальнейшего развития национальных республик в направлении рыночной экономики и политической демократии.

При всем том нельзя сказать, что политические элиты национальных республик окончательно преодолели родимые пятна советской системы, а также присущие менталитету народов региона особенности, которые служат препятствием на пути формирования ценностей, институтов и отношений гражданского общества и политической демократии.

Демократия может утвердиться и институционализироваться на конкретной национальной почве лишь в том случае, если общепринятые демократические ценности и нормы стали таковыми для большинства населения. Иначе говоря, необходимо, чтобы каждый народ созрел для соответствующих форм и механизмов политической самоорганизации. А это вещи, достигаемые в результате длительного исторического опыта. Этим объясняется тот факт, что основополагающие институты, принципы, установки политической демократии и правового государства, зафиксированные в конституциях национальных республик, пока что не поднялись на высоту той роли, которую они должны были бы играть в демократическом обществе. Нередко разделение власти на три ветви – законодательную, исполнительную и судебную – носит формальный характер, поскольку на практике они подминаются властью глав республик. В значительной степени в республиках политические и гражданские права в основном сводятся к формально свободным выборам. Безусловно, это можно считать положительным моментом в развитии политической системы, поскольку понимание данной необходимости является шагом вперед. Однако выборы сами по себе не всегда и не обязательно могут служить доказательством демократического характера государственно-политической системы, особенно если отсутствует реальная, официально признаваемая властями оппозиция, которая обладает равными с правящей партией возможностями законным путем добиваться власти.

На постсоветском пространстве в целом и в национальных республиках Российской Федерации в частности модернизация политических режимов началась с легитимации процедуры выборов законодательных собраний и глав администраций, которые пришли к власти как будто согласно народному волеизъявлению. Но на первых порах сказались два фактора, которые оказали существенное влияние на характер и конфигурацию формировавшейся властной системы. Во-первых, отсутствие сколько-нибудь сформировавшегося электората как такового, поскольку весьма трудно назвать электоратом население, пришедшее на выборы, не обладающее даже элементарными зачатками политической грамотности. Во-

вторых, кандидатуры «избранников народа» либо не имели опыта парламентской работы, либо, что еще хуже, имели опыт командного администрирования, что не имело ничего общего с демократическим реформированием.

В результате власть в большинстве национальных республик в тех или иных формах, комбинациях и рокировках осталась в руках прежней правящей коммунистической элиты. В силу этих и целого ряда других связанных с ними факторов зачастую конституционно закрепленные политические и государственные институты лишь формально можно было назвать демократическими. Характерная для первых лет эйфория по поводу смелого демократического начала в большинстве республик довольно быстро улетучилась.

Впрочем, можно сказать, что в современном мире любая из форм государственного устройства не может существовать в чистом виде. Известный американский политолог Р. Даль был прав, когда говорил, что все существующие в мире политические режимы располагаются между двумя полюсами – автократией и демократией. Применительно к национальным республикам речь должна идти не о том, демократичны или нет те или иные режимы, а о том, к какому из этих полюсов они тяготеют и в каком направлении эволюционируют. В данной связи не случайным представляется тот факт, что для обозначения демократических и полудемократических режимов, возникших в последние два-три десятилетия на постсоветском пространстве и в ряде развивающихся стран, появилось понятие «новые демократии», призванное обозначать режимы, которые сочетают в себе особенности и черты, отличающие их от традиционных моделей политической системы, утвердившейся в западных странах. По шкале «автократия–демократия» большинство республик находятся, несомненно, ближе к первому полюсу. Можно с полным основанием утверждать, что ни одна из национальных республик в своей трансформации не достигла «демократического берега». Достигнув определенных результатов, они все еще находятся в процессе трансформации, в котором демократия в собственном смысле слова представляется чем-то идеальным и очень далеким.

Реальность состоит в том, что их руководители даже при большом желании не могут преодолеть веками сложившиеся традиции и особенности национального менталитета соответствующих народов и навязать им некие искусственно сконструированные модели. Особенность политической культуры народов

Северного Кавказа, равно как и всего Кавказа в целом, состоит в приверженности групповым, родственным, коллективистским и иерархическим нормам и ценностям. Для большинства из них характерны этнический и профессиональный корпоративизм, высокая степень персонализации политики, установки на авторитаризм и клиентелизм, большая роль традиционных ценностей. Поэтому неудивительно, что политические режимы национальных республик Северного Кавказа носят гибридный характер, причудливо сочетая те или иные элементы советского типа, современные варианты авторитаризма и демократии.

Как представляется, значительный конфликтогенный потенциал коренится в национально-территориальном устройстве региона, в результате чего в ряде республик ключевую роль в политике играет этнонациональный фактор. Здесь процесс национального возрождения сопровождался реанимацией тейповых, джамаатских, тухумных, клановых и других патриархальных связей. Роль возникших на этой волне национальных элит с точки зрения перевода республик на рельсы политической демократии и рыночной экономики нельзя оценить однозначно положительно или отрицательно. Вместе с существенным вкладом, внесенным ими в формирование ценностей и институтов гражданского общества и новой государственности, фактом остается и то, что в определенной степени на них лежит ответственность за клановость и клиентелизм, которые приняли устойчивую, долговременную и гипертрофированную форму. Причем клановые и клиентские отношения складываются по этническому признаку. Традиции групповой солидарности, закрепленные в этнокультуре, придают этим отношениям особую этническую специфику.

Такая ситуация усугубляется тем очевидным фактом, что в национальных республиках Российской Федерации в большинстве случаев представители так называемой титульной нации или титульного этноса пытаются монополизировать высшие государственные должности, оставляя за национальными меньшинствами в лучшем случае второстепенные или третьестепенные должности. Этот аспект связан с существованием в этническом плане биполярных (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия) и даже многополярных (Республика Дагестан) национальных республик. На этой основе возник совершенно парадоксальный для современных реалий феномен этнонациональной стратификации, т.е. иерархизации этнонациональных групп, каждой из которых отведено оп-

ределенное положение в обществе и государстве и, соответственно, в системе разделения власти и собственности.

Этнополитическая иерархизация, основанная на выдуманной автохтонности или неавтохтонности, титульности и нетитульности, исторических и иных правах того или иного этноса, по сути дела была в советский период узаконена, во-первых, через статусную иерархию национальных образований, во-вторых, через административно-территориальную иерархию. Как правило, численно доминирующие коренные этносы становились титульными, их самоназвание использовалось для названия соответствующего государственного образования. В новых условиях титульность обеспечивает им большинство политического представительства в законодательных и исполнительных органах власти республик, что, в свою очередь, дает им возможность решать те или иные проблемы в своих интересах. В результате в республиках Северного Кавказа сформировались элитные группы главным образом на этнической основе: осетинские в Осетии, аварские, даргинские и кумыкские в Дагестане, карачаевские в Карачаево-Черкесии, кабардинские в Кабардино-Балкарии и т.д. Новые элитные группы фактически монополизировали властные рычаги для обеспечения приоритета собственных экономических и политических интересов.

В республиках, имеющих несколько титульных национальностей, свобода регионального законодательства делает особенно актуальным вопрос о способах представительства национальностей в органах государственной власти – пропорциональном или равном. Как правило, в качестве одного из путей решения множества политических проблем в регионе подается пропорциональное распределение должностных квот между этническими группами в каждой из национальных республик. Однако, как показывает опыт ряда северокавказских республик, система пропорционального представительства во властных структурах не всегда и не в должной мере срабатывает.

К примеру, в Адыгее русских по численности насчитывается в 2,5 раза больше, чем адыгейцев, и заметно больше, чем всех остальных этнонациональных групп. Но республика названа Адыгеей, что, естественно, отражается на определении кадрового состава властной структуры. Формально в Адыгее провозглашен принцип паритета представительства адыгейцев и русских в высших законодательных и исполнительных органах власти. Однако в действительности представители адыгейцев занимают пропорционально больше мест во властных структурах. Более того, здесь,

по Конституции, президентом республики может быть только «гражданин, свободно владеющий государственными языками Республики Адыгея», т.е. русским и адыгейским одновременно, что заведомо исключает кандидата от русскоязычного населения, составляющего в республике почти 60%.

В то же время нельзя игнорировать и такое обстоятельство. Дело в том, что территориально-административный принцип формирования избирательных округов в чистом виде может иметь своим результатом то, что некоторые малые народы вообще не смогут провести своих представителей в законодательно-представительный орган. Поэтому власти Республики Дагестан вынуждены были по ходу подготовки выборов в многонациональных городах и районах внести в избирательное законодательство соответствующие коррективы. Согласно республиканскому Закону о выборах, избирательные округа создаются из расчета 8–9 тыс. избирателей на один округ. Однако в Дагестане есть компактно живущие народности, не достигающие по численности эту цифру. Например, всех цахуров в Дагестане около 3 тыс. человек, а избирателей, естественно, еще меньше. Осознавая невозможность полностью игнорировать такой факт, разработчики избирательного закона вынуждены были допустить исключение из этого правила и разрешить образование специальных округов, призванных обеспечить представительство таких этнонациональных групп в Народном собрании. Следует упомянуть также положение ст. 11 Закона о выборах в Народное собрание Дагестана, которое разрешает Центризбиркому по предложению органов местного самоуправления квотировать места по избирательным округам в городах и районах с многонациональным составом населения для представителей национальных групп, которые на общих условиях явно не имеют шансов попасть в парламент.

Система ротации представителей основных народов на высшие государственные должности и разделения власти как один из наиболее существенных элементов принятой в Республике Дагестан системы этнопредставительства также не срабатывает. Особенность этой республики по сравнению с остальными северокавказскими субъектами Федерации состоит в том, что здесь нет какой-либо «титульной национальности», как, например, в Кабардино-Балкарии или Карачаево-Черкесии. Здесь титульными считаются 14 этнонациональных групп. При таком положении вещей бесконтрольная «свобода» правотворчества, как подчеркивают исследователи, не только делает невозможной процедурно-

нормативную защиту гражданских прав и свобод, но и дает возможность правящим элитам, представленным неформальной иерархией кланово-клиентельных сообществ, нормативными средствами обеспечивать свое доминирование.

Как справедливо указывал В. Тишков, «причина неудачи разделения власти и этнической ротации в сложных по составу населения образованиях кроется не столько в самой системе консосиальной демократии, сколько в недостаточном гражданско-правовом сознании населения и политиков и в определяющем влиянии криминальных коррумпированных сил и связей, которые используют в своих интересах политическую мобилизацию по этническому и джамаатскому (местническому) принципу».

В результате противоречия и конфликты между кланами часто выступают как межэтнические. Данное явление можно определить как процесс этнополитической мобилизации, результатом которой стала политизация этнической составляющей северокавказского пространства, которая несет в себе угрозу социальной и политической стабильности общества, единству и территориальной целостности государства. В результате конфликтное состояние может выступать как самоцель, когда борьба представляется в качестве проявления своеобразного баланса сил. Создается впечатление, что определенная часть властных элит ряда национальных республик прямо заинтересована в поддержании управляемой или контролируемой социально-политической нестабильности, что позволяет им обеспечить бюджетную подпитку со стороны федерального центра.

Как показывает практика, «силовая» составляющая на южной окраине России представляет собой одну из важнейших инструментов политической борьбы. Как оппозиция, так и официальные власти в должной мере и не всегда владеют политическими средствами борьбы. При наличии оппозиции от нее стремятся избавиться, когда с помощью кнута, а когда и пряника. Многие оппозиционеры стали лояльными действующим режимам, получив солидные портфели, иногда специально созданные под конкретную личность. Особую озабоченность вызывает все более отчетливо проявляющаяся тенденция к фактическому сращиванию мафиозно-клановых и властных структур, проникновению организованной преступности в структуры государственной власти, превращению региона в средоточие политического терроризма. По имеющимся данным, в ряде северокавказских республик – Чечне, Ингушетии, Северной Осетии, Дагестане – обосновались

транскавказские преступные группировки. Здесь процветают подпольное производство и реализация нефтепродуктов и рыбно-икорный бизнес.

Одними из проявлений глубокого кризиса власти в регионе являются высокий даже для остальной России уровень коррупции местных правящих элит, их потрясающая профессиональная некомпетентность. Коррупция и практически открытая торговля должностями за пореформенный период стали настолько заурядными и естественными явлениями, что перестали вызывать негативную реакцию и отторжение в обществе. Было бы не совсем корректно утверждать, что главными несущими конструкциями вертикали власти стали коррупция и казнокрадство, но они играют в ней существенную роль. К примеру, без хороших связей или же солидной взятки (в тысячи долларов) весьма трудно устроиться на работу в государственные учреждения, скажем, просто рядовым милиционером. А для устройства в автоинспекцию требуются просто запредельные суммы.

Особую озабоченность вызывает тот факт, что коррупцией насковзь поражена вся система образования. Места в вузах и на государственные должности стали предметами откровенной купли и продажи. Не является редкостью практика, когда зачеты и положительные оценки на экзаменах студенты получают за ту или иную фиксированную сумму. Звучит парадоксально, но факт: чтобы попасть в армию на срочную службу, нужно платить довольно солидную взятку. Дело дошло до того, что расценки на такие услуги открыто публикуются на сайтах Интернета. Не избежали эту напасть также средства массовой информации, которые нередко не брезгают продажей своих полос и эфирного времени для публикации и передачи заказных материалов. Все это создает дополнительные проблемы на пути достижения социально-политической стабильности в регионе.

Необходимо признать, что на Северном Кавказе федеральная власть не всегда и не в должной мере демонстрирует способность эффективно сочетать интересы федерального центра и субъектов Федерации. Об этом свидетельствует, к примеру, тот факт, что нынешние северокавказские элиты демонстрируют виртуозное мастерство в политических интригах на местном и федеральном уровнях, а также при распределении поступающих от федерального центра финансовых потоков. Нельзя сказать, что на Северном Кавказе существует дефицит политических деятелей, способных эффективно управлять республиками на всех уровнях государст-

венной власти и муниципалитетов и в этом отношении составить альтернативу тем, кто сумел, как говорится, «войти во властную обойму».

Однако создается впечатление, что федеральная власть в полной мере либо не владеет ситуацией в регионе, либо предпочитает закрывать глаза на недееспособность и многочисленные злоупотребления местных властей. Здесь нельзя не согласиться с теми исследователями, которые считают, что в политике федерального центра в отношениях с рядом республик преобладает тенденция поддержки формально лояльных Москве региональных кланово-патронажных групп. Разумеется, республиканские власти не остаются в долгу и всячески поддерживают федеральных выдвиженцев на региональных выборах. Это выражается, в частности, в том, что на всероссийских президентских и парламентских выборах местные власти обеспечивают кандидатам правящей партии подавляющее большинство голосов избирателей.

Такая политика опоры на господствующие группы и кланы вынуждает Москву прощать и/или не замечать злоупотребления лояльных ей региональных элит. Существуют также данные, свидетельствующие о том, что многие северокавказские кланы, как принято говорить, «крышуются» из Москвы. Однако цена подобного комфорта оказывается слишком высокой. За последние годы руководство Ингушетии, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии, Дагестана продемонстрировало свою неспособность предпринимать решительные действия, да и просто контролировать ситуацию в собственных республиках. Они не в состоянии оказывать эффективное противодействие террористическим и криминальным группировкам. С данной точки зрения особо важную роль играют дефицит или полное отсутствие должной легитимности правящих элит. Можно говорить даже об их морально-психологической делегитимации.

В этом контексте с сожалением приходится констатировать, что административные реформы 2000-х годов, возможно, оправданные с точки зрения восстановления властной вертикали, применительно к реалиям Северного Кавказа пока что не дали ожидаемых результатов. Суть проблемы заключается в том, что эта реформа не разрешила ряд проблем, определяющих характер и основные контуры развития региона. Верно, что в последние годы произведены замены в высшем руководстве ряда национальных республик. Но в целом такая ротация прошла в рамках уже сло-

жившихся, но продемонстрировавших свою ущербность механизмов формирования и функционирования властной системы.

Нельзя однозначно оценивать введение института президентства, переименованного в институт главы администрации, во всех без исключения национальных республиках без учета специфических особенностей каждой из них. В частности, на референдуме о введении данного института в Дагестане население дружно проголосовало против, продемонстрировав тем самым свою мудрость и правильное понимание реального положения вещей в республике и происходящих там процессов. Волевым же введением этого института в многонациональной республике можно оценивать как серьезную ошибку Кремля, поскольку узаконивает сложившиеся по сути дела не воспринимаемые большинством народа властные механизмы.

Необходимо учесть также тот факт, что институт дотаций субъектам Федерации из федерального бюджета, который первоначально, возможно, сыграл положительную роль, в нынешних условиях устарел и нуждается в существенном пересмотре. Прямое закивание федеральных средств ведет к колоссальному росту коррупции, которая сама по себе стала фактором нестабильности. Парадокс, как представляется, состоит в том, что отдельные представители правящей верхушки отдельных республик просто не заинтересованы в преодолении их дотационности. Этот аспект приобретает особую значимость, если учесть, что все без исключения республики Северного Кавказа являются дотационными.

Показательно, что один из наиболее депрессивных субъектов Российской Федерации, Республика Дагестан, до начала 1990-х годов являлся регионом-донором (!). Ныне же распределение федеральных денег стал весьма прибыльной статьей дохода властной элиты. Сама система бюджетного финансирования Северного Кавказа является настолько непрозрачной, что дает серьезные основания полагать, что коррупция в регионе начинается в Москве в пределах Садового кольца. По мнению председателя Дагестанского отделения Антикоррупционного комитета Северного Кавказа С. Умарова, «ситуация, сложившаяся в регионе, является прямым следствием модели обеспечения лояльности северокавказских элит, сформированной федеральным центром еще в начале 90-х годов прошлого века. Лояльность и нейтрализация сепаратизма для руководства национальных республик, как правило, являются гарантией отсутствия какого-либо контроля над расходованием бюджетных средств и политикой, проводимой в респуб-

ликаx. В свою очередь, безнаказанность чиновников во взаимоотношениях с федеральным центром доводит коррупцию на местном уровне до абсурдных масштабов... Так называемая “торговля должностями” приобрела такие масштабы, что каждый второй чиновник или сотрудник силовых структур должен в первую очередь думать о том, как “отбить” деньги, заплаченные за должность».

По-видимому, полпреду Президента Российской Федерации в Северокавказском федеральном округе А. Хлопонину пока что не удалось установить контроль над потоками федеральных средств, поскольку существовало сопротивление региональных лидеров. Впрочем, судя по реальному положению вещей в регионе, вряд ли правомерно говорить, что под его руководством достигнут сколько-нибудь заметный прогресс по другим жизненно важным для Северного Кавказа вопросам. Что касается дотаций, то их в нынешнем виде следовало бы отменить, а часть их выделить для повышения пенсий и зарплат бюджетникам, а также сокращения и даже полной отмены на определенный период времени налогов на малый бизнес. Это, естественно, способствовало бы повышению покупательной способности населения, что, соответственно, стимулировало бы рост экономики региона.

При всем изложенном нельзя не учитывать и другую реальность. Узел нерешенных проблем, с которыми сталкивается регион, настолько велик и сложен, что как у федеральных, так и республиканских властей каждый раз появляется искушение не навредить и не принимать необходимые меры, как бы откладывая решение насущных вопросов на потом. Существует реальная опасность того, что демонтаж или попытки перестройки этноклановой властной системы неизбежно повлекут за собой сложный и кровавый передел власти и собственности. Иначе говоря, республики столкнулись с неким замкнутым кругом, из которого пока что не видно достойного выхода.

Если спроецировать нынешние тенденции в будущее, то вряд ли можно рассматривать положение вещей как уже прошедшее точку невозврата, поскольку сохраняют свою значимость основные конфликтогенные факторы, характерные для региона в последние полтора-два десятилетия. При этом, касаясь вопроса о возможностях и перспективах сепаратизма и формирования новых государственных структур вне и вопреки воле России, нужно отметить, что в настоящее время не существует сколько-нибудь значительных горизонтальных или вертикальных экономических, социальных, политических или иных связей между национальными

республиками Северного Кавказа. Каждая отдельно взятая республика наитеснейшими и неразрывными узами связана с Россией, но не вместе, не в качестве какого бы то ни было единого экономического, политического, культурного или иного пространства, а каждая в отдельности. Политическая жизнь замкнута на уровне субъектов Федерации при недостаточном развитии над- и субрегионального уровней. Это обуславливает значительные трудности для их интеграции, что, в свою очередь, придает дополнительную значимость разработке научно обоснованных проектов развития связей в политической, экономической, культурной областях между республиками и областями Северного Кавказа, преодоления замкнутости политической и социально-экономической жизни отдельных регионов-субъектов Федерации, создания сложной системы сдержек и противовесов.

Тем не менее процесс политической модернизации на Кавказе, как в национальных республиках Северного Кавказа, так и новых независимых государствах Южного Кавказа, нельзя оценивать однозначно в черно-белом свете. Как известно, ключевым условием успеха социальных и экономических реформ является политическая стабильность, позволяющая реформировать общество без серьезных пертурбаций. Что касается национальных республик, то здесь бросаются в глаза слабость социальной базы системных политических партий и движений, слабость и неструктурированность средних слоев, особенно отсутствие сколько-нибудь сплоченной и влиятельной оппозиции, способной служить реальным противовесом официальной власти, и т.д. Оппозиция большей частью отодвинута на маргинальные позиции и лишена возможностей реально участвовать в политической жизни. В значительной степени это, как уже отмечалось, объясняется особенностями политической культуры народов Кавказа.

Важно учесть также то, что формирование и институционализация демократических ценностей, институтов и отношений – это весьма сложный и трудный процесс, требующий довольно длительного периода времени, измеряемого несколькими поколениями. Зачастую этот процесс протекает не без откатов назад. Фазы стремительного развития могут сменяться фазами замедления, для которых характерно накопление количественных изменений, которые, в конце концов, приводят к качественным изменениям. К тому же, как показывает опыт постсоветских стран, такие характеристики демократии, как всеобщее избирательное право, парламентаризм, не всегда способны привести к желаемым результатам

и не способны раз и навсегда разрешить все стоящие перед обществом проблемы. Здесь мы наблюдаем, с одной стороны, попытки приспособления структур советской авторитарной системы к новым условиям, а с другой – тенденции формирования и утверждения новых идей и подходов, институтов, механизмов и отношений.

«Мир и политика», М., 2011 г., № 9, с. 7–17.

Дмитрий Котеленко,
кандидат политических наук (ИСЭГИ ЮНГ РАН)
**ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ
БЕЗОПАСНОСТИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Религиозные вызовы власти можно рассматривать как попытки оспорить монополию государства на распределение в обществе базовых ценностей. Основные проявления исламского фактора, оказывающие влияние на общественно-политическую ситуацию на Юге России, условно можно обозначить следующим образом: 1) проблема социокультурного размежевания между народами и конфессиями; 2) обострение существующих и появление новых противоречий в среде северокавказских мусульман; 3) проблема терроризма под исламскими лозунгами.

Размежевание между народами и конфессиями – одна из прямых угроз единству и стабильности России. Бурное религиозное возрождение традиционных вероисповеданий (в числе других факторов) способствовало заметным социокультурным сдвигам в северокавказских обществах. Взрывной рост числа религиозных организаций, наступление религии на светские принципы российской власти и общества, распространение соответствующего образа жизни способствовали демодернизации и архаизации северокавказских обществ, затруднили управление республиками и нормальное функционирование политико-правовых норм РФ на их территории. Многие эксперты и ученые в постсоветский период подталкивали власть оказать поддержку традиционному исламу в качестве противовеса исламу радикальному. Эта идея лоббировалась также исламским духовенством северокавказских республик. И если последнее вместе с поддержкой властей получало доступ к ресурсам влияния, то общим результатом становилось усиление влияния исламского образа жизни, исламских ценностей на жизнь северокавказских обществ.

Региональные власти ожидали, что поддержка традиционных исламских деятелей продлит их пребывание у власти. Однако в результате непродуманной и неуправляемой пропаганды традиционалистских ценностей общество стало чрезвычайно восприимчивым к радикальным религиозным идеям. Ислам на Северном Кавказе не стал консолидирующей силой, напротив, он превратился в арену, на которой разворачивается множество конфликтов: между различными этническими проектами в сфере «традиционного» ислама; между молодыми и старыми мусульманами; между шейхами (Дагестан); между исламистским террористическим подпольем и остальными мусульманами; между салафитами и тарикатистами и др. Такая ситуация не способствует достижению социального мира.

Наиболее острой проблемой для Северного Кавказа остается террористическое подполье, действующее под исламскими лозунгами. «Имарат Кавказ» можно описывать как через его идеологическую риторику, так и посредством анализа его прагматических целей. Возможно, что координаторы исламистского движения и преследуют масштабные цели, однако само подполье имеет свои собственные приземленные задачи. Несколько лет оно находится скорее в состоянии «нормального» функционирования, нежели в состоянии развития. Об этом свидетельствуют преобладание частных целей, незначительная кадровая подпитка, относительно стабильное число членов подполья, сезонность террористической активности и ее относительно ограниченная география. Схожим образом о силе прагматических мотиваций и ограниченности влияния собственно джихадистской идеологии свидетельствуют:

- 1) переход большинства боевиков, ранее состоявших в вооруженных формированиях непризнанной Ичкерии, в легальные вооруженные структуры нынешней Чеченской Республики;
- 2) ограниченность их террористической активности пределами Северного Кавказа;
- 3) регулярный сбор дани с местного бизнеса рутинизирует насилие, превращает его в механизм регулярного принуждения.

Сетевая структура – это не только сильная, но и наиболее уязвимая сторона «Имарата». Сети доверия, по Тилли, представляют собой разветвленные межличностные связи, в рамках которых можно получать ценные, важные и долговременные ресурсы и обеспечивать меры против посторонних для этих сетей субъектов. Торговые диаспоры, родственные кланы, религиозные секты, тайные общества революционеров представляют собой сети доверия.

Изолированность сетей не давала их членам участвовать в коллективных демократических предприятиях. Демократическое участие может нанести сокрушительный удар по заговорившим сетям доверия. Борьба с коррупцией, эффективная социальная политика и честные выборы – вот основные компоненты лекарства от исламского экстремизма. «Имарат Кавказ» пользуется поддержкой весьма ограниченной части населения, основная часть жителей не разделяет идеологических установок радикалов. Это очередное издание фашизма. Идеология «Имарата» – филиала «Аль-Каиды» – имеет мало общего с левыми исламистами 1960-х годов. Бандитам еще надо обосновать населению необходимость джихада, доказать отсутствие альтернативных средств (кроме насилия) для населения по улучшению своего положения.

Выродится ли «Имарат» окончательно в типично мафиозное образование, утратит ли свой политический потенциал – сказать трудно. Очевидно, его координаторы осознают ограниченность своих ресурсов, стремятся сохранить достигнутые преимущества (сбор дани, силовое влияние, специфический статус), при этом религиозная риторика имеет мало общего с их целями. Вместе с тем усиление позиций религии в северокавказских обществах на данном этапе будет скорее способствовать, чем препятствовать деятельности бандподполья, спекулирующего на чувствах верующих.

В целом в последние годы мы столкнулись только с первыми результатами исламского возрождения на Юге России: в действие пришел механизм культурной инерции, и чтобы преодолеть создавшееся положение, потребуются длительные усилия. Ограничивающим фактором, который бы упорядочил исламское возрождение, в настоящее время могла бы стать соответствующая политика федеральной власти, направленная на защиту и укрепление светских принципов нашего общества и государства.

«Фундаментальные проблемы пространственного развития Юга России: Междисциплинарный синтез», Ростов н/Д., 2010 г., с. 157–159.

Николай Силаев,

кандидат исторических наук
(МГИМО (ГУ) МИД РФ)

ПОСТСОВЕТСКИЙ ПУТЬ АЗЕРБАЙДЖАНА

Азербайджан после нескольких лет метаний практически вернулся к сложившейся еще в рамках Советского Союза системе

патрон-клиентских сетей как основе политического режима. Приток нефтедолларов позволяет не замечать порождаемых этой системой издержек и гасить потенциальные конфликты внутри элиты – делимый пирог постоянно (хотя и все более медленно) растет.

Публичная критика в адрес властей в Азербайджане чревата большими издержками для критикующего. Страна так и не приобрела опыта легитимной смены власти в результате выборов, поэтому значимых «маркеров демократии» здесь не существует. Более весомым может оказаться показатель качества государственного управления. Траекторию внутривластных трансформаций в Азербайджане можно описать и сравнить, если рассматривать ее в качестве результирующей четырех факторов. Это:

- место страны в мировом и региональном разделении труда;
- исход противоборства за контроль над государственными институтами между различными группировками внутри элиты;
- роль «вооруженных людей» в политической системе;
- степень зависимости государства от изымаемых им у населения ресурсов.

Азербайджан не относился к самой развитой части Советского Союза, хотя и не был самой бедной. В Азербайджане произошла индустриализация, ко времени распада СССР в структуре его ВВП преобладала промышленность. По данным Российского института стратегических исследований, на излете советской эпохи азербайджанское машиностроение обеспечивало до 80% всех потребностей в оборудовании нефтедобывающей промышленности страны. Итогом деградации Советского Союза и сопровождавших этот процесс войн, разрыва традиционных транспортных коммуникаций, экономического кризиса стала деиндустриализация Азербайджана. К середине 1990-х годов доля промышленности в структуре ВВП сократилась вдвое (с 60 до 30%). Уместно добавить, что крах советской системы торговых ограничений привел также и к резкому снижению экспортного потенциала сельского хозяйства – его продукция утратила исключительное положение на рынках России и других постсоветских стран. Таким образом, «рукотворные» экономические преимущества в значительной мере исчезли, остались преимущества естественные.

Для Азербайджана единственным способом добиться быстрых темпов экономического роста и наполнить государственный бюджет стало расширение добычи и экспорта нефти и газа. В определенный момент экспорт энергоносителей на мировые рынки

по новым маршрутам в сотрудничестве с крупнейшими западными компаниями стал рассматриваться как панацея, одновременно обеспечивающая Азербайджану экономический подъем, укрепление государственного суверенитета (благодаря уходу из-под влияния России) и внешнеполитические преимущества в конфликте с Арменией.

Рост мировых цен на нефть, увеличение добычи углеводородов (по данным Международного статистического комитета стран СНГ, в 2000–2010 гг. добыча нефти в Азербайджане выросла с 14 до 50,4 млн. т) и расширение возможностей для их экспорта через нефтепроводы на Супсу и Джейхан и газопровод на Эрзерум обеспечили стране экономический бум. По оценкам Всемирного банка, в 2006 г. рост ВВП в Азербайджане составил 34,5%; в 2007 г. – 25%. В дальнейшем его темпы снизились, однако по сравнению с соседями по региону, да и большинством стран мира, Азербайджан легче перенес глобальный экономический кризис. В 2008–2010 гг. средние темпы ежегодного роста его ВВП составили 8,4% при среднемировых 1,2%.

Однако экономический успех, который принесла нефть, обернулся закреплением статуса моноотраслевой структуры экономики. В 2005 г. добыча углеводородов давала около 40% ВВП Азербайджана, в 2008 г. этот показатель увеличился до 60%. Темпы роста «нефтяной» промышленности в последние годы значительно ниже темпов роста экономики в целом. Приток нефтедолларов позволяет поддерживать внешние атрибуты процветания вроде строящихся в столице небоскребов и запредельных по сравнению с соседями оборонных расходов. Однако Азербайджан все еще остается сравнительно бедной страной. Подушевой ВВП по ППС составляет 10,2 тыс. долл. (данные МВФ, сентябрь 2011 г.), что почти вдвое выше, чем у соседних Армении и Грузии (приблизительно по 5,4 тыс. долл.), однако ниже, чем у Казахстана (13,0) и России (16,7).

Показательно субъективное восприятие экономического бума населением. По данным опроса социологической службы Puls-R (Баку), с 2006 по 2010 г. доля респондентов, которые оценивают положение своей семьи с помощью фразы: «С трудом сводим концы с концами», сократилась с 50,8% опрошенных в 2006 г. до 49% в 2010 г. «Острую нужду» испытывали, соответственно, 10,1 и 9,1% на фоне обширных государственных программ по борьбе с бедностью. А доля тех, кто, по их собственному признанию, не сталкивается с материальными трудностями (организа-

ры опроса отождествляют их со средним классом), выросла с 28,0 до 32,5%. Иными словами, взрывной рост экономики практически не привел к сдвигам в социальной структуре населения.

Последнее обстоятельство во многом объясняет незыблемость политических порядков в Азербайджане. Те социальные группы, которые были двигателем перемен в конце советской эпохи, исчезли вместе с породившим их экономическим укладом. Углеродный рост коснулся лишь элит и зависимой от них прослойки среднего класса. В основном общество осталось таким, как оно сложилось в 1990-е годы – состоящим из бедных масс, узкого слоя богатой элиты и обслуживающего ее интересы небольшого среднего класса. В обществе нет массовых групп, чьи интересы нуждались бы в выражении и согласовании, и это сужает социальные условия для политической конкуренции.

Углеродный бум влечет за собой еще одно следствие. Добыча и экспорт нефти и газа доминируют в национальной экономике за отсутствием других сопоставимых по масштабу отраслей. За пределами углеродного сектора экономический рост сосредоточивается в строительстве и на рынке недвижимости, причем последний, по всей видимости, носит спекулятивный характер (подобно докризисному московскому рынку недвижимости, когда квартиры в российской столице воспринимались как инвестиционный инструмент). В Азербайджане относительно мало собственных производств, причем высокий курс национальной валюты объективно способствует росту импорта.

Политический режим Баку накладывает ограничения на активную политику в сфере диверсификации экономики. При всей своей жесткости он страдает вследствие ряда «родовых травм» постсоветской государственности (влияние автономных центров власти в виде различных номенклатурных групп, слабость институтов, коррупция).

Длительная устойчивость кадрового состава высших эшелонов власти Азербайджана говорит о том, что процесс передачи полномочий от отца к сыну в 2003 г. происходил в обстановке сохранения пребывающих у власти бюрократических кланов. Некоторые из них – те, кто бросал прямой вызов президенту Ильхаму Алиеву, – были подавлены. Однако сами принципы осуществления власти остались без изменений.

Хотя в глазах внешнего наблюдателя политическая реальность страны может ассоциироваться с ближневосточными нефтяными монархиями, делать выводы об авторитарности Баку невер-

но. Политика строится не столько на диктате из единого центра, сколько на сложном полицентричном балансировании интересов. Этому отвечает такая особенность азербайджанского политического режима, как фактически раздробленный силовой ресурс. В Азербайджане, кроме армии, не менее семи ведомств имеют в своем составе вооруженные формирования – МВД, Пограничная служба, Министерство национальной безопасности, Министерство юстиции, Государственная особая служба охраны, Министерство по чрезвычайным ситуациям. Отчасти эти силовые структуры входят в сферу интересов тех или иных влиятельных бюрократических группировок, по сути поддерживая баланс сил внутри элиты.

Будущее политического режима Баку, вероятно, зависит от того, каким образом правящие группы будут реагировать на замедление, а затем и остановку углеводородного роста. Ответ предстоит искать в короткий по историческим меркам отрезок времени. В последние годы власти, по всей видимости, сознательно сдерживали добычу нефти на уровне, превышающем 50–55 млн. т в год. Смысл этой политики заключается в том, чтобы «растянуть» пик добычи на более продолжительное время. Согласно некоторым прогнозам пятилетней давности, пик (71 млн. т) ожидался в 2010 г., после чего должен был начаться спад, который к 2020 г. привел бы к уровню добычи в 20 млн. т (приблизительно столько добывается на территории Татарстана). Политика «смягчения пика», как полагают в Баку, позволит сохранить нынешний уровень добычи до 2020 г. По другим оценкам, снижение начнется после 2015 г. В дальнейшем экономические преобразования уже нельзя будет подкрепить финансовыми ресурсами, сопоставимыми с нынешними. Кроме того, их придется проводить в более жесткой социально-политической ситуации. Стратегии диверсификации, которые обсуждаются в Азербайджане, не отличаются убедительностью.

Речь, во-первых, идет о том, чтобы превратить государственную нефтяную компанию SOCAR в транснационального игрока, обладающего производственной, в том числе ресурсной, базой за рубежом и продающего не столько физическую нефть, сколько компетенции по ее добыче. Однако у SOCAR может не хватить ресурсов для проведения такой стратегии. Приобретение производственной базы за рубежом потребует либо больших инвестиций, которые будут практически уведены из страны, либо слияния с крупным зарубежным игроком нефтяного рынка, что несет в себе угрозу утраты контроля азербайджанской стороны над объе-

диненной компанией. Что же касается компетенций по добыче нефти, то SOCAR, несмотря на вековой опыт азербайджанских нефтяников, едва ли сможет на равных конкурировать с мировыми лидерами.

Во-вторых, в контексте диверсификации экономики обсуждается «джентльменский набор» слаборазвитых стран и регионов – туризм и сельское хозяйство. В мире нет прецедентов, когда странам удавалось преодолеть бедность, опираясь на эти отрасли. Яркое тому свидетельство – глубокий экономический и социально-политический кризис в Греции, которая некогда объявила: «Туризм – наша индустрия». Кроме того, по этим направлениям Азербайджану предстоит конкурировать с Турцией, что крайне невыгодно. Наконец, естественным рынком для азербайджанских туристических услуг является Иран, но Азербайджан плохо приспособлен к тому, чтобы развивать дешевый туризм (слишком высокий уровень цен, избыточно дорогие гостиницы, причем в гостиничном бизнесе основной акцент делается на строительство отелей премиального сегмента). Еще одним направлением диверсификации может стать нефтепереработка – за последние годы властям удалось добиться значительного роста в этой отрасли.

Проведение более жесткой и целенаправленной экономической политики, направленной на борьбу с коррупцией, развитие собственных производств и импортозамещение, более эффективное обеспечение прав инвесторов, чревато риском вызвать «аппаратную» оппозицию со стороны ущемленных групп бюрократии, что подорвет внутриэлитный консенсус в Азербайджане. Теоретически президент может преодолеть положение «первого среди равных» двумя путями:

– формирование широкой общественно-политической коалиции, ставящей перед собой цель смещения старых элит, осуществление своего рода «революции роз сверху». Этот путь крайне рискован: либерализация режима способна дестабилизировать страну раньше, чем возникнет такая коалиция; ее возникновению также будет препятствовать слабость политических институтов. Кроме того, такой метод предполагает наращивание популистских элементов в политике президента, а ресурс популизма в Азербайджане, похоже, близок к исчерпанию;

– значимый внешнеполитический успех, который сделает президента безусловным лидером в азербайджанской элите. Можно предположить, что именно стремлением к такому успеху объясняется жесткая позиция Алиева по Карабаху.

Исламизация Азербайджана в настоящий момент маловероятна: страна в значительной степени остается светской. По данным Puls-R, доля людей, которые считают себя глубоко верующими и выполняют все религиозные предписания, остается относительно небольшой и снижается. Если в 2006 г. к таковым принадлежало 15,8% опрошенных, то в 2010 г. – всего 9,5%. Также малочисленны и имеют тенденцию к снижению сторонники доминирования в стране исламских ценностей – 14,5% в 2007 г. и 10,7% в 2010 г. По всей видимости, властям удалось остановить ощущавшийся в середине 2000-х годов тренд на исламизацию. В этом их успехе есть три составляющих.

1. На исламских радикалов оказывалось жесткое силовое давление, причем в отличие от аналогичной ситуации на российском Северном Кавказе оно практически не балансировалось деятельностью правозащитных организаций.

2. Резкий экономический рост в последние четыре года привел к снижению числа недовольных и, соответственно, падению востребованности радикальной идеологии.

3. Власти пошли на определенные уступки «системным» или умеренным исламским лидерам (шейх-уль-ислам Аллахшукюр Пашазаде), которые стремятся играть более активную роль в политической и общественной жизни.

В то же время ряд азербайджанских экспертов признают, что в случае ослабления правящей группы реальным сценарием станет не демократизация страны, а ее исламизация. Несмотря на относительно небольшое число убежденных приверженцев политического ислама, они отличаются высокой мобилизованностью и сплоченностью, чем не могут похвастаться прочие политические силы. Один из бакинских экспертов полагает, что при доле исламистов в составе населения в 10% на свободных выборах они могут получить до 30% поддержки. Пока неиспользованным потенциальным ресурсом исламистов могут стать низовые протестные стихийные социальные движения, возникающие на почве локально зафиксированных попыток ущемить экономические интересы граждан.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2012 г., январь-февраль, с. 180–186.*

И. Исаков,
кандидат юридических наук (Межрегиональный
институт экономики и права, г. Санкт-Петербург)
**СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
И ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

В истории западной политической мысли многие авторы, начиная от Аристотеля и Цицерона, четко противопоставляли свободные институты Европы деспотической власти восточных правителей. Эта традиция сохранялась и в период Средневековья. Само понятие «деспотизм», по крайней мере с XIV в., прочно отождествлялось с государствами Востока. В эпоху Возрождения разработали концепцию восточно-деспотического государства; в социальном и политическом плане оно являлось альтернативой свободному государству Запада (Макиавелли и др.). В 1748 г. Монтескье создает свой знаменитый труд «О духе законов», в котором он объединяет политические институты Востока в общую категорию деспотизма. Монтескье рассматривает восточный деспотизм как глобальную альтернативу свободному обществу. Не будем здесь вдаваться в подробности аргументации за и против, это целая страница в историографии стран Востока. Важно, что такая позиция вскоре встречает возражения, в частности, А.-Г. Анкетиль-Дюперона. Последний, аргументируя против выводов (именно выводов) Монтескье, приводит три пункта, а именно:

– на Востоке нет абсолютной деспотии, так как наличествует законный способ достижения власти (подтверждаемый, например, церемониалами, аналогичными западному коронованию восходящего на престол);

– на Востоке вполне очевидно наличие законов, носящих универсальный характер (их нормы распространяются и на суверена, и на подданных);

– существует частная собственность (обладатели которой неотчуждаемо пользуются ею).

Это сильные аргументы, которые автор выносит из опыта своих многотрудных восточных путешествий, в противовес Монтескье, основывающемуся на материалах путешествия Фр. Бернье.

Споры о характере политической власти и государства на Востоке продолжают до сих пор. После того как «третья волна» демократизации, зародившись на юге Европы, прокатилась по ее центральной и восточной частям и докатилась до стран Централь-

ной Азии, они обострились с новой силой. Следует напомнить, что Центральная Азия представляет собой крупнейший после России блок постсоветского пространства. Он занимает связующее положение между западной и восточной частями Евразии и промежуточное – между развитым Севером и развивающимся Югом. Это также один из богатейших регионов мира по запасам минерального сырья. Пространственное положение и ресурсные богатства делают Центральную Азию важным театром мировой политической игры.

Особенности политических процессов в Центральной Азии во многом обусловлены спецификой сложившегося общественно-политического уклада и его институциональной основой – отношениями между властью и собственностью. Согласно мнению многих ученых-востоковедов, социологов и политологов, общественный уклад восточного общества имеет свои специфические черты, которые фундаментально отличают западное общество от восточного. В частности, согласно концепции «власти-собственности» восточного государства, предложенной Л.С. Васильевым, государство (в лице его главы) воспринимается как носитель социально-политической и экономической власти одновременно. Система власти-собственности всегда доминировала. Она имела различные формы, включая советско-социалистическую. Но суть ее неизменно была одной и той же: частная собственность подчинена власти и бессильна перед произволом администрации.

Государство в этой системе представляется средоточием власти, тотальной и всемогущей по отношению к человеку как самоутверждающемуся субъекту в бытии. Система власти-собственности определяюще влияет на политику руководителей государств на Востоке. Правители всегда стремились всячески идеологизировать то наличное состояние, когда сосредоточение в руках государства всей полноты социально-экономической и политической власти при отсутствии способных противостоять ему общественных структур лишало человека возможности выбора между конкурирующими социальными силами. Такая модель общественного устройства возводилась в некую предзаданную норму и многократно обосновывалась (что собственно и есть функция идеологии).

Для восточного государства характерно такое сочетание государственного сектора экономики и государственного аппарата, когда государство получает возможность жестко влиять на процессы взаимодействия экономических субъектов, во многом являясь одним из них.

Это позволяет однозначно решать различные конфликтные ситуации к вящей пользе государства, служит его дальнейшему усилению. Все это отливало в представление о незыблемости общественных структур, которое не только предполагалось самим способом производства, но и выступало в качестве неизменного принципа социокультурной ориентации человека. После распада СССР в 1991 г. в процессе становления независимых центральноазиатских государств вопрос о стратегии модернизации экономических и политических систем стал главным для их лидеров.

Современные государства Центральной Азии все еще находятся в переходном состоянии. Это переходное состояние центральноазиатских стран можно охарактеризовать как посткоммунизм, имея в виду в качестве основного аргумента «советское» происхождение государств региона. Но при этом следует оговориться, что на самом деле посткоммунизм имеет отношение все-таки больше к России, нежели к Центральной Азии. По мнению М. Иманалиева, президента Института общественной политики, большинство стран этого региона имеют «синдром внезапно приобретенной независимости». В реальной политике он проявляет себя, по его мнению, в следующих факторах:

- чрезмерной персонификации выбора пути развития с последующим формированием режима личной (либо семейно-клановой) власти (вождизма), с характерными элементами в диапазоне от деспотизма до мягкого мимикрирующего авторитаризма. Но следует отметить, что не во всем и не всегда виноват пришедший к власти лидер;

- моделировании экономического развития, компоненты которого представляют из себя советскую (иногда более жесткую) систему менеджмента; мозаичном внедрении механизмов рынка, местами возврате к натуральному хозяйству (прежде всего на селе); незаконной приватизации и личным контролем лидера за наиболее доходными отраслями; фрагментарной интегрированности в мирохозяйственные связи и т.д.;

- низком уровне политической и правовой культуры (что сильнее в центральноазиатских странах – закон или родственные связи? Закон или телефонный звонок?), а также отсутствии баланса отношений в триаде «человек–общество–государство». В некоторых странах Центральной Азии гражданское общество как таковое просто не состоялось. Не функционируют в государствах региона такие системные понятия и циклы, как политическая и

общественная регламентация передачи власти, разделение ветвей власти;

– дегуманизации, а в ряде случаев и разрушении общественных отношений, которое выразилось в кризисе института семьи, падении уровня образования и здравоохранения, еще большем разрыве между городом и селом, массовой миграции, а в некоторых странах Центральной Азии и криминализации политической, экономической и общественной жизни;

– непредсказуемой и не всегда ответственной внешней политике с постоянными дискурсами;

– отсутствию национальных систем ценностей и стабильно развивающихся элит, которые только начинают нарождаться.

В этой связи одним из самых важных вопросов, стоящих перед центральноазиатскими государствами, считает М. Иманалиев, является проблема конструирования самоидентификационных моделей и в то же время поиска идентичности в окружающем пространстве. Гипотетически перед странами региона существовало несколько путей развития:

а) западный – открытая экономика, политический плюрализм, развитое «гражданское общество»;

б) турецкий – достаточно либеральный, но ориентированный на разделение светских и мусульманских функций государства;

в) иранский – мусульманско-теократический и антизападный;

г) китайский – с сохранением жесткого политического режима, но ориентированный на реформы под контролем государства.

Как сегодня известно, практически ни один из вариантов развития не был в чистом виде реализован странами региона. Однако в результате проведенных реформ в пяти государствах региона проводится несколько смешанных стратегий модернизации: стратегия частичной либерализации с опорой на энергетические ресурсы и элементами авторитаризма (Казахстан, Киргизстан); авторитарные типы модернизаций с сохранением полного государственного контроля и использованием природного энергетического ресурса (Туркменистан, Узбекистан); периферийный, отсталый тип модернизации с элементами либерализации экономики (Таджикистан).

В течение длительного времени цивилизационное единство народов Центральной Азии считалось общим местом в большинстве научных трудов и политических оценок. Практически все современные лидеры Казахстана, Узбекистана, Киргизстана, Туркменистана и Таджикистана, особенно во время региональных

саммитов, подчеркивают общность истории и языков, происхождения и традиций, культуры и экономики. Основной тенденцией, отвечающей духу времени, многочисленные авторы считают интеграцию, в том числе и в Центральной Азии. Более того, само определение места Центральной Азии в мировой истории несет в себе политический подтекст. В частности, совсем недавно фактически все лидеры государств Центральной Азии называли свои страны «мостом между Западом и Востоком». И это местоположение должно было указывать на возможность универсального восприятия достижений обеих частей света.

Еще десятилетие назад история Центральной (тогда – Средней) Азии рассматривалась как неотъемлемая часть истории СССР. Теперь пришло осознание того, что все-таки достаточно «оснований для рассмотрения Центральной Азии как типа локальной цивилизации». Более того, коллектив киргизских ученых сделал вывод, что «Центральная Азия относится в большей степени к Востоку», но все-таки «сумела выработать собственное цивилизационное пространство». Авторы считают, что «центральноазиатская цивилизация вобрала в себя две составляющие – цивилизации кочевников и оседлых земледельцев». При этом Центрально-Азиатский регион выступает как часть исламской цивилизации. Это признание является характерным для нынешнего состояния политических процессов в регионе. Признание особенностей составляет важную часть национальной самооценки и самоидентификации.

Центральная Азия всегда была сложным и противоречивым регионом. Возможно, поэтому современные оценки истории, состояния, перспектив региона носят самый разнообразный характер. Некоторые из них имеют характер изложения мифических представлений, а то и совсем далеки от истинного знания. Например, К. Плешаков пишет: «Занятная вещь: в Центральной Азии – вакуум централизма. Пространство, “привыкшее” быть объединенным (не важно, Чингисханом, Тамерланом, Александром II или Сталиным), раздроблено на пять государственных формирований. Границы между ними в советское время порой прочеркивали по линейке (например, между Казахстаном и Узбекистаном к западу от Арала). Этноты региона перемешаны. Четыре из них – родственные друг другу тюрки. Экономика Центральной Азии монокультурна. Надежды на “лучшую жизнь” основаны исключительно на экспорте (на Запад) природных ресурсов, в основном нефти и газа, но еще и золота, наркотиков, меди и прочего. Выражаясь

ученым языком, в Центральной Азии сложилось «протоимперское пространство». Попросту говоря, регион готов к объединению неким гегемоном».

Приблизительно аналогичный подход имеют и некоторые современные политологи, специализирующиеся на ситуации в новых независимых государствах. Политическая конъюнктура определила отношение к государствам Центральной Азии как системе «N-станов», имеющих общие экономические, политические, социальные основы и единое цивилизационное происхождение, а также близкие по своему типу политические режимы и экономическую политику. На этой основе события в Узбекистане весьма легко экстраполируются на Казахстан, а режим в Туркменистане ничем не отличается от таджикского или киргизского. За десять лет сформировалось достаточно большое число штампов, которые никак не поднимают завесу над реальными процессами. Об этом, в частности, пишет Р. Абазов: «В советологии мы рассматривали одинаково процессы, происходящие в бывшем Советском Союзе, и процессы в Центральной Азии в частности. Но реалии не всегда соответствовали идейным конструкциям, которые мы пытались объяснить».

Приверженность к готовым схемам часто приводит исследователей к необоснованным выводам и суждениям, что находит свое отражение в описании западными аналитиками ситуации в Центральной Азии. В результате переплетения мифов и далеких от реальности теоретических схем создается новый образ Центральной Азии как группы государств, с разной скоростью погружающихся в авторитаризм и тоталитаризм. Отличительными чертами нового мифа об этих странах и народах являются утверждения о непригодности к рыночным отношениям, глубоких корнях религиозного фундаментализма, застойности экономической жизни, чрезмерной приверженности патриархальным отношениям и постоянной борьбе между различными клановыми группировками. Такой подход вызывает возражение, в первую очередь, среди специалистов, которые имеют давний опыт изучения народов и государств Центрально-Азиатского региона. Как и все новые государства, центрально-азиатские страны подвержены коррупции, существует борьба элит за передел собственности, слабо влияние общества на принятие государственных решений, малочислен средний класс, не находят своего выражения в парламенте и партийной системе интересы социальных групп. Таковы болезни общины. И страны имеют разный опыт их лечения.

Внимательное изучение региона приводит к пониманию того, что в нем существуют цивилизационные границы. И поиск особенного, частного, сугубо индивидуальных черт не является чем-то особым, эта тенденция носит общемировой характер. Детальное и глубокое изучение истории, свободное от идеологического диктата, обнаруживает тенденцию изучения цивилизаций, культур и субкультур, которое ведет к поиску не столько общего, сколько различий между ними. Более того, тенденция поиска идентичности ведет к переосмыслению прежних оценок, к выделению локальных цивилизаций.

По мнению А. Улуяна, ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН, после распада СССР во всех государствах Центральной Азии наступил затяжной переходный период, продолжавшийся вплоть до начала XXI в. В настоящий момент по сформировавшейся модели правления говорить о единстве государств Центральной Азии не приходится. Их можно условно разделить на две группы, в одну из которых входят Туркменистан и Узбекистан, в другую – Казахстан, Киргизстан и Таджикистан. Критерием выделения групп служит степень тоталитарности существующего политического режима. Несмотря на то что из всех стран региона только Киргизия наиболее близка к демократическим устоям, для всех государств Центральной Азии характерен полный контроль над законодательной властью. При этом нижняя палата парламента во второй группе стран избирается.

А. Власов, заместитель директора Информационно-аналитического центра МГУ им. М.В. Ломоносова, отмечает, что формы правления во всех странах региона схожи, различаются лишь степенью проявления черт тоталитаризма. При рассмотрении ситуации в Казахстане, который демонстрирует бурный экономический рост, не следует говорить о том, что экономические реформы там переходят в политические. Все страны региона сделали выбор в пользу этнонационализма как государственной идеологии. Форму правления, которая выстраивается государствами Центральной Азии, можно условно назвать «управляемой демократией» или же «фасадной демократией». Главные усилия руководства направлены на сохранение положения правящих элит. Оппозиция является виртуальной, встраиваясь в существующие структуры и чутко улавливая настроения власти. В силу этого неизбежный кризис власти в центральноазиатских государствах, о котором много говорили российские эксперты, вряд ли наступит. Построение «управляемой демократии» – таков самый вероятный сценарий

развития стран региона. В силу каких-либо форс-мажорных обстоятельств (например, обострения исламского фактора) возможно только резкое обострение разногласий внутри правящих элит с трудно прогнозируемым исходом. Единственное исключение в регионе представляет собой Киргизия, которая в настоящий момент находится в крайне нестабильном состоянии. Возможно, построение государства придется там начинать с нуля.

В заключение можно сделать следующий вывод. Политические институты и процессы в Центральной Азии имеют свою историческую и социокультурную специфику. Многие аналитические схемы, созданные в западной политической науке, по-прежнему не получают своего эмпирического подтверждения. Процессы демократизации и модернизации политической системы на практике принимают существенно иной характер, чем описывает теория. Российской политической науке предстоит еще многое сделать для того, чтобы адекватно описать происходящие здесь процессы. Необходимо преодолеть во многом ложные стереотипы и представления о государствах Центральной Азии как о восточных деспотиях, неспособных к развитию демократии. Подобного рода представления и оценки, по сути, повторяют то, что и сегодня еще нередко встречается в западной политической науке, описывающей политические процессы в России в традициях американской советологии.

«Научные ведомости Белгородского государственного университета», Белгород, 2011 г., № 13, вып. 19, с. 207–213.

С. Казиев,

политолог

**ТРАДИЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ**

Проблемы межэтнических отношений и национальной политики, проводимой политическим руководством Казахстана, приобрели особую актуальность в начале 1990-х годов и до настоящего времени периодически будоражат общественное мнение. На закате перестройки Н. Назарбаев высказывался об особом пути Казахстана в решении национальных проблем, заключающемся в консолидации общества, обеспечении «полного равенства всех наций и народов республики, всех людей, независимо от их национальной

принадлежности, политических убеждений и религиозных взглядов». Тогда, в 1991 г., Н. Назарбаев был уверен, что Казахстану удалось избежать национального отчуждения, наметившегося в начале 1990-х годов в других союзных республиках.

Спустя 12 лет известный специалист по Центральной Азии М.Б. Олкотт по-другому оценила результаты этнополитического развития Казахстана: «Каждому постсоветскому государству было не просто найти свое определение народа, но в Казахстане эти усилия сопровождались наибольшими противоречиями. Его руководство гордо заявляет, что страна является самым многонациональным из преемников Советского Союза, но, похоже, лишь малая часть ее жителей разделяет эту гордость. В этническом разнообразии многие видят источник напряженности. Внешние наблюдатели считают, что условием выживания и процветания Казахстана должен стать скорее гражданский патриотизм его населения в отношении общей родины, чем этнически обусловленная преданность казахов (или русских) своей земле. Правда, руководству страны, в котором преобладают казахи, по-видимому, труднее осознать эту истину, чем сторонним советчикам».

Следует добавить, что трудности «осознания истины» в такой деликатной сфере, как межэтнические отношения, и корректировки национальной политики усугубляются практическим отсутствием в современном Казахстане серьезных и глубоких исследований по межэтническим отношениям, за исключением редких публикаций казахстанских этносоциологов и политологов. Парадокс, но в Советском Казахстане тема межэтнических отношений всегда находилась в фокусе внимания социальных философов, историков и обществоведов. Выходили фундаментальные исследования по истории и проблемным моментам национальной политики и межэтнических отношений в Казахстане таких авторов, как Н.Ж. Джандильдин, С.З. Зиманов, Г.Ф. Дахшлейгер, М.М. Сужиков, Р.Б. Абсагтаров и др. В современном Казахстане лишь спорадически обращались к изучению протекающих этнополитических и этносоциальных процессов Н.Э. Масанов, Ж.Е. Бабакумаров, А.Т. Забирова, А. Нысанбаев, З.К. Шаукенова.

На наш взгляд, существует несколько причин слабого интереса ученых к процессам, которые определяют настоящее и будущее казахстанского общества.

Во-первых, в Казахстане под предлогом многочисленных оптимизаций «внедрения мирового опыта» по модернизации образования и науки практически разгромлена академическая наука.

Министр образования и науки В. Школьник прямо заявил по республиканскому телевидению об отсутствии необходимости финансирования фундаментальных исследований, так как нужных специалистов и технологии можно купить в развитых странах. В результате падения роли академической науки произошел серьезный откат уровня научных исследований. В появляющихся публикациях по национальной проблематике большинство авторов оперируют понятиями и категориями уже анахроничной социобиологической примордиалистской парадигмы.

Во-вторых, играют роль политическая конъюнктура и идеологический «заказ». За последние десять лет изданы многочисленные монографические исследования по институту президентства, но практически не было крупных публикаций по этнополитическим процессам в Казахстане. Ученый мир старался не затрагивать опасную тематику, фактически отдав ее на откуп официальной власти. Попытка Н.Э. Масанова критически оценить проводимую национальную политику и особенности этно-регионального раскола казахского народа привела к навешиванию на него ярлыков «национал-нигилиста» и «манкурта».

В-третьих, казахстанские историки занялись в основном критикой дореволюционного колониализма и советской национальной политики, как продолжения прежней русской экспансии. Антиимперский мейнстрим в казахстанском историописании задавался академиком М.К. Козыбаевым, сведшим основные положения советской национальной политики к ограничению права наций на самоопределение, «созданию “кукольных” национальных образований» и централизации власти над народами страны. В то же время он признавал серьезные проблемы с объективным исследованием прошлого, так как «на смену крайней политизации в прошлом сегодня пришло много любительства и коммерциализации. История стала писаться в угоду тугого кошелька... возродились к жизни средневековые реликты родового и жузового самовосхваления... И все это происходит под знаком научно-исторической обусловленности». Примером упрощенного социобиологического примордиального подхода являются взгляды социального философа Д. Кшибекова, сведшего все многообразие советской национальной политики к политике ассимиляции через межнациональные браки и созданию в короткие исторические сроки советского этноса. По его мнению, не может быть единой для всех этносов национальной идеи: «У каждого этноса она своя».

Следует признать, что в казахстанской науке не сформировалась мощная когорта ученых, занимающихся исследованиями острых проблем национальной политики и динамики межэтнических отношений, концепций нации и национализма применительно к местным условиям, как в российской науке.

Казахстанские исследователи, в отличие от российских коллег, избегали острых научных дискуссий по проблемам развития современного общества. В результате общественное мнение республики оказалось не готовым к плюралистическому пониманию сущности наций и национализма и было взбудоражено полемикой в конце 2009–2010 гг. вокруг проекта официальной «Доктрины национального единства Казахстана», в которой выдвигались вполне современные конструктивистские идеи достижения национального единства и формирования гражданской казахстанской нации. Против формулировки «казахстанская нация» выступили известные деятели культуры, литературы, составляющие «цвет» казахской элиты, главные редакторы газет и журналов, руководители общественных организаций, выразившие свою тревогу за судьбу казахской нации, которой грозит угроза растворения в казахстанской нации.

В этнонационалистической критике «Доктрины национального единства» объединились и либеральная и национально-ориентированная оппозиция. Либералы из демократической партии «Ак жол» предложили альтернативный проект под названием «Концепция новой национальной политики в Казахстане на 2011–2020 годы», открыто провозгласив курс на строительство этнократического государства. Доктринальные положения казахстанских европейски ориентированных либералов, написанные в духе идей раннего романтического национализма «крови» и постулатов догматического марксизма-ленинизма, мало отличаются от риторики националистических организаций. В «Концепции» прямо утверждается приоритет этнонациональных начал: «Важным фактором консолидации казахстанского общества является государствообразующая казахская нация. Меняется мир, меняются и формы проявления этнического. Ни одно государство не формировалось без нации. Но при этом всегда был государствообразующий этнос, который либо подавлял, либо ассимилировал или объединял остальных. Все это зависит от методов обеспечения единства. Соответственно и возрождение казахского народа как государствообразующей нации – ключевая проблема для устойчи-

вого развития Казахстана. В этом сегодня должны быть заинтересованы все этнические общности».

В середине 1990-х годов в процессе сбора научного материала автор беседовал с одним из лидеров казахских национальных движений, призывавших Н. Назарбаева определиться с приоритетами и строить либо национальное государство, либо гражданское общество. Активный азатовец и искренний патриот Казахстана был весьма удивлен, узнав, что основой современного национального государства как раз и является гражданское общество.

Неразбериха в концептуальных подходах, отсутствие цельных и современных научных концепций развития казахстанского общества диктуют необходимость объективного анализа истории национальной политики современного Казахстана. На наш взгляд, в освещении этнополитических процессов следует учитывать влияние советской национальной политики и формировавшегося в те годы межэтнического солидаризма на современную внутривнутриполитическую и национальную политику в Казахстане.

Казахстанская государственность возродилась в результате советской национальной политики, направленной на решение национального вопроса, ликвидацию фактического и юридического неравенства народов бывшей Российской империи. В начале XX в. национальный вопрос был одним из самых главных вопросов в России, настоятельно требовавшим своего разрешения и сыгравшим большую роль в крушении царской империи. «Восстание окраин» заставило большевистское руководство скорректировать прежнюю универсалистскую программу и проводить более прагматичный курс, блокируя зачастую с национальными движениями, а затем расправляясь с временными «попутчиками». В Казахстане таким временным союзником являлись лидеры алашевского движения. Следует признать, что альтернативы проведенной большевиками национальной политики, при всех ее издержках, не было, и для своего времени она являлась передовой, беспрецедентной по уступкам различным этническим группам. Впервые в мировой практике создавались национально-государственные образования различного уровня и готовились кадры этнических элит через политику позитивной дискриминации. В короткие по историческим меркам сроки советской власти удалось в целом снять межэтническое отчуждение и решить национальный вопрос дореволюционного периода.

Межэтническая вражда и угнетение местного населения в дореволюционной Центральной Азии не были всеобъемлющим явлением, как это изображается в современных национальных исторических нарративах. За десятилетия российского господства произошло замирение региона, налаживались связи между пришлым и местным населением. В конце XIX в. становится очевидным широкое проникновение в казахскую среду европейских начал, проводником которых являлось русское население края.

Широкомасштабный конфликт в казахской степи разразился в начале XX в. в связи с массовым крестьянским переселением и изъятиями миллионов десятин земель в переселенческий фонд. Как правило, это были самые плодородные и обеспеченные водой территории. Н. Масанов полагает, что отчуждались земли, на которых казахи вели подсобное земледельческое хозяйство, и как следствие «ликвидировались необходимые предпосылки для развития земледельческого хозяйства собственно казахского населения. Тем более что происходило вытеснение казахского земледелия не только посредством изъятия земли, но и аренды и, самое главное, экономически более рационально организованным и эффективным земледелием русского крестьянства, сартского, уйгурского и дунганского населения». Отчуждение у кочевых общин земельных «излишков» проводилось не только в рамках Российской империи на рубеже XIX–XX вв., но практически повсеместно государствами со смешанным земледельческим и кочевым населением, такими как Китай, Иран, Пакистан, Кения, Турция, государства Северной Африки, в течение всего XX в., и неизменно влекло кровавые столкновения и применение военной силы и террора против кочевых общин.

По поводу последствий землеустроительной политики в Западной Сибири ученые отмечают, что прямым следствием землеустройства было не только усиление борьбы старожилов и переселенцев, но и вражда между русским и «туземным» населением, выливавшаяся в бесконечные столкновения, взаимные жалобы и судебные тяжбы. В том же Петропавловском уезде в начале XX в. отмечалась следующая неприглядная картина: «Русские переселенцы являлись в новый край с понятиями и привычками своей родины. Переселенцу кажется возмутительным, что эти люди (казахи) дают царю солдат, живут в норах “як звири”, пользуются таким земельным пространством – “земли больше, чем у наших панов”. Поэтому переселенцы не считают зазорным вытравить казахские покосы, растащить лес с зимовок, вырубить рощи».

Групповые конфликты порождало различное отношение казахов и русских крестьян к кражам скота. Казаки и казахи терпимо относились к скотокрадам, даже приветствовалась удаль барымтачей. Очень часто угоном лошадей занимались состоятельные скотоводы или их дети. В казахском обычном праве за угон скота на воров налагались штрафы и компенсировался причиненный ущерб. Для казаков, сообщает Ч. Валиханов, «отнять у киргиза барана, украсть у него быка или лошадь считается молодецеством и ничем больше; так что офицеры даже не делают выговоров за это нижним чинам, а частенько и сами опустошают аулы». Русские крестьяне-переселенцы по-другому относились к вопросам кражи собственности, сурово карали виновников за воровство и бродяжничество, не разбирая степени вины, происхождения и причин, подтолкнувших человека к преступлению.

Обострялись конфликты не только между русским и местным населением, не менее острой была конкуренция между кочевыми и оседло-земледельческими этническими общностями. Русское завоевание Туркестана открыло новые возможности для экономического и демографического подъема оседло-земледельческого узбекского населения (сартов). Современники отмечают: «В первое время после завоевания края туземцы ходили испуганные и унылые, страшась новых пришельцев... Они боялись за свою веру и обычаи, и не было конца нелепым слухам, которые распускали темные и злонамеренные люди. Но приглядевшись к своим новым завоевателям, сарты успокоились и оценили выгоды, которые сулила им жизнь бок о бок с более образованным и сильным народом... с приходом русских все изменилось: взаимная вражда кончилась, и всякий может предаваться свои заботам и трудам». Ранее оседло-земледельческое население Средней Азии страдало от набегов и опасалось селиться по соседству с кочевниками, но замирение кочевников позволило оседлому мусульманскому населению Центральной Азии значительно расширить территорию своего проживания и хозяйствования, применяя древнюю китайскую стратегию «шелковичного червя», поедающего чужую территорию мелкими кусочками. И. Гейер с некоторым сочувствием к простодушным степнякам пишет: «Когда русское оружие усмирило Степь и киргиз (казах) уже не мог безнаказанно грабить сарта, последний, преодолев страх, вышел из городов и стал самостоятельно колонизовать Степь, занимая в ней лучшие земли».

Трудовые навыки и опыт ведения поливного земледелия узбеков позволяли им вести более производительное и товарное хо-

зайство, чем кочевники – казахи и киргизы. Е. Марков, путешествовавший по Средней Азии в начале XX в., с тревогой писал о растущей экономической мощи сартов (оседлых узбеков), воспользовавшихся замирением края и установлением строгих порядков. Конкурентные преимущества сартов перед представителями других народов очевидны и в будущем, полагает Е. Марков, именно они могут бросить вызов российскому могуществу: «Малоизвестный Европе сарт деятелен и предприимчив. Состязаться с ним чрезвычайно трудно, встает он рано, ест очень мало, воздержан во всем, сух, легок, всегда на ногах, всегда притом трезв, всюду бегаёт сам, всюду все разнохивает и знает. Где дело касается его корысти, он не упустит ничего и не пренебрежет ни одной копейкой. Вместе с тем он живет чрезвычайно просто... С его терпением, скромностью и настойчивостью он везде и всегда добьется того, что ему нужно».

В отличие от русских крестьян, активно обменивавшихся новыми технологиями ведения сельского хозяйства с оседающим казахским населением, среднеазиатское дехканство бережно хранило секреты эффективного земледелия. В бытовом сознании дехкан и жителей среднеазиатских городов кочевники считались неумехами и лентяями. Закрытость общин среднеазиатских народов позволяла поддерживать внутреннюю сплоченность и аскриптивные связи, в то же время являлась серьезным препятствием не столько для модернизации по европейскому пути, сколько для налаживания межэтнического диалога, основой которого может стать культурная интерференция и размывание групповых «перегородок». Не случайно после распада СССР межэтнические конфликты разворачивались между мусульманскими этносами или же внутри них, как это имело место в Таджикистане и Киргизстане.

Победившей советской власти пришлось урегулировать многочисленные конфликты, и следует признать, что задача решения национального вопроса была весьма сложной. Европоцентристский прогрессизм большевиков способствовал формированию основных принципов и подходов в национальной политике, остававшихся практически неизменными на протяжении всей истории Советского государства и заключавшихся в выравнивании социально-экономического, политического и культурного уровня народов. Это предполагала глубокую модернизацию социальных институтов и всего образа жизни. Один из видных казахских теоретиков по национальной политике 1920–1930-х годов Н. Нур-

маков успех ликвидации фактического неравенства ставил в зависимость от успеха национально-государственного строительства советских республик, представляющих «ту необходимую форму, в которой пролетариат выполняет свою задачу в национальном вопросе путем действительной и длительной помощи отсталым национальностям в деле их хозяйственного и культурного развития, в деле перехода к социализму, минуя капитализм». Фактически в Советском государстве в ходе национально-государственного строительства и проведения политики позитивной дискриминации были созданы фундаментальные основы функционирования будущих суверенных государств, образовавшихся после распада СССР.

Утвердившаяся с подачи западных советологов, таких как А. Авторханов, Р. Пайпс, М.Б. Олкотт, А. Некрич, негативная оценка советской национальной политики в настоящее время поддерживается в национальных «историописаниях». Тем не менее следует сказать, что национальная политика 1920–1930-х годов позволила преодолеть межэтническое отчуждение, примирить этническое и гражданское в сознании советских людей, сформировать основы социального и политического солидаризма, сплотив народы перед Великой Отечественной войной. Если в годы Первой мировой войны национальные окраины Российской империи восстали, то в годы Великой Отечественной войны миллионы советских граждан из национальных республик достойно влились в ряды Красной Армии.

Негативные моменты политики позитивной дискриминации и поощрения этнических элит проявились позже, в годы хрущёвской «оттепели», в латентной форме оказывали влияние на социальное развитие и этнополитическую ситуацию в союзных республиках. Попытка Н.С. Хрущёва в конце 1950-х годов отойти от сталинской концепции «ограниченного суверенитета» союзных этнонаций показала непримиримость противоречий между интернационалистскими идеями и реальной практикой развития межэтнических отношений. Конфликт зимы 1958 – лета 1959 г. Центра с рядом республиканских организаций (Грузии, Латвии, Азербайджана) вокруг принятия Закона «О связи школы с жизнью» был решен испытанным силовым методом через подавление политического этнонационализма, чистку партийно-государственного аппарата и ротацию управленческих кадров. Через почти 30 лет М.С. Горбачёв попытается вернуться к таким методам, но потерпит поражение от укрепившихся этнических элит, сумевших,

спекулируя на исторической памяти, проблемах национальных языков, провести эффективную политическую мобилизацию титульных наций.

В Казахстане оформление политического национализма титульной нации и негативные последствия расширяющейся практики позитивной дискриминации в сфере образования и кадровой политики проявились к концу 1970-х годов, т.е. позже, чем в большинстве союзных республик. Освоение целины и подъем индустриального сектора в эти годы привлек миллионы людей из различных уголков страны. Сложившиеся прочные традиции межэтнического сотрудничества и толерантность советских людей закладывали основы региональной общности – казахстанцев. Относительно Казахстана можно сказать, что провозглашавшиеся лозунги о «братской дружбе народов» имели под собой реальную основу. Весьма ощутимы были межэтническая толерантность и сотрудничество между казахами и русскими. В какой-то мере злая поговорка: «Если хочешь стать русским, стань сначала казахом», отражала процесс нивелирования специфических черт этнической культуры и ментальности населения республики.

Доминировавшие в республике казахская и русская номенклатура соблюдали определенные правила политической «игры», находя консенсус по наиболее острым проблемам. Так, партийная элита во главе с осторожным технократом Д.А. Кунаевым сумела блокировать попытки Н.С. Хрущёва передать часть Западного Казахстана Туркмении, целинные области и Караганду в состав РСФСР и вернула из состава Узбекистана Чимкентскую область после отставки Хрущёва и руководителя республики Ф. Юсупова. В 1979 г. казахстанское руководство умело сорвало реализацию уже принятого постановления Политбюро ЦК КПСС о создании Немецкой автономной области в Казахстане. Один из бывших руководителей КГБ СССР Ф. Бобков, непосредственно курировавший «автономистский» проект, отмечает, что за этим стоял Д. Кунаев, обвинивший чекистов в разжигании межнационального конфликта: «Сами немцы не хотят автономии, но вы ее навязываете». По свидетельству О. Сулейменова, республиканское руководство не возражало против создания немецкой автономии, но среднее звено аппарата сумело организовать сопротивление, мобилизовав студенческую молодежь и ветеранов войны. Успешное подавление автономистского движения немцев стало возможным благодаря открытой или скрытой поддержке русской части населения республики.

События конца 1970-х годов показали неудовлетворенность части населения преференциями, создаваемыми политической позицией дискриминации и проявлявшимися при поступлении в вузы и подборе управленческих кадров. Этнизация наиболее престижных социальных «ниш» породила стабильную неуверенность у нетитульного населения союзных республик. Расширенное рекрутирование национальных кадров в управление осуществлялось благодаря протекционизму в вузовской системе. В феврале 1986 г. были преданы гласности цифры, характеризующие ситуацию с набором студентов в алма-атинские вузы: в КазГУ доля студентов-казахов составляла 75,8%, в Институте народного хозяйства – 73,7, в Железнодорожном – 79,5% и т.д. В наиболее престижных вузах процветали землячество и родовые связи. По данным на 1987 г., в КазГУ в родственных связях находились 90 сотрудников, в Политехническом институте – 46, в Народнохозяйственном – 195 и т.д. Аналогичная ситуация наблюдалась в вузах Караганды: в Кооперативном институте работали 54 сотрудника, находившихся в родственных связях; в Политехническом – 91; в Медицинском – 120. Значительная часть не только русской, но и казахской молодежи северных и восточных областей выезжала в соседнюю РСФСР с целью получения высшего образования.

С конца 1970-х годов при проведении кадровой политики 2/3 мест котируются за представителями титульной этнонации. На начало 1986 г. казахи доминировали в ЦК компартии Казахстана, областном партийном и советском аппарате, руководстве вузов и АН Казахской ССР. На начало 1986 г. из 166 членов ЦК компартии Казахстана 92 представляли казахскую часть населения (54%), из 51 кандидата в члены ЦК компартии Казахской ССР – 30 были казахами (58%), из 18 первых секретарей обкомов – 11 человек (61%). Из 3 тыс. председателей исполкомов советов разных уровней 1870 человек (61%) были казахи, 612 (20%) – русские, 135 (4,5%) – немцы. Несмотря на усиливающуюся этнизацию, казахская политическая элита «делилась» долей представительства в управлении с русскими. Сам Д.А. Кунаев, несмотря на покровительство близким родственникам и игнорирование проблемы диспропорций в этнонациональном представительстве, оставался подлинным интернационалистом.

После декабрьских событий 1986 г. новое партийное руководство во главе с Г. Колбиным попыталось уравновесить этническое представительство в республиканской номенклатуре в соответствии с этнонациональным составом населения и провело

масштабную чистку партийно-государственного аппарата и системы высшего образования. В конце 1987 г. казахи составляли 39% (13 человек) среди членов Бюро ЦК компартии Казахстана, 41% (65 человек) – в составе членов ЦК КПК. Из 18 секретарей обкомов партии было семь казахов. В то же время Г. Колбин понимал опасность чрезмерного давления на укрепившуюся в 1960–1970-е годы этнонациональную элиту и в марте 1987 г. осудил «навешивание на весь казахский народ», заметив, что в республике «имеют место среди некоторой части русского населения проявления неводержанности, неуважения к людям коренной и других национальностей». Смело обратился Г. Колбин и к табуированной теме угасания сферы применения казахского языка. Он пообещал в короткие сроки выучить казахский язык и поручил проработать программу языковой политики. После отъезда в мае 1989 г. Г. Колбина в Москву языковое реформирование приобретет иную направленность, нацеленную на утверждение легитимности притязаний на доминирование этнической элиты.

В результате распада Советского Союза руководство Казахстана оказалось перед сложнейшими проблемами, порожденными дезинтеграцией единого экономического, политического, исторического и культурного пространства. Анализ национальной политики казахстанского руководства в 1990-е годы показывает умеренность и преемственность основных ее принципов с национальной политикой советского периода. Давление на верховную власть оказывалось формируемыми с начала 1990-х годов общественными движениями, имевшими в значительной мере этнонациональную направленность. Конфликт этнических элит остро проявился в процессе принятия конституций 1993 и 1995 гг. В текст первой Конституции под давлением казахских депутатов, в числе которых был известный ученый С.З. Зиманов, было внесено положение, определявшее Казахстан как «государственность самоопределившейся казахской нации». Н. Назарбаев выступал против этой формулировки, но добился с помощью русской части депутатского корпуса лишь исключения из текста Основного закона откровенно этнократического положения, согласно которому главой государства может быть только этнический казах. В Конституции РК 1995 г. положение о «государственности самоопределившейся казахской нации» было устранено, и в Преамбуле Конституции было декларировано: «Мы, Народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой, созидая государственность на исконно казахской земле... принимаем настоящую

Конституцию». Явной уступкой русскоязычной части населения было внесение в ст. 7 п. 2 Конституции положения об официальном статусе русского языка. Основные принципы национальной политики регламентируются статьями Конституции РК, посвященными общественному согласию, казахстанскому патриотизму (ст. 1 п. 2), языкам (ст. 7), гражданству (ст. 10,11,12), равенству всех перед законом и судом (ст. 14), недопустимости дискриминации в любых ее проявлениях, способных нарушить национальное, межэтническое согласие (ст. 14 п. 2).

В национальной политике в Казахстане следует отличать декларативную часть от реальной практики ее воплощения. Практически все официальные документы, в том числе Послания Президента РК с 1997 по 2011 г., пронизывает идея консолидации казахстанцев. До 1997 г. институтом, определявшим основные направления национальной политики, являлся Государственный комитет по национальной политике, созданный в апреле 1995 г. и разработавший проект Концепции национальной политики Республики Казахстан. В настоящее время сферой межэтнических отношений занимается такая квазиструктура, как Ассамблея народов Казахстана, статус и прерогативы которой до сих пор неясны.

Осторожным был подход власти к реализации кадровой и языковой политики. В течение 1990-х годов сохранялось достаточно широкое представительство русских в высшем звене управления. В 1994 г. доля казахов, занимавших руководящие должности в правительстве, составляла 61,2%, русских – 32,8, этнических меньшинств – 6%. Падение представительства русских было заметно в среднем звене госаппарата. По данным казахстанских политологов, доля славян в составе первых руководителей в областных администрациях с 1992 по 1993 г. сократилась практически повсеместно: в Актюбинской области с 43 до 10%, в Алма-Атинской – с 35,7 до 22, в Восточно-Казахстанской – с 42,8 до 30, в Кустанайской – с 57,1 до 30, в Южно-Казахстанской – с 26,6 до 18, в Северо-Казахстанской – с 73,3 до 40 и в Алма-Ате – с 43,7 до 26%.

Причиной этого сокращения была начавшаяся массовая миграция европейских групп населения из Казахстана. Первыми выезжали люди, обладавшие социальным капиталом и финансовыми возможностями. Советник Президента РК Е. Ертысбаев в своей книге приводит впечатляющие факты и список чиновников, переехавших в Россию и переведших туда значительные материальные ресурсы. В Россию переехали практически все бывшие ми-

нистры и областные акимы из числа славян. Сложившаяся по этому поводу казахская поговорка гласит: «Если разбогатеет казах, то он берет вторую жену. Если же разбогатеет русский, то он уезжает в дальние края».

Исход славян и немцев из Казахстана был следствием стабильной неуверенности нетитульного населения в своем будущем. Если корейцы, узбеки, уйгуры и представители кавказских народов благодаря сохраняющимся сильным изначальным связям смогли погасить тревожные ожидания своих диаспор, то значительная часть русских после отказа от введения двойного гражданства и введения казахского языка в официальное делопроизводство предпочли выезд за пределы Казахстана.

Размах последовавшей в 1990-е годы миграции привел к сокращению численности русских в период с 1989 по 2009 г. на 2,5 млн. человек – с 6227 тыс. до 3793 тыс. человек. Численность украинцев сократилась с 896 тыс. до 333 тыс. человек, немцев – с 957 тыс. до 178 тыс., белорусов – с 182 тыс. до 66 тыс. Ряд казахских этнодемографов в своих штудиях положительно оценивали в первой половине 1990-х годов миграционный исход, полагая, что «произойдет селективный отбор на гражданство» или, как считал А.Б. Галиев, отъезд русских «снизит межнациональную конкуренцию и смягчит социальную напряженность на рынке труда». Однако на практике выезд миллионов людей серьезно повлиял на социально-экономическое развитие сельского хозяйства, индустриального сектора, привел к падению качества образования и медицинского обслуживания населения. Собственные наблюдения автора и материалы этносоциологических исследований показывают, что казахи в массе своей не желают отъезда казахстанских славян и немцев, с которыми, в отличие от «мусульманских» групп населения, сложились дружеские и партнерские отношения.

В начале XXI в. политическое руководство Казахстана фактически отстранилось от активной национальной политики. На наш взгляд, создание и передача разработки мер по совершенствованию межэтнических отношений Ассамблее народов Казахстана не сняли проблему социально-политического отчуждения и миграционного оттока неказахского населения. Тревожные настроения русских северных областей находят отражение в появлении многочисленных слухов о грядущих территориальных обменах, тотальном внедрении казахского языка во все сферы или произвольной смене названия городов. Демагогическая риторика

«национал-патриотов» также влияет на рост межэтнического недоверия.

Жесткие межэтнические столкновения последних пяти лет представителей казахского населения с чеченцами в Алма-Атинской области, с турецкими рабочими в Мангыстаусской области и курдами в Южном Казахстане позволяют говорить о том, что пределы межэтнической толерантности подвижны и в случае усугубления социально-экономической ситуации или усиления межэтнической конкуренции возможны вспышки насилия, которые не способны погасить местная власть и Ассамблея народов Казахстана.

Представляется, что казахстанской элите следует присмотреться к опыту демократических стран по восстановлению межэтнического доверия в обществе, в первую очередь учесть мировую практику конструирования гражданской нации и в связи с этим вести широкую разъяснительную кампанию среди населения. В то же время необходимо законодательное закрепление права «вето» на принятие нормативно-правовых актов, ущемляющих интересы отдельных этнических групп, как это принято в демократических многонациональных обществах, и прекратить произвольную кампанию с переименованиями населенных пунктов и улиц. В кадровой политике возможно ограниченное применение позитивной дискриминации, квотирование за русскими и представителями этнических меньшинств определенной номенклатуры должностей в государственном аппарате.

«Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: К 70-летию академика В.А. Тишкова», М., 2011 г., с. 628–640.

Евгений Бородин,

политолог

КИРГИЗСТАН: В ПОИСКАХ СВОЕГО СОБСТВЕННОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ

Киргизстан первым из государств Центральной Азии встал на путь демократических реформ и рыночных преобразований, что обусловило его высокий авторитет и позитивный имидж на международной арене и как следствие – поддержку со стороны развитых демократических стран. В первые годы независимости в республике были сформированы основные институты демократи-

ческой государственности и многоукладной экономики, достигну- та макроэкономическая стабилизация, наблюдался рост валового внутреннего продукта. В стране поддерживалось социальное и межнациональное согласие.

В то же время следует отметить, что в последние годы нарастали тенденции авторитаризма и концентрации политической власти в узком кругу (в ущерб законодательной и судебной ветвям власти), предпринимались попытки исключения политических партий, гражданского общества и общественных объединений из политической жизни страны.

Это привело к серьезным перекосам в общественном сознании. Обострились проблемы социального и мировоззренческого характера, которые усугубились системными проявлениями коррупции, поразившей все государственные институты, несправедливым распределением экономических благ и финансовых потоков, недобросовестным использованием иностранной помощи. Вследствие этого мнение международного сообщества о Киргизстане как о стране, идущей по пути демократии, изменилось в негативную сторону.

Ключевым проблемам последних лет, обусловленных нестабильно функционирующей экономикой, масштабной безработицей, деградирующей правовой системой, хроническими проблемами в коммунальном, энергетическом, инфраструктурном секторах и др., неприемлемо длительное время не уделялось должного внимания. Черeda трагических событий, охвативших страну весной 2010 г., продемонстрировала правовую уязвимость и неэффективность существующей системы государственного управления. Накопленный конфликтный потенциал дал выход в ходе событий весны 2010 г. и получил принципиальное разрешение в виде смены руководства республики и конституционного строя.

Однако общественно-политические процессы последних лет закрепили негативные тенденции в жизни Киргизстана. Клановость в политике и экономике, порождающая коррупцию, превратила элитные группы в узкокорпоративные сообщества, оторванные от населения страны. Кланово-политические группы республики, сосредоточившись на борьбе за власть и ресурсы, используя общественные настроения и недовольство в качестве инструмента реализации своих целей, практически не были озабочены ни стратегическим планированием, ни проблемами развития экономики страны. Значительная часть экономически активного населения

Киргизстана, как известно, периодически выезжала на заработки, прежде всего в Россию и Казахстан, что частично снимало социальную напряженность. Доля трудовых мигрантов из Киргизстана в отельные сезоны достигала 45% от трудоспособного населения. Это около 1 млн. человек при населении страны в 5 млн. человек.

Мировой финансово-экономический кризис, как известно, также сказался на трудовой миграции из Средней Азии в сторону ее сокращения. Массовая безработица, социальная незащищенность и несправедливость, периодический рост цен на коммунальные услуги вкупе с растущим расслоением в киргизском обществе стали стимулами для роста радикальных настроений в стране.

Приведенная осенью 2010 г. конституционная реформа изменила президентско-парламентскую республику в парламентско-президентскую. В условиях периодического ступора правовой системы и растущего правового нигилизма в обществе вновь приняты правовые акты и документы могут быть оспорены в любой момент. Что, собственно, и происходит в Киргизской Республике. Вновь возникающие оппозиционные силы (а это не всегда из числа сторонников прежнего режима) до и после периода выборов в парламент будут стремиться дезавуировать легитимность ряда решений новых властей. Волна национализации, охватившая ряд важных объектов в экономике страны, стала частью начавшегося передела собственности, и уровень противостояния среди конкурирующих кланов в связи с этим возрос.

Как отмечалось, особенностью политических процессов в Киргизстане является регенерация роли и влияния клановых групп на региональной, земляческой, родоплеменной основе, ускорившаяся в период правления К. Бакиева. Как показали события последних лет, ресурсы клановых групп (властные, финансовые, родоплеменные, земляческие и т.д.) и борьба за них являются определяющими факторами для реальной политики современного Киргизстана. Например, один из поверхностных срезов киргизской кланово-политической структуры обусловлен географическим делением на северные (Чу, Талас, Нарын и Иссык-Куль) и южные (Ош, Джалал-Абад и Баткен) кланы и отчасти совпадает с историческим делением киргизских племен на левое (сол-канат) и правое (он-канат) крылья и ичкиликов (внутренние). Крупные и влиятельные племена Севера – сарыбагыш, бугу, солто, кушчу, саяк, саруу, кытай и др. На Юге наиболее многочисленные – ичкилики, крупнейшее племенное объединение отуз-уул, которое делится на влиятельные роды – мундуз, адыгене и др.

В условиях, когда формальные институты и правила стали малоэффективными и постоянно игнорируемыми ведущими политическими силами, кланово-политические структуры, их мобильность и приспособляемость продемонстрировали свою сравнительную жизнеспособность. Этот ресурс широко использовали как клан Бакиевых, так и конкурирующие с ним группы.

Стремительная деградация правовых механизмов привела к укреплению архаичных форм мобилизации и политической активности. Публичные выступления многих политиков, использующих демократическую риторику, рассчитаны на СМИ, в то время как реальный механизм,двигающий политический процесс в стране, находится в непубличной, клановой схеме распределения властных и иных ресурсов. Масштабная бедность, безработица, сузившиеся экономические возможности и ограниченные ресурсы у правительства способствовали еще большей консервации клановой структуры.

Особенностью ситуации стало то, что в конфликтах 2010 г. активное участие приняли криминальные структуры, определенным образом связанные с противоборствующими кланами. Юг Киргизстана, Ош и Джалал-Абад, – прежде всего узловые точки в масштабной контрабандной торговле китайской продукцией и не менее масштабном наркотрафике из Афганистана. Смена власти в апреле спровоцировала новый виток борьбы за контроль над прибыльными сферами торговли, услуг и другими экономическими активами и подтолкнула конкурирующие кланы к переделу собственности.

В связи с вышеизложенным будущее Киргизстана неопределенно. Вихри двух революций продолжают вестись над страной. В таких условиях крайне сложно прогнозировать, как будет проходить дальнейшее общественное развитие Киргизской Республики, которая имеет важное геополитическое и геоэкономическое значение как связующий мост между Западом и Востоком, а также между Севером и Югом. По своим политическим и социально-экономическим параметрам Киргизстан продолжает находиться на переходной стадии своего развития, входит в группу развивающихся стран, является страной, не имеющей выхода к морю.

Киргизстан – один из возможных природных полигонов (учебно-тренировочных центров) по изучению состояний человека, техники и сооружений в экстремальных горных условиях. Киргизстан является международным экологическим донором: по источникам чистой питьевой воды, по биоразнообразию, по

низкому уровню выбросов парниковых газов. В ледниках запасены 13 годовых стоков воды – этот капитал значительно ценнее богатств рудных полезных ископаемых.

Исследовательская организация Population Reference Bureau прогнозирует рост населения в Киргизстане в 2050 г. до 8,3 млн. человек. На темпы естественного прироста населения не оказывают явного влияния ни динамика ВВП, ни уровень инфляции, ни соотношение браков и разводов, ни коэффициент охвата молодежи высшим образованием, ни миграция. Все это позволяет характеризовать данное социальное явление как демографический «взрыв» после некоторого спада в середине 90-х годов и оценивать его как стратегический ресурс развития страны. В первой половине 90-х годов начался большой отток населения: люди эмигрировали добровольно, по причинам этнической принадлежности и экономическим соображениям. Все эти перемещения приводили к изменению места постоянного проживания. Недавно появилась новая тенденция, связанная с временной миграцией. Она вызвана исключительно экономическими причинами. Эти миграционные потоки являются важным фактором регионального сотрудничества. Общее количество мигрантов из Киргизстана составляет 10% всей рабочей силы. Избыток рабочей силы, связанный с высоким уровнем рождаемости в странах Центральной Азии, приводит к появлению большого резерва рабочей силы, готовой заполнить ниши на рынках труда России и Казахстана.

Наличие такого большого отряда рабочей силы, работающей за границей, имеет многочисленные экономические, социальные и человеческие последствия для Киргизстана. По различным оценкам, сумма денежных переводов может составлять в пределах от 120 до 300 млн. долл., т.е. больше, чем валовой приток прямых иностранных инвестиций. По мнению многих экспертов, денежные переводы являются одной из главных причин сокращения бедности, зарегистрированной за последние годы.

Национальные интересы в области экономики являются основополагающими и предусматривают преодоление кризисных явлений, поддержание устойчивого роста, который обеспечивает интеграцию в мировую и региональную экономику на приемлемых для страны условиях, а также сбалансированное решение социально-экономических задач. Содействие формированию эффективной экономики путем привлечения иностранных инвестиций, интеграции Киргизской Республики в мировое и региональное хозяйственное пространство, а также обеспечение экономической безо-

пасности являются важнейшими направлениями внешнеэкономической политики.

Киргизстан зависим от МВФ и Всемирного банка, где США играют ведущую роль. Ограничивают американское влияние в регионе интересы России и Китая. Продвижение демократии и либеральной экономики остается приоритетом в отношениях Киргизстана с США и ЕС. В перспективе просматриваются отношения с Объединенной Европой, в частности с Германией. Коридор «Европа–Азия» делает Европу и Китай заинтересованными в суверенитете и развитии стран Центральной Азии. Крупнейший донор Киргизстана – Япония. Япония и Германия – крупные акционеры Азиатского банка развития. Гранты Азиатского банка развития и Всемирного банка, получаемые Киргизстаном, имеют по преимуществу японское происхождение.

В среднесрочной перспективе 50% торговых партнеров Киргизстана будут по-прежнему составлять страны СНГ. В отношениях с Узбекистаном Киргизстан будет использовать недостаток водных ресурсов в той мере, в какой он использует газовую зависимость страны. Киргизстан востребован Казахстаном в связи с недостатком воды и электроэнергии в его южных регионах. Южные регионы Киргизстана используют дешевую рабочую силу Таджикистана и обеспечиваются оттуда нефтепродуктами. Железная дорога через Афганистан может открыть странам Центральной Азии выход к Индийскому океану.

В Киргизстане нет достаточных объемов товаров регионального и мирового уровня – нефти, металлов и зерна (как в Казахстане), газа, хлопка и золота (как в Узбекистане). Да и сельское хозяйство соседей производит больше товаров. Но природные ресурсы страны позволяют производить экологически чистые продукты и лекарства, пользующиеся спросом на мировом рынке. Киргизстан может стать узлом электрокоммуникаций и ориентироваться на экспорт электроэнергии, спрос на которую будет расти. Киргизстан граничит с Казахстаном, Узбекистаном и Таджикистаном – дружественными государствами, близкими в культурно-историческом, этническом и конфессиональном отношениях. Киргизстан активно участвует в разноформатных интеграционных процессах, в которые в той или иной степени вовлечены и другие страны Центрально-Азиатского региона.

К неблагоприятным факторам можно отнести внутриконтинентальное положение региона, отсутствие непосредственного выхода к мировым коммуникациям, слабую развитость инфраструк-

туры транспорта и связи, отдаленность от центров экономического и политического влияния.

Соседство Киргизстана с Китаем создает благоприятные условия для развития торгово-экономического сотрудничества с этой страной, которая также входит во Всемирную торговую организацию, для диверсификации и модернизации транспортной инфраструктуры, преодоления национальной изолированности. Таким образом, рассматривая возможные потери и приобретения от реализации той или иной стратегии, можно констатировать следующее: в сложившихся условиях многополярного мира для Киргизстана – как полноправного объекта международного права и суверенного государства с легитимным правительством и унитарной формой государственного устройства – целостность территории сохранит значение как базовый фактор. Значение этого фактора имеет заметную тенденцию к росту при объединении евразийского пространства за счет региональных проектов – железной дороги, крупных электростанций, коммуникаций на базе информационных технологий.

Проведенный анализ в рамках данной работы показал, что свой путь для Киргизской Республики возможен в рамках пяти базовых сценариев.

1. Многовекторная политика. Существующий на протяжении длительного времени курс. Данный курс наиболее перспективен, поскольку позволяет поддерживать баланс сил в регионе, делая уступки тем или иным силам, при этом четкое отстаивание национальных интересов в долгосрочной перспективе возможно только при грамотном использовании международно-правовых аспектов сотрудничества, однако слабая экономика, незначительные вооруженные силы, малая численность населения определяют относительно небольшие возможности проведения действительно независимой внешней и экономической политики. Стратегия многовекторной политики подразумевает движение к сбалансированной и последовательной многовекторной внешней политике государства. В целом это достаточно успешная стратегия для ситуации, когда ни один из ведущих центров мира и региона не чувствует достаточной силы для того, чтобы выйти на позиции безусловного доминирования.

Возникает ситуация определенной субъектности управления в самой стране. Вместе с тем ослабление государственной власти в странах региона, как показывает опыт Киргизстана, может использоваться внешними силами для попыток изменения геополитиче-

ской конфигурации региона. Поэтому достаточно успешная стратегия развития страны на основе гибкого курса таит в себе опасность быстрой потери устойчивости из-за ослабления государственного управления, особенно в условиях обострения борьбы внешних сил за влияние в регионе. Возможно, эта стратегия – худшая с точки зрения обеспечения стабильности, поскольку создает ощущение незащитности геополитического пространства у внешних сил и подталкивает их к активным действиям в попытках изменить ситуацию в выгодном для себя ключе. Сложность осуществления данной стратегии – необходимость виртуозного проведения внешней политики, что само по себе сложно для маленькой страны с ограниченными ресурсами.

2. Вхождение в сферу влияния Казахстана или России – растущая политическая и экономическая зависимость от Республики Казахстан (России). В принципе это вариант делегирования полномочий в выборе стратегического пути развития этнически и ментально близкому, но более мощному, прежде всего экономически, государству. В чистом виде этот сценарий также трудно реализуем, поскольку хотя Казахстан (Россия) обладает существенно большими возможностями, нежели Киргизстан, однако другие «глобальные игроки» не заинтересованы в такой зависимости. При реализации данного сценария речь идет фактически о том, что выбор пути развития Киргизстана будет определяться в Астане (Москве) в соответствии с четырьмя другими сценариями. Стратегия «Вхождение в сферу влияния Казахстана (России)» сопровождается, с одной стороны, потерей части суверенитета, возможностью территориального дробления, но, с другой стороны, повышением уровня жизни большинства населения страны за счет реального экономического роста. Вместе с тем схема фактического делегирования полномочий в выборе стратегического развития пусть более мощному, но все же сопоставимому по своему потенциалу государству не выглядит вполне оправданной.

3. Евроазиатская интеграция – еще один из наиболее приемлемых для Киргизстана сценариев, поскольку в потенциале позволяет Киргизстану наряду с другими государствами Центральной Азии стать системообразующей единицей крупного геополитического объединения, подобно тому как малые государства Европы наращивают свой вес и влияние на международной арене за счет членства в ЕС. Однако возможности Киргизстана в развитии по этому сценарию ограничены относительно медленным прогрессом в строительстве полноценных интеграционных структур ЕЭП и

ЕврАзЭС, ШОС. Единственным козырем Киргизской Республики в данном процессе является ее ключевое положение на перекрестке дорог из Китая в Европу и из России в Азию и Индию. Целью стратегии «Евразийская интеграция» станет экономическая и военно-политическая интеграция постсоветского пространства. К 2020 г. может быть сформировано единое экономическое и оборонное пространство России, Беларуси, Армении, Казахстана, Киргизстана и Таджикистана. Для Киргизстана приоритетными областями интеграционного сотрудничества являются:

– создание регионального водно-энергетического консорциума с передачей в его владение ключевых элементов инфраструктуры. В консорциуме каждая из стран региона имеет свою долю. Консорциум позволяет учесть экономические, социальные и экологические эффекты существующей системы водного регулирования и производства энергии. Он предоставляет рациональное основание для выбора режима работы, выгодного для каждой страны. Киргизстан должен получать часть доходов от орошаемого сельского хозяйства Узбекистана и Казахстана и покрывать часть ущерба, вызванного затоплением в нижнем течении Сырдарьи; в свою очередь, Узбекистан и Казахстан должны получать свою часть доходов от производства энергии на Нарынском каскаде. Конечно, определение количества связанных с этим затрат и выгод – это очень сложная политическая и техническая задача, но тем не менее она может быть решена;

– создание механизмов экономического сотрудничества, включая торговлю, инвестиции, транзит, развитие транспортной инфраструктуры, на основе обязательного соблюдения всех правил и применения санкций за их нарушение. Такие механизмы могли бы базироваться на правилах ВТО;

– сотрудничество в области безопасности, защищающее страны региона от угроз терроризма, экстремизма и организованной преступности;

– евразийская интеграция – наиболее привлекательный сценарий как для Киргизской Республики, так и для Российской Федерации, так как высокий уровень внешнеполитической реализации достигается не за счет собственных ограниченных ресурсов, а за счет совокупной мощи Евразийского союза.

4. Вхождение в сферу влияния Китая – весьма вероятный сценарий, учитывая растущую экономическую мощь Китая и его географическую близость. Основная опасность в реализации этого сценария связана с угрозой этнического и культурного растворе-

ния. Кроме того, существует риск копирования китайской схемы экстенсивного развития (использование схем промышленного производства, пренебрегающих экологическими нормами и базирующихся на низкооплачиваемом труде), что может привести к утрате конкурентных преимуществ Киргизстана как уникальной биосферной зоны и сохранению или даже нарастанию социальной нестабильности в стране. В чистом виде этот сценарий также трудно реализуем, поскольку другие «глобальные игроки» не заинтересованы в такой зависимости.

5. Евроатлантический выбор – при кажущейся привлекательности вхождения в сферу влияния наиболее экономически развитых государств мира таит значительные угрозы, так как развитие экономически слабых государств в системе открытой либеральной экономики, как правило, закрепляет экономическую периферийность. Кроме того, сухопутное положение Киргизстана усиливает его зависимость от соседей, через территорию которых проходят основные транспортные пути, соединяющие его с внешним миром. Стремление Киргизстана играть роль крупного транзитного узла также реализуемо только на фоне добрососедских отношений с крупными державами региона. В этих условиях построение стратегии развития страны на базе евроатлантической ориентации с точки зрения ключевых геополитических факторов развития Киргизстана представляется недальновидным. Стратегия «Евроатлантический выбор» бесперспективна для Киргизстана в силу его внутриконтинентального расположения. Радикальный вариант поиска независимости от континентальных соседей на практике означает превращение страны в колонию третьей, удаленной державы. Наиболее яркий пример на пространстве СНГ – Грузия. Однако для Киргизстана этот сценарий еще более сложен для исполнения в силу особенностей его геополитического положения.

* * *

Таким образом, в среднесрочный период интересы киргизского государства будут состоять в защите конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности, обеспечении социально-политической стабильности и экономического развития. Правильно определенные национальные интересы позволяют избрать оправданную (с точки зрения целей развития, имеющихся ресурсов и возможностей) стратегическую перспективу развития

государства. Учет локальных особенностей способствует определению и наилучшему использованию имеющихся в государстве и обществе социокультурных особенностей, необходимых для его реформирования. Международный опыт позволяет Киргизстану успешно интегрироваться в мировую систему, давая ему возможность понимать универсальный, общепринятый «код» отношений и быть, в свою очередь, понятым. Важным элементом осуществления этой программы на практике становится создание современного государства, адаптированного к реалиям глобализации и способного реализовать программу долгосрочных реформ.

При других сценариях экономического развития проявляется тенденция снижения конкретных значений фактора, что на практике означает углубление деления на Север и Юг, фрагментарность развития, т.е. отсутствие единого хозяйственного пространства страны. Малые размеры страны в среднесрочной перспективе будут служить показателем отсталости.

«Внутриполитическое и социально-экономическое развитие Киргизстана», М., 2011 г., с. 245–256.

А. Рахнамо,

кандидат политических наук (Таджикистан)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ «ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА» В ТАДЖИКИСТАНЕ

Говоря о «политическом исламе» в Таджикистане, я не хотел бы возвращаться к известным терминологическим диспутам о приемлемости или неприемлемости использования данной категории. Мой собственный опыт показывает, что при практическом определении границ этого понятия мы сталкиваемся с большими теоретическими и методологическими проблемами. Кроме того, эти проблемы имеют и практический аспект. В связи с этим своим коллегам, которые часто говорят о «политическом исламе» в Таджикистане, я так же часто задаю риторический вопрос: а существует ли «неполитический ислам» в Таджикистане?

Как исследователь, который долгое время изучал исламскую среду в Таджикистане, я могу однозначно сделать вывод: в таджикском обществе невозможно встретить «неполитический ислам». Поэтому логично будет сделать вывод, что все группы и слои исламского духовенства Таджикистана реально участвуют в политике и имеют четко сформулированную политическую пози-

цию. А отличия заключаются только в форме и специфике их политического участия.

В связи с этим я хотел бы для начала коротко обозначить основные виды политического участия исламского духовенства Таджикистана.

1. Зависимое политическое участие. Этот тип политического участия характерен для так называемого «официального духовенства». Как известно, в постсоветской Центральной Азии институт официального духовенства является органической частью политических режимов, одним из важнейших механизмов и инструментов реализации государственной политики в области религии. Таким образом, официальное исламское духовенство самым прямым образом участвует в политике и, более того, является политическим инструментом власти. Так было в советское время, такое же положение продолжает существовать и в постсоветской Центральной Азии.

2. Прямое независимое политическое участие. Такую форму политического участия выбрало исламское духовенство, а также активисты, которые свое участие в политике реализуют через создание политических структур, таких как Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) и т.д.

3. Отрицательное или «нейтральное» политическое участие. Эта форма политического участия в основном свойственна суфийскому исламскому духовенству, которое оформляет свою политическую позицию как нейтральность или «неучастие в политике». Занимая такую позицию, они оказывают решительное влияние на характер и направление политических процессов общества. Кроме того, такая позиция этого наиболее влиятельного слоя исламского духовенства сдерживает тысячи верующих от участия в активной политике, особенно в рядах исламских активистов. Поэтому всегда существуют неофициальные, иногда тайные контакты властей с суфийским духовенством, контакты, которые основываются на принципе соблюдения взаимных интересов и оказания взаимных услуг.

Таким образом, в постсоветском пространстве ислам полностью пронизан политикой, здесь нет «неполитического ислама». Даже в том случае, если религия не будет выражать свою позицию по отношению к политике и власти, сама власть идет к религии и обязательно будет настаивать на определении своих позиций, чтобы на данной основе построить свои отношения с властью.

Говоря об эволюции политической культуры «политического ислама» в Таджикистане, можно говорить только об эволюции политической культуры представителей одной из политических позиций в таджикском исламе. В данном случае речь идет о той части исламских активистов, которые занимают позицию независимого и организованного участия в политике через создание политических структур и организаций. Главным представителем такой исламской политической позиции в Таджикистане является ПИВТ. Поэтому эволюцию политической культуры этой позиции политического ислама в Таджикистане я хотел бы показать на примере эволюции политической культуры и поведения ПИВТ.

Здесь, прежде всего, нужно вспомнить о том, с чем ПИВТ вышла на политическую арену. Это была группа молодых людей с резкими идейно-политическими тезисами, нешлифованным и радикально-наступательным политическим поведением, с радикальными принципами и методами ведения политической борьбы. Но сравнивая стартовую политическую культуру ПИВТ с ее нынешним состоянием, можно четко проследить глубокую эволюцию не только ее политического поведения, но и многих принципиальных политических позиций. Хотя, на первый взгляд, ПИВТ кажется идеологической силой, мой анализ показывает, что, может быть, самое главное отличие ПИВТ от других не только исламских, но и светских политических групп Таджикистана, заключается в ее прагматичном характере. По этому поводу можно сказать, что в период независимости ни одна политическая сила в Таджикистане не трансформировалась до такой степени, как ПИВТ.

Изучение деятельности ПИВТ показывает, что идеи и политические позиции ПИВТ находились в постоянном динамическом развитии. Такую динамику можно показать на примере трансформации позиций этой партии по ряду принципиальных идейных и политических вопросов. Первым примером можно назвать постепенный отход руководства ПИВТ от своей ранней реформаторской позиции в вопросах традиций и обрядов. В конце 80-х годов вооруженные идеями «реформаторства» молодые активисты ПИВТ входили в жесткую конфронтацию с традиционным духовенством. Это привело к тому, что последние практически заблокировали доступ ПИВТ в глубь религиозной среды, объявив ее последователей «ваххабитами». И это обошлось ПИВТ слишком дорого. Но уже в начале 90-х годов XX в. лидер партии С.А. Нури четко осознал пагубность такой позиции и приступил к корректировке отношений с традиционным духовенством. А после его возвращения из

эмиграции в 1997 г. сближение с традиционным духовенством стало входить в число основных приоритетов ПИВТ.

Наиболее серьезным примером эволюции изменения политических позиций ПИВТ можно считать трансформацию подходов партии к вопросу о форме и характере государства. Другими словами, во второй половине 90-х годов произошла эволюция политической концепции С.А. Нури по так называемому вопросу «исламского государства». Если в первой половине 90-х годов в его риторике этот термин имел устойчивое значение, то в конце 90-х он использует уже исключительно термин «мусульманское общество». Это большая разница и серьезное переосмысление позиции по такому принципиальному вопросу, как характеристика исламского государства. Такому изменению позиции С.А. Нури по данному принципиальному вопросу способствовал ряд факторов. В годы эмиграции С.А. Нури более глубоко ознакомился с подходом традиционного ислама к политике и власти. В этот период он непосредственно изучил в большинстве случаев горький опыт ряда исламских стран в этом направлении. Тогда же у него сформировалось более четкое представление и о геополитических реалиях мира и региона. Все это помогло ясно осознать внутреннюю ситуацию в стране, отношение населения к этой идее, ее политические и правовые последствия для деятельности ПИВТ.

В чем разница между этими двумя концепциями? Разница, в принципе, серьезная. Теория создания «исламского государства», которой вооружены некоторые современные исламские движения, концентрирует внимание на проблеме власти. Смысл здесь в том, что в ней движение общества к исламу предусматривается через изменение политического строя. Такая концепция носит конфликтный характер, так как во главу ставится прежде всего борьба за власть. В отличие от этого, в своей концепции «мусульманского общества» С.А. Нури в центре ставит уже не проблему власти, а акцентирует внимание на таких гражданских и культурно-ценностных аспектах, как обеспечение религиозных прав. Важно здесь то, что они являются частью общегражданских прав, в том числе определяющих признание место и роли ислама в национальной культуре, уважение исламских норм и ценностей. Как мы видим, такие цели, по сути, не противоречат ни Конституции, ни законам Республики Таджикистан.

Таким образом, эта концепция, с одной стороны, сохраняет исламскую сущность ПИВТ, без которой ее существование как религиозной политической партии потеряло бы смысл. С другой

стороны, она сохраняет ее правовую легитимность в рамках Конституции РТ. Мне кажется, что переход от «исламского государства» к «мусульманскому обществу» был единственно возможным выбором Нури. Цель состояла в том, чтобы одновременно сохранить и исламский, и легитимный характер своей партии в условиях светского государства. Принципиальное и в то же время прагматичное решение.

Если говорить конкретнее, Нури подошел к данной проблеме более естественно. Это отличается от искусственно политизированного и чисто журналистского понимания. И здесь он приблизился к исламской концепции об обществе. Он пришел к такому, на первый взгляд, необычному выводу, что на данном этапе именно светское государство может обеспечить условия обращения людей к религии, так как нормальное правовое светское государство обеспечивает все религиозные права граждан. «Мусульманское общество» в этом понимании – это определенные рамки поведения людей и в своей личной жизни, и в отношениях с другими людьми в соответствии с канонами ислама. Для этого нет необходимости ни в изменении конституционного строя, ни в организации нелегальной политической деятельности. Это и есть суть конечной позиции С.А. Нури по данному вопросу. Исходя из всего этого, он и поддерживал светский характер государства.

Какое значение все это имеет для общества? Такая концепция снимает проблему власти с первого пункта «повестки дня», что, в свою очередь, снижает напряженность в светско-исламских отношениях в рамках политического пространства. Проблема из конфликтной формы прямой борьбы за власть приобретает форму взаимодействия ценностей в общественно-культурной среде и одновременно в правовом поле. Это уже абсолютно нормальный процесс в демократическом обществе.

Подобную эволюцию можно наблюдать и в позициях ПИВТ по ряду других вопросов. В последние месяцы своей жизни лидер ПИВТ С.А. Нури аккумулировал свой жизненный и политический опыт. Он сделал некоторые окончательные выводы по проблеме политической борьбы и власти. Так, например, он крайне критично оценил положение ПИВТ. Он отметил, что партия имеет много проблем, кадры и программы нуждаются в усовершенствовании и доработке. Из этого он сделал вывод, что ПИВТ еще абсолютно не готова к управлению страной. В связи с этим последовали два наставления: первое – направить все усилия на укрепление самой партии, подготовку кадров, разработку программ; второе – катего-

рически воздержаться от попыток прихода к власти. В нынешних же условиях и положении партии приход к власти ПИВТ С.А. Нури назвал безответственностью и абсолютным безумием, которое может обернуться «трагическим исходом». Он наставлял, что пока у партии не будет минимум «100 Химматзода» (т.е. достаточное количество сильных личностей, подобных нынешнему духовному лидеру ПИВТ Мухаммадшарифу Химматзода), пока партия не будет уверена, что в случае победы «страна превратится в Японию», приход к власти не имеет никакого смысла.

Таким образом, главным политическим завещанием С.А. Нури своим последователям было то, что больше никогда без нужной интеллектуальной подготовки, без соответствующих кадров и без соответствующих программ развития страны не следует претендовать на власть. Мне кажется, что это один из самых серьезных и принципиальных выводов его политической жизни.

Эволюция политических позиций и политического поведения ПИВТ продолжается и сегодня. В последний год своей жизни С.А. Нури говорил о необходимости преобразований, которые должны охватить структуру партии, ее программы и приоритеты. Нынешний лидер партии М. Кабири также заявил, что продолжает курс реформ, но я думаю, что его возможности более ограничены, чем у С.А. Нури. Поэтому мне представляется, что на определенное время он отложил часть реформ, в том числе и по обновлению структуры ПИВТ, а также ее кадрового состава. Но вместе с тем он инициировал некоторые изменения содержательного характера в тактике и стратегии ПИВТ. Например, он начал свой курс с тезиса «доверие», который он объяснил как серию практических шагов для укрепления внутреннего доверия в ПИВТ, а также ее взаимного доверия с исламским духовенством, политической элитой и с международным сообществом. После ухода С.А. Нури ПИВТ действительно нуждалась в восстановлении этого доверия, так как эта утрата лишила партию серьезной части контактов и доверия.

Другим существенным изменением в тактике ПИВТ можно назвать идею к развороту на выборах в сторону народа и молодежи. То есть, судя по заявлениям М. Кабири, партия пришла к выводу, что на данном этапе приоритетом является не участие или победа на выборах, а сближение с народом и формирование молодого поколения последователей. Партия не должна ждать выборов, и ее успехи не должны оцениваться результатами участия на выборах. Вообще, на данном этапе участию в выборах в качестве ос-

новой цели и главной формы деятельности партии отведен второй план.

А как же может существовать и развиваться политическая партия без выборов? Мне кажется, подобный шаг связан с таким психологическим моментом: участие ПИВТ в парламентских выборах 2000 и 2005 гг. не увенчалось особым успехом. Хотя лидеры ПИВТ считают, что на самом деле они завоевали намного больше голосов, чем их противники, но каждое такое участие еще раз подчеркивает реальные возможности партии и, что очень важно, реальные условия прохождения этих выборов. А бесконечное повторение этого усилит пессимистические настроения в рядах ПИВТ. В результате, часть из ее членов могут «деактивизироваться» или просто уйти с политической арены, так как постепенно они теряют веру в целесообразность политического участия в таких условиях.

* * *

Опыт Таджикистана по легализации деятельности политической партии религиозного характера показывает, что такой выбор является наиболее рациональным путем для обеспечения стабильности в мусульманских обществах со светским режимом правления. Легальная деятельность исламских политических сил приведет к глубокой эволюции их сущности, структуры и методов ведения политической деятельности в целом, а также к трансформации их политической культуры.

Действуя на легальной политической арене и в строгих рамках закона, эти силы постепенно проходят процесс глубокой социализации и модернизации, разделяют чувство ответственности за стабильность и развитие общества в стране. Адаптируясь к политической культуре общества, они переходят на умеренные созидательные позиции и становятся естественной частью легального политического пространства. Такая трансформация приведет к снижению религиозного и политического экстремизма в обществе. Легализация – это канал их социализации, модернизации и национализации. А у периферии и подполья существует совершенно другая логика.

Таким образом, легализация религиозной политической деятельности Таджикистан приобрела устойчивую стабильность в этом направлении. Это не теоретический вывод исследователя – вот уже десять лет этот механизм работает на практике. И, как говорится, «фактор нестабильности» в конечном итоге превратился в

элемент стабильности. Это и есть один из важнейших уроков таджикского мирного процесса.

«Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии», М., 2009 г., с. 186–195.

Игорь Филькевич,

политолог

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТУРКМЕНИСТАНА

Туркменистан имеет территорию в 0,49 млн. км² и по ее размеру занимает 51-е место в мире. Население страны составляет 4,9 млн. человек, по количеству жителей Туркменистан занимает 115-е место в мире. Объем произведенного Туркменистаном валового внутреннего продукта, рассчитанного по паритету покупательной способности, составил в 2008 г. почти 33,4 млрд. долл., и по данному показателю Туркменистан занимал 94-е место в мире (его доля в мировом ВВП составляла 0,05%). В то же время объем туркменского ВВП, рассчитанный по методике атласа Всемирного банка, в 2006 г. составил около 10,5 млрд. долл., и по данному показателю Туркменистан находился на 91-м месте в мире (его доля в мировом ВВП составляла 0,02%). За период с 1996 по 2006 г. экономический рост ВВП составил 13,3% в среднегодовом приросте, и Туркменистан занимал 4-е место в мире по уровню экономического роста.

Туркменистан по своим энергетическим ресурсным запасам входит в пятерку мировых энергетических держав. Среди стран СНГ Туркменистан является единственным государством, которое не имеет внешнего долга.

Туркменистан является индустриально-аграрной страной. В промышленности занято около 40% экономически активного населения, в сельском хозяйстве – 30,8 и сфере услуг – около 30% трудоспособного населения страны.

Институт стратегического планирования и экономического развития Туркмении разработал Национальную стратегию по экономическому возрождению и реформированию на период до 2030 г. Главными ее целями являются определение приоритетных направлений социально-экономического развития страны в условиях углубления интеграционных процессов и глобализации мировой экономики, а также выработка эффективных механизмов по

их реализации. Национальная стратегия состоит из трех блоков: государственного плана социально-экономического развития страны на 2009–2010 гг.; государственной программы социально-экономического развития на 2011–2015 гг.; общей стратегии социально-экономического развития на период до 2030 г.

С целью сглаживания воздействия мирового кризиса на экономику Кабинетом министров Туркменистана в 2009 г. было принято решение о создании Стабилизационного фонда страны, ресурсной базой которого будет служить профицит государственного бюджета. Данный источник финансирования позволит несколько уменьшить влияние топливно-энергетического комплекса, нивелирует воздействие внешних факторов. Средства фонда будут направляться на реализацию важнейших социальных программ и дальнейшее развитие инновационной составляющей. Размещение части активов Стабилизационного фонда в высокодоходных долгосрочных активах предприятий является важным, стратегически продуманным шагом, способствующим формированию своеобразного страхового фонда страны, ориентированного на нужды будущих поколений.

Основной и наиболее важной в структуре промышленности Туркменистана является нефтегазовая отрасль. По данным Государственного концерна «Туркменгеология», в Туркменистане открыто 38 нефтяных, 82 газоконденсатных месторождения, а также 153 газовых месторождения, в том числе 142 месторождения суши и 11 месторождений шельфа.

Туркменистан экспортирует нефть и нефтепродукты почти по всем направлениям. В западном направлении поставки осуществляются через Махачкалу, Новороссийск и Баку–Батуми в страны Черноморско-Средиземноморского бассейна. В юго-восточном направлении поставки осуществляются в Иран, Афганистан, Таджикистан и Киргизстан. Северное направление обеспечивает экспорт через Астрахань–Керчь в Северо-Западную Европу, а южное – через порт Нека (Иран) в Персидский залив и далее в ряд стран Юго-Восточной Азии. Экспортные поставки нефти и нефтепродуктов из Туркменистана осуществляются, в основном, морским путем. На туркменском рынке реализации нефти и нефтепродуктов работают компании «Аргомар Ойл Лтд», «Мидл Ист Петрол Фарм», «Сом Петрол», «Би Пи Ойл Интернэшнл», «Бритиш Петролеум», «Иточу», «Витол», «Петронас» и др.

В 2010 г. объем производства газа в Туркмении увеличился на 16,5%. «Туркменгаз» эксплуатирует газопроводы, обеспечи-

вающие транспортировку газа из восточного и западного регионов Туркменистана через Узбекистан, Казахстан в Российскую Федерацию. Экспорт природного газа из Туркменистана осуществляется по двум направлениям. Северное – через территорию Узбекистана и Казахстана в Российскую Федерацию – обеспечивает система магистральных газопроводов Туркменистан (Дерьялык) – Европа и Туркменистан (Гарабогаз) – Европа. В южном направлении осуществляются поставки в Иран по газопроводу Корпедже (Туркменистан)–Курт-Куи (Иран). В декабре 2009 г. введен в действие газопровод Туркменистан–Узбекистан–Казахстан–Китай, по которому осуществляются поставки крупных объемов туркменского природного газа. В январе 2010 г. введен в эксплуатацию газопровод Иран–Серахс–Хангеран.

По информации Министерства энергетики и промышленности Туркменистана, мощности действующих электростанций позволяют производить около 16 млрд. кВт ч электроэнергии в год. Экспортные поставки электроэнергии в Иран и Турцию осуществляются по линии Балканабат Гонбад (Иран)–Хой-Башкале (Турция). Туркменистан также осуществляет поставки туркменской электроэнергии в Афганистан. Их обеспечивают линии электропередачи 220 кВт Имамназар (Туркменистан)–Андхой (Афганистан)–Шибирган и Серхетабат (Туркменистан)–Тургунди (Афганистан).

Химическая промышленность Туркменистана представлена предприятиями горно-химической, основной химии и нефтехимической промышленности страны. В 2010 г. производство химической продукции в Туркменистане возросло на 15,2% по сравнению с 2009 г. Горно-химическая промышленность развивается на базе местных химических ресурсов: минеральных солей, самородной серы, йода, брома.

Следует отметить, что Туркменистан является единственным государством среди стран Содружества, в котором в рамках реализации социальной программы предусмотрено бесплатное предоставление населению страны газа, электричества и воды. При этом в общей сумме денежных расходов домашних хозяйств в Туркменистане расходы на жилищно-коммунальные услуги составляют лишь 0,1% и являются минимальными в мире.

В 2010 г. Туркменистан демонстрировал одни из самых высоких темпов роста в растениеводстве, которое являлось основой аграрного комплекса страны. Так, объем производства хлопка-сырца увеличился на 33,1% по сравнению с 2009 г., причем дан-

ный результат достигнут благодаря внедрению эффективных методов производства продукции с учетом почвенно-климатических условий. В животноводстве Туркменистана создана Ассоциация акционерных животноводческих обществ, которая реализует инвестиционные программы по развитию животноводческих комплексов и агрофирм до 2012 г.

В 2010 г. объем инвестиций в основной капитал в Туркменистане возрос по сравнению с 2009 г. на 14,1%, причем основу роста обеспечили бюджетные средства, иностранные инвестиции и другие средства. В течение 2009 г. были реализованы мероприятия по активизации геоэкономической составляющей внешней политики Туркменистана. В 2009 г. торговыми партнерами Туркменистана являлись 104 страны мира, в то время как в 2008 г. лишь 96 государств. При этом первые четыре места в общем объеме внешнеторгового оборота Туркменистана занимали Россия (30,3%), Иран (18,7%), Турция (12,4%) и Китай (9%).

По данным Государственного комитета по статистике Туркменистана, в 2010 г. внешнеторговый оборот Туркменистана составил 17,9 млрд. долл. США, сократившись на 2,4% по сравнению с предыдущим годом. При этом экспорт Туркменистана увеличился на 3,8% и составил 9,7 млрд. долл. США, импорт сократился на 8,8% и составил 8,2 млрд. долл. США. В 2010 г. торговля осуществлялась со 106 странами мира. Россия, ранее занимавшая первое место среди крупнейших торговых партнеров Туркменистана, переместилась на второе, уступив первенство Ирану. Доля Ирана в товарообороте страны в 2010 г. составила 21,7%, Российской Федерации – 18, Турции – 16,3, Китая – 10,7%.

В 2010 г. объем российско-туркменской торговли сократился на 12,7% по сравнению с 2009 г., что обусловлено сокращением российского экспорта на 23,5%, прежде всего, по основным экспортным группам. Так, объем поставок металлов и изделий из них уменьшился на 53,4%, машин, оборудования и транспортных средств – на 28,6%. В общем объеме российского экспорта товарные группы составляют около 60%. В то же время импорт из Туркменистана вырос по сравнению с 2009 г. в 3,3 раза, в первую очередь за счет увеличения поставок продукции химической промышленности в 4,5 раза, текстиля, изделий из него в 2 раза, что в сумме составило 81,4% от объема туркменского импорта в Россию.

По данным туркменской стороны, в настоящее время в Туркменистане осуществляют деятельность 138 субъектов экономической деятельности с участием российского капитала, совместно российскими и туркменскими специалистами реализуется свыше 120 проектов в различных секторах экономики Туркменистана. В настоящее время крупнейшим российско-туркменским инвестиционным проектом является разработка блока № 21 нефтяного месторождения туркменского сектора Каспийского моря, по которому Договор о разделе продукции был подписан 13 сентября 2009 г. между ОАО «НГК ИТЕРА» и Государственным агентством по управлению и использованию углеводородных ресурсов при Президенте Туркменистана. Для реализации этого проекта компания «НГК ИТЕРА» привлекает к сотрудничеству в качестве партнера российскую компанию «Зарубежнефть».

Важно отметить, что в Туркменистане сформирована национальная внешнеэкономическая политика и создана организационно-институциональная основа внешнеэкономических связей. Целевые задачи внешнеторговой политики Туркменистана определены в Национальной программе «Стратегия экономического, политического и культурного развития Туркменистана на период до 2020 г.». При этом конечной целью является значительное повышение уровня жизни и вхождение Туркменистана в число экономически развитых стран мира с высоким показателем индекса человеческого развития. В стратегии экономического развития Туркменистана первостепенное значение придается развитию внешней торговли. В октябре 2010 г. был принят новый Таможенный кодекс Туркменистана. Создавая благоприятные условия для взаимной торговли, Туркменистан заключил соглашения в области торгово-экономических отношений с 27 государствами. На долю этих стран пришлось около 85% от общего объема внешнеторгового оборота.

Вся ввозимая в Туркменистан и экспортируемая продукция подлежит обязательной сертификации. Сертификация проводится органами Госстандарта Туркменистана.

В мировом сообществе Туркменистан – первое в мире государство, обладающее признанным ООН нейтралитетом. Политика нейтралитета Туркменистана позволяет последовательно и целенаправленно претворять в жизнь крупномасштабные реформы в нефтегазовой, транспортной, строительной, химической, энергетической, сельскохозяйственной и других отраслях экономики, а также в социальной сфере.

В заключение необходимо отметить, что национальная экономика Туркменистана динамично развивается на протяжении всех 20 лет с момента создания Содружества Независимых государств. Однако в 2010 г. под воздействием глобального экономического кризиса произошло снижение внешнеторгового оборота и экспорта страны, причем главным образом в результате сокращения объемов торговли с государствами – участниками СНГ. В 2011 г. со стороны Туркменистана предпринимаются конкретные шаги по исправлению данной ситуации, что будет способствовать расширению геоэкономического партнерства со странами Содружества.

*«Перспективы развития экономического потенциала
Содружества Независимых Государств»,
М., 2011 г., с. 242–250.*

Виктор Коргун,
доктор исторических наук (ИБ РАН)
**АФГАНСКИЙ КОНФЛИКТ
И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ**

Центрально-Азиатский регион связан с Афганистаном географически, этнически, исторически, политически и экономически. На протяжении последней четверти века после советского вторжения в Афганистан в 1979 г. политические судьбы центральноазиатских государств и этой страны были в определенной степени взаимосвязаны и взаимозависимы.

В настоящее время Афганистан стоит в одном ряду среди многочисленных факторов, угрожающих устойчивому развитию стран Центрально-Азиатского региона. Существующая военно-политическая обстановка в государстве говорит о том, что конфликт все еще далек от своего окончательного разрешения и по-прежнему продолжает вызывать напряженность в регионе, представляя реальную угрозу стабильности и безопасности для Центральной Азии и всего мирового сообщества. События в Афганистане оказывают серьезное влияние и на региональную систему международных отношений. До распада Союза республики Центральной Азии не имели самостоятельного курса внешней политики, в том числе в отношении Афганистана. Она сводилась лишь к культурным контактам и небольшому объему экономического сотрудничества.

После обретения независимости в 1991 г. страны Центральной Азии выработали собственный курс внешней политики. На первом этапе (1991–1996), после падения просоветского режима президента Наджибуллы в Афганистане и захвата власти моджахедами, последние проводили политику самоизоляции от афганских событий. В первой половине 90-х годов были открыты лишь консульства Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана на севере страны, в г. Мазари-Шарифе. Приход к власти талибов в 1996 г. вынудил страны Центральной Азии определить новый курс в отношении Афганистана. 4 октября в Алма-Ате состоялось совещание лидеров центральноазиатских стран СНГ (кроме Туркменистана), от России участвовал премьер-министр В. Черномырдин. Участники саммита осудили деятельность движения «Талибан» и приняли решение официально не признавать экстремистский режим.

Однако изоляция в условиях военных побед талибов постепенно сменилась на попытки установления контактов с их режимом. Особую позицию занял Туркменистан, проводивший политику нейтралитета в условиях военного противостояния между талибами и антиталибским Северным альянсом. В стремлении найти мирный путь решения конфликта в 1998 г. была создана группа «6+2» – соседи Афганистана плюс Россия и США под эгидой представителя Генерального секретаря ООН Лахдара Брахими, которая пыталась выступить в качестве посредника между противоборствующими сторонами. Однако неоднократные попытки усадить за стол переговоров обе стороны не увенчались успехом.

В конце 1990-х годов возникла неформальная коалиция региональных государств – России, Ирана, Узбекистана, Таджикистана и Индии, которые выступили в поддержку Северного альянса во главе с его лидером, легендарным героем Афганистана Ахмадом Шахом Масудом. Альянсу оказывалась материальная, политическая и военная помощь. После поражения режима талибов в 2001 г. в регионе сложилась новая ситуация. Страны Центральной Азии стали устанавливать дипломатические отношения с новым Афганистаном во главе с президентом Х. Карзаем. Началось многостороннее сотрудничество между ними, в первую очередь в области поставки энергоресурсов (нефтепродуктов и электроэнергии) в Афганистан.

Между тем события в Афганистане серьезно влияют на политические процессы в Центральной Азии. В целом можно выделить четыре основные сферы этого негативного влияния:

- 1) политическая нестабильность (исламский экстремизм и терроризм);
- 2) наркотрафик;
- 3) коррупция;
- 4) внешние (внерегиональные) факторы.

Основную угрозу безопасности Центральной Азии по-прежнему составляет продолжающийся вооруженный конфликт в Афганистане. Запад, представленный в Афганистане силами международной антитеррористической коалиции, все больше начинает осознавать, что военный путь ликвидации исламского экстремизма и терроризма в регионе ведет в тупик. К тому же, как показывает динамика развития событий в Афганистане, связанных с борьбой против талибов и их союзников, планируемое увеличение численности американских войск за счет выводимых из Ирака 20–30 тыс. человек вряд ли сможет радикально изменить военно-политическую ситуацию в стране, а лишь вызовет новый всплеск активности противников режима Х. Карзая и его западных союзников.

В своей борьбе против режима Х. Карзая афганские талибы активно сотрудничают с близкими по духу исламскими радикальными группировками и организациями, в частности с «Аль-Каидой», Исламской партией Афганистана во главе с Г. Хекматъяром, радикальной исламской группировкой Дж. Хаккани. Они также тесно сотрудничают с Исламским движением Узбекистана (ИДУ). Контакты между ними были установлены еще в конце 1990-х годов. Бывший лидер ИДУ Джума Намангани в 1998–2000 гг. занимал пост заместителя главнокомандующего войсками талибов и руководил военными операциями талибов на севере Афганистана. В 2001 г. он был убит во время боевых действий. Немалое число боевиков ИДУ во главе со своим духовным и военным руководителем Тахиром Юлдашем и сейчас воюют в рядах талибов и «Аль-Каиды».

В то же время афганские талибы не несут прямой военной угрозы странам Центральной Азии. Тем более что их союзник – ИДУ загнан в глубокое подполье и в значительной степени маргинализован. Однако остается опасность распространения идущей от афганских экстремистов идеологии исламского фундаментализма, или, если говорить более корректно, «джихадизма». Тем более что для этого в регионе есть благоприятные условия. Особенно опасным в этом отношении остается Ферганская долина, где накоплен крупный потенциал социального, замешанного на религиозной почве массового недовольства.

Трансграничная связь между талибами, «Аль-Каидой» и «джихадистами» Центральной Азии подпитывается афганским наркотрафиком. Многолетняя и многосторонняя борьба против производства и распространения наркотиков в Афганистане пока не приносит должных результатов. Год от года производство опиатов в Афганистане продолжает возрастать и в настоящее время составляет более 90% всего героина, потребляемого в мире. Более того, в последние годы при рекордных урожаях его предложение на мировых рынках превысило спрос, который составляет 4 тыс. т. При этом в производстве наркотиков в Афганистане занято 3,3 млн. человек, или 14,3% населения. Стоимость нелегального наркоэкспорта достигает 3,4 млрд. долл., что составляет треть афганского валового продукта (11,5 млрд. долл.) .

Почти весь объем производимого наркопродукта нелегально переправляется тремя основными потоками за рубеж – в Иран и далее в Европу (34%); в Пакистан и далее в Индию и Европу (около 40%); в Центральную Азию и далее в Россию и Европу (21%). В итоге Россия оказывается самой крупной мишенью афганских наркотиков – их потребляют более 3 млн. человек. В странах Западной Европы от 90 до 95% потребляемого героина – также афганского происхождения.

Судя по всему, территория Центральной Азии входит в зону контроля именно афганской наркомафии, которая действует, естественно, в тесном сотрудничестве с местными наркогруппировками. Подавляющая часть наркотиков, отправляемых афганскими наркодельцами по «Северному маршруту», в первую очередь проходит через территорию Таджикистана. Оттуда наркотики продолжают свой путь в Киргизстан. Сначала они в основном поступают в Ош, куда их доставляют по Хорогской дороге. Далее наркотики попадают в Бишкек, откуда воздушным транспортом или по железной дороге через Казахстан переправляются на территорию России. При этом, естественно, некоторая их часть остается в центральноазиатских республиках.

Главная опасность афганского наркобизнеса заключается в том, что наркомафия не заинтересована в региональной стабильности. Громадные прибыли, получаемые от наркотиков, идут на поддержку сил, оказывающих разрушительное воздействие на государство региона, а также за его пределами. Наркотики разлагают как общество, ломая традиционную шкалу духовно-нравственных ценностей и моральных норм, так и государственную систему, повышая уровень коррумпированности и криминализации власти.

Кроме того, наркоденьги всегда будут питать различного рода радикальные и террористические организации.

Как показывают события в Афганистане, наркобизнес тесно срощивается с подрывной деятельностью талибов и других противников кабульского режима. Талибы активно содействуют развитию наркопроизводства в Афганистане, снабжают афганских крестьян деньгами и семенами, обеспечивают их безопасность от произвола местных органов власти. Афганские наркотики – один из основных финансовых источников антиправительственной деятельности в Афганистане. По данным НАТО, от 40 до 60% доходов талибов образуется за счет наркотиков. Однако наркодилеры считают эту цифру заниженной. Талибы облагают крестьян-наркопроизводителей налогом (10% урожая). В свою очередь, наркобароны снабжают экстремистов оружием, деньгами и рекрутами в обмен на защиту наркомаршрутов, опийных плантаций и членов своих группировок. В итоге наркобароны и их криминальный бизнес процветают в обстановке отсутствия безопасности и устойчивого государственного управления в районах повышенной активности талибов. Наконец, многие представители местных и центральных органов власти связаны с наркотрафиком и получают от участия в нем немалые дивиденды. Наркокоррупция особенно пышно процветает среди государственных чиновников провинциального и окружного уровня.

Коррупция в Афганистане, принявшая в последние годы тотальный характер, подпитывается деятельностью криминальных структур, а также группировок, так или иначе связанных с талибами. Особенно коррумпированы правоохранные органы, в первую очередь внутренних дел. Так, должность начальника полиции наркопроизводящей провинции оценивается в Афганистане в 150 тыс. долл. Зачастую полицейские чины не только «крышуют» наркобизнес, но и прямо участвуют в нем.

Интересную цепочку коррупции на разных уровнях социальной и политической иерархии выстраивают американские исследователи Барнетт Рубин и Джейк Шейман в своем докладе о борьбе с наркотиками в Афганистане: «Приходящие в деревню мелкие купцы должны платить полиции или бандитам по пути в деревню. Полицейский, в свою очередь, “отстегивает” часть своему начальнику. Полицейский начальник платит уже в Министерство внутренних дел. Если он хочет занять пост начальника полиции уезда в наркопроизводящей провинции, он должен платить депутату парламента или другому влиятельному лицу, с тем чтобы

его представили нужному чиновнику в Кабуле. Этот чиновник должен соответственно дать взятку (“политический взнос”) за получение поста, на котором он может делать такие большие деньги. Чтобы иметь нарколабораторию, где опиум перерабатывается в героин, необходимо платить тому, кто контролирует местную территорию, – чаще всего влиятельному местному авторитету или правительственному чиновнику или талибам. Для того чтобы везти в Афганистан прекурсоры (химикаты для производства героина. – *В.К.*), необходимо платить пограничникам, зачастую с обеих сторон, или группе вооруженных людей для прикрытия перехода через границу. Контрабанда наркотиков требует доступа к аэродрому или к пограничному пункту, которые контролируются соответственно национальной авиакомпанией “Ариана” и пограничниками. Те и другие имеют немалый доход от контрабанды наркотиков. Сопровождение через границу, а также услуги дорогостоящего специалиста по упаковке героина в тару, используемую для легального экспорта, тоже стоят немалых денег. Наконец, высокие чины в бюрократических, военных, политических и общественных структурах, вовлеченные в наркобизнес, тоже претендуют на свою долю в конечном распределении прибылей, хотя чем выше поднимаются деньги, тем менее очевидной становится их связь с источниками наркобизнеса».

Наконец, в Афганистане мы наблюдаем тенденцию слияния наркобизнеса, коррупции и политического экстремизма. Наглядным примером тесного взаимодействия коррумпированного чиновничества, вовлеченного в наркобизнес, с талибами может служить активное функционирование крупного (по масштабам сделок) рынка оружия на таджикско-афганской границе. Он расположен на одном из островов пограничной реки Пяндж. Здесь практически легально происходит обмен оружия на наркотики. Подступы к рынку и, соответственно, безопасность проведения торговых операций охраняются полицейскими с обеих сторон. Их действия прикрываются соответствующими властными структурами обоих государств. Оружие поставляется на рынок российскими мафиозными группировками, а героин поступает из южных провинций Афганистана, чаще всего из провинции Гильменд, производящей около 40% всех афганских наркотиков. Обменом наркотиков на оружие занимаются афганские наркодилеры, которые делятся доходом с местной полицией и чиновниками. На продажу предлагаются снайперские винтовки, автоматы Калашникова, гранатометы и боеприпасы. Приобретенное на рынке оружие далее

перепродается талибам на юге. 1 кг героина первого сорта стоит здесь, на границе, 600 фунтов стерлингов, автомат АК-47 – 50 фунтов стерлингов. На севере Афганистана автомат оценивается уже в 100 фунтов стерлингов, на юге и востоке же, где в условиях происходящих там боевых действий на оружие самый большой спрос, цена серьезно возрастает.

Так наркобизнес, процветающий в коррумпированной среде, подпитывает терроризм, выплескиваясь за пределы Афганистана и коррумпируя государственные и иные структуры на территории сопредельных стран, в первую очередь Центрально-Азиатского региона.

Наконец, еще одним каналом влияния афганского конфликта на безопасность и ситуацию в целом в Центральной Азии является внешний, или внерегиональный, фактор. Речь идет о военном присутствии США и НАТО как в самом Афганистане, так и в странах Центральной Азии. Пребывание иностранных войск в Афганистане имеет для стран региона неоднозначный эффект. США и НАТО в соответствии с объявленными ими целями ведут вооруженную борьбу против исламских экстремистов и террористов в лице талибов и боевиков «Аль-Каиды» и оказывают помощь в восстановлении экономики Афганистана. С этой точки зрения действия НАТО находят поддержку со стороны политического руководства России.

Однако затянувшееся военное присутствие Альянса в Афганистане не привело к ликвидации исламского экстремизма и терроризма в стране. Более того, по мере дальнейшего наращивания численности иностранных войск в Афганистане растут масштабы вооруженной борьбы талибов против правительства Х. Карзая и его западных союзников. В результате боевых действий увеличивается число жертв среди мирного населения. Таким образом, пребывание войск НАТО не стало стабилизирующим фактором в Афганистане. В то же время США, помимо официально продекларированных целей в стране, действуют в собственных интересах – геополитических, экономических, военно-стратегических. Вашингтон создал на афганской территории сеть военных баз, которые предполагается использовать в качестве плацдарма для сдерживания Ирана, России и Китая. Подписав в 2005 г. Соглашение о стратегическом партнерстве с Афганистаном, США стремятся закрепить эти базы за собой на постоянной основе.

Более того, после терактов 11 сентября 2001 г. США удалось закрепиться непосредственно в странах Центральной Азии. Полу-

чив негласное «добро» от Москвы, заявившей о своей поддержке международной антитеррористической коалиции в Афганистане, Вашингтон разместил свои силы для тылового обеспечения военных операций Пентагона на военных базах в Узбекистане, Таджикистане и Киргизстане. Однако наряду с реализацией объявленной цели США преследуют и иные задачи в рамках «защиты национальных интересов» – обеспечить американскому бизнесу доступ к топливно-энергетическим ресурсам Центральной Азии, создать ситуацию «защиты энергетических интересов» американских нефтяных корпораций в Каспийском регионе, открыть рынки Центральной Азии для американских инвестиций, товаров и услуг, стимулировать структурные экономические реформы.

Вашингтон, закрепившись экономически в Центральной Азии, пытается также оказывать непосредственное влияние на характер внутреннего развития государств региона и направлять его в нужное русло. Результатом его активности, по существу вмешательства в их внутренние дела, стало провоцирование «тюльпановой революции» в Киргизстане в 2005 г. Известна и роль США в событиях в Анджане в 2005 г. Попытка Вашингтона инициировать международное расследование этих событий в стремлении оказать давление на правительство Узбекистана привела к резкому обострению американо-узбекских отношений. В итоге Ташкент отказал США в праве пребывания их войск на военной базе Карши-Ханабад, соответствующая реакция последовала и со стороны ШОС, на своем саммите 2005 г. потребовавшей от США и других членов НАТО определить конечные сроки их военного присутствия на базах Центральной Азии.

Политика США направлена также на ослабление, а в перспективе и вытеснение России из Центральной Азии и занятие ключевых геополитических позиций, обеспечивающих полный контроль над доступом к основным мировым запасам углеводородного сырья, а также дальнейшую изоляцию России. Однако Москва в последнее время усилила свои позиции в регионе как на основе двусторонних отношений с региональными государствами, так и в рамках региональных организаций – ОДКБ и ШОС. Обеспечивая таким характером развития событий, Вашингтон выдвинул новую международную инициативу. Речь идет о проекте «Большая Центральная Азия», представленном в 2006 г. Институтом по изучению Центральной Азии и Кавказа Университета им. Дж. Гопкинса в Вашингтоне. Главная цель проекта – связать в единое военно-стратегическое и геополитическое целое Центральную

Азию и Афганистан, а затем объединить Большую Центральную Азию с так называемым «Большим Ближним Востоком», с передачей в будущем Западу функции контроля. Целями проекта являются также обособление этого расширенного региона и его вывод из-под влияния других великих держав – России и Китая. При этом, по замыслу авторов проекта, в качестве одного из основных инструментов осуществления указанной американской стратегии должна выступить НАТО. Как они полагают, этот проект призван способствовать тому, чтобы Афганистан и регион в целом превратились в безопасную зону суверенных государств, развивающихся в русле эффективной рыночной экономики, базирующихся на светских и открытых системах государственного управления и поддерживающих позитивные отношения с Вашингтоном.

Однако по прошествии нескольких лет разработки этого проекта становится ясно, что идея создания Большой Центральной Азии, являясь составной частью американской внешнеполитической концепции, призвана стать новой геополитической и геостратегической реальностью. Авторы проекта планируют поставить Афганистан со всеми его угрозами и проблемами в центр нового географического образования и через него влиять на процессы политического, экономического и военного развития всего региона. Здесь совершенно явно прослеживаются долгосрочные стратегические интересы США по созданию некоей искусственной структуры, которая может стать препятствием на пути расширения сотрудничества региональных государств с Россией и Китаем. И опять же в этом проекте просматриваются довольно прозрачные контуры стремления США установить контроль над добычей и транспортировкой углеводородов из Центральной Азии.

Так, появившись в 2001 г. в Афганистане в качестве «освободителя», «миротворца» и «поборника демократии», США превратились в крупнейшего внешнеполитического игрока в регионе, претендующего на доминирующие позиции и стремящегося навязать народам Центральной Азии устраивающую Вашингтон модель общественного развития.

*«Российско-турецкий диалог по проблемам Центральной Азии и Кавказа: История и современность»,
М., 2010 г., с. 239–248.*

В. Аватков, А. Солодовникова,
политологи (МГИМО(У) МИД России)
СЦЕНАРИИ И ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ

Российско-турецкие отношения развиваются необычайно динамично. Причин для этого много; среди основных, бесспорно, следует выделить экономику, трансформацию роли стран в мире, международные отношения в целом и теплые отношения между лидерами государств. Однако если заглянуть глубже и попытаться разобраться в силах, потенциалах и реальных интересах сторон, а также, что немаловажно, во внутренней политике стран, то можно нащупать не только лежащие на поверхности реалии современности, но и тренды, возможные сценарии развития российско-турецких отношений.

Прежде всего необходимо выделить основные события, которые влияют на турецкую политику в последние годы. Это и приход в начале тысячелетия к власти умеренно исламской Партии справедливости и развития, и отмена выборов президента в ВНСТ с переходом права выбора к народу, и активно пропагандируемые властью судебные дела против военных (игравших на протяжении истории важнейшую роль в формировании политики Турции), и, бесспорно, референдум, прошедший 12 сентября 2010 г., по итогам которого были внесены изменения в текст Конституции Турецкой Республики и произошла трансформация судебной системы. В своем стремлении соответствовать всем современным нормам демократического государства турки оставили в стороне лаицизм – один из главных трендов, заданных еще Мустафой Кемалем Ататюрком.

В целом турецкий народ, проголосовав на референдуме за изменения в Конституции, тем самым выступил и за политическую линию Партии справедливости и развития: медленную исламизацию страны, сохранение европейского вектора развития, но укрепление роли регионального лидера, одного из полюсов современных международных отношений.

Иными словами, сегодня России все больше приходится сталкиваться не со стоящей с протянутой рукой у дверей ЕС Турцией, не с младшим партнером США на Ближнем Востоке в рамках НАТО, а с каждым днем укрепляющейся державой, амбиции которой не ограничиваются постсоветскими странами, а пространствами Африки и Америки. Референдум же в этом контексте стал

не просто вехой во внутренней политике Турции, он явился поворотным пунктом и в ее внешней политике, привел к окончательной «ПСРизации» всей политики страны. Каковы же сценарии развития Турецкой Республики в краткосрочной и среднесрочной перспективах? Как изменения турецкой политики могут повлиять на российско-турецкие отношения? Как России повернуть происходящие процессы в свою пользу?

Современные государства прочно стоят на двух китах: экономике и вооруженных силах. ВВП Турции последовательно растет, а подведенные итоги за 2010 г. показывают, что страна выходит на второе место в мире по темпам экономического развития (первое у Китая). В целом Турция входит в двадцатку государств с крупнейшим ВВП, занимая центральные позиции во второй десятке в течение последних четырех лет. Стоит отметить и стабильность турецкой экономики: она практически не пострадала от кризиса 2008–2009 гг. Российская экономика сегодня так же конкурентоспособна в мире, как и турецкая. Импорт и экспорт РФ растут быстрее турецких. Российское производство, бесспорно, меньше пострадало от мирового финансового кризиса, чем турецкое. В то же время нельзя не отметить, что при хороших показателях роста уровень производства в нашей стране низок, что не является достоинством великой державы.

ПСР пришла к власти после экономического кризиса 2001 г., когда падение ВВП Турции составляло 10%. Правительство провело ряд активных и последовательных преобразований, которые привели экономику Турции к нынешнему стабильному состоянию. Основываясь на опыте, полученном в начале 2000-х годов, правительство Эрдогана «подстелило себе соломки», создав крепкую банковскую систему, которая настолько самостоятельна, что не нуждается в помощи МВФ.

Помимо анализа экономических показателей необходимо учитывать, что в случае осложнения международной обстановки и роста конфликтности государство может на основе административно-организационного ресурса резко перестроить всю структуру экономики и политики. И в этом случае важно, какие существуют для этого материальные потенциалы: военные базы, наличие природных и иных материальных ресурсов, собственного производства военной техники, грамотно разработанная система мобилизации. К сожалению, сегодня реформа армии в России приводит к резкому сокращению численности ВС (к 2012 г. численность офицерского состава сократится до 150 тыс.), уничтожению многих

грамотных наработок, целых школ, создававшихся на протяжении всего XX в. Из интеллектуальной и твердой силы Российская армия превращается в слабо управляемую массу. При этом руководство страны говорит о модернизации Вооруженных сил. В рамках реформы закрываются институты, как учебные, так и научные. А потом министр Сердюков удивляется, почему ракеты не летают, и заказывает вертолеты «Мистраль» во Франции вместо разработок собственных.

Турция же за 1990-е и 2000-е годы лишь наращивала численность ВС, улучшала качество подготовки кадров. Она поднимала на новый уровень экономическое положение военнослужащих, увеличивала финансирование научно-исследовательских проектов, закупала все новейшие виды вооружений, аккуратно расходовала каждую копейку своего бюджета.

Экономические и военные силы России и Турции вкратце описаны выше. Потенциал же можно рассчитать лишь весьма условно, так как в него включаются не только возможности развития, но и способности влияния, которые часто связаны с харизмой силы – субъективными представлениями о распределении сил в международных отношениях. В этой связи необходимо отметить, что в последнее время растет влияние Турции на международной арене, что можно заметить при анализе практически всех событий в мире за год: от арабо-израильского конфликта до переговоров с Ираном. Тогда как о России такого не скажешь – она продолжает медленно плыть по течению, общая пассионарность государства падает.

Важно также выявить тенденции изменения внешнеполитических интересов Турции и России за последние 20 лет, и в частности, после референдума. Важнейшим партнером Турции в последние годы стал Ближний Восток. Так, к концу 2010 г. объемы торговли с Ираном достигли 14 млрд. долл. Этот показатель постоянно растет (за следующие четыре года планируется его рост в 1,8 раза). Для сравнения: объем торговли Турецкой Республики со странами ЕС составляет 91,4 млрд. евро. Рост экономической связи с Ближним Востоком подкрепляется и идеологически. Так, по данным проведенного авторами социального опроса, азиатской страной Турцию считает 31% опрошенных в возрасте от 30 до 58 лет, тогда как только 9% опрошенных в возрасте до 30 называют ее таковой. Большинство молодых людей остановило свой выбор на следующем ответе: «Турция – мост между Востоком и Западом». В то же время нельзя не отметить и тот факт, что общее

число людей, поддерживающих евроинтеграцию, в Турции резко снижается в последние годы, граждане делают акцент на евразийском характере республики, на необходимости диверсифицировать внешнюю политику, развернуться лицом к своим мусульманским братьям. Иными словами, налицо тенденция – турки устали от попыток вступить в ЕС. Данный факт должен учитываться руководством России, особенно в контексте возможного дрейфа Турции в сторону азиатских держав.

Нельзя не отметить, что основные внешнеполитические интересы Турции, начиная с момента распада СССР, направлены на распространение ее влияния на Кавказ, Центральную Азию и тюркские регионы России, усиление экономических (прежде всего энергетических) связей с РФ, развитие сотрудничества с ЕС (и в частности, создание Таможенного союза), сохранение тесных партнерских связей с США и прозападной ориентации в целом.

Постепенно, в особенности после прихода ПСР к власти, Турецкая Республика изменяет свою внешнеполитическую стратегию и тактику: укрепляет свои вооруженные силы, повышает степень независимости от США (во время иракской кампании она не позволила Штатам использовать базы на своей территории для бомбардировок Ирака, не пропустила американские корабли в Черное море, когда произошли военные действия в Южной Осетии и Абхазии в 2008 г. и т.д.), более трезво оценивает свои возможности вступления в ЕС, расширяет контакты с государствами-соседями, укрепляет позиции на Ближнем Востоке, в Африке, Южной Америке, на Балканах, в Крыму, Центральной Азии и на Кавказе. Референдум, ставший ярким выражением современной политики правящей ПСР, показал, что турецкие правящие круги и дальше намерены ограничивать роль военных, расширять контакты с западным миром при росте взаимодействия с Востоком. Иными словами, сегодня Турцию потянуло к корням – к исламской евроазиатской империи.

Стоит разобраться в характере возможных последствий референдума, прошедшего в Турции в сентябре 2010 г. После распада СССР Россия в рамках политики министра иностранных дел Козырева всю свою внешнюю политику сориентировала вокруг западных стран, с восточными же резко снизила уровень взаимодействия. Во многом политики России и Турции сходились в своем устремлении стать частью западного мира при игнорировании интересов населения большей части своей территории. С приходом к власти Путина Россия начинает вести более взвешенную по-

литику в отношении государств СНГ и Востока. То же самое происходит и в Турции после победы ПСР на выборах в 2002 г.

Таким образом, тренды развития РФ и Турецкой Республики в последние годы демонстрируют поразительное сходство, происходит – как бы хорошо или плохо это ни было – экономизация российско-турецких отношений, активным образом развивается и взаимодействие между державами практически во всех сферах – от туризма до энергетики.

В то же время с расширением поля взаимодействия в целом Россия стремится сохранить имевшийся еще при Союзе статус-кво на Кавказе и в Центральной Азии. Она не поддерживает турецкие инициативы, среди которых, например, так называемая «Кавказская платформа», и не выдвигает свои. Тогда как с Китаем, как известно, российская сторона уже начала сотрудничество в Центральной Азии в рамках ШОС. Учитывая неокрепшую российскую экономику, возможно, данная концепция «отложить сложные вопросы на потом» и верна, но нельзя не учитывать, что турки всю действуют, пока мы выжидаем.

После распада СССР в рамках своей продуманной внешнеполитической линии Турция стала проникать в Центральную Азию и Закавказье сразу на нескольких направлениях – на политическом, идеологическом и экономическом. При этом турецкое руководство использовало как возможности госаппарата, так и активно подключало потенциал частного турецкого бизнеса, а также возможности различных общественных, религиозных и политических организаций.

Турция создала целый ряд организаций на пространстве тюркских республик бывшего Союза, она осуществляла финансирование и укрепляла необходимую идеологическую базу для дальнейшей интервенции, понимая необходимость инвестирования в образование для получения впоследствии подчиненной местной элиты, способной осуществлять роль лобби. Все курултаи (съезды), саммиты тюркских народов, деятельность ТИКА (Агентство по тюркскому сотрудничеству и развитию), TÜRKSOY и других организаций направлены на укрепление влияния Турции, а вовсе, как бы горько ни звучало это для наших тюркских друзей, не на развитие культурных связей с «родственными» народами. Опасным для России является тот факт, что совсем недавно – в октябре 2009 г. – на IX Саммите глав тюркских государств было принято решение о создании интеграционной институциональной структуры тюркских государств – Совета сотрудничества тюркских госу-

дарств (Тюркского совета) и подписан учредительный договор новой организации. Штаб-квартира Тюркского совета будет располагаться в Стамбуле. После церемонии подписания договора о создании Тюркского совета А. Гюль заявил, что это событие носит исторический характер, поскольку впервые появилась подобная институциональная структура, объединяющая тюркский мир.

Очевидно, что официальная Анкара рассчитывает не только на экономические и политические дивиденды от развития интеграционных процессов в тюркском мире, но также надеется, что участие в общих структурах будет способствовать укреплению связей между тюркскими государствами и усилению чувства тюркской идентичности. Руководство Турции все время акцентирует духовное единство тюрков. Примечательно, что, даже говоря об основных направлениях внешней политики Турецкой Республики, президент Гюль подчеркнул, что в ее основе лежат традиционные ценности тюркизма, присущие всему тюркскому миру, такие как терпимость, добрососедство и взаимное уважение.

В этом контексте нельзя не учитывать скрытые мотивы, во многом определяющие реальное поведение турецких властей. Их концентрированно выразил министр Турции по связям с тюркоязычными республиками СНГ А. Чей. Он заявил, что «Турецкая Республика – преемница великой Османской империи» и должна создать союзное объединение с Азербайджаном, Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией и Туркменистаном даже ценой резкой конфронтации с Россией.

Сегодня одним из наиболее острых вопросов в Турции является совместимость политики и религии. В турецкой политической элите все чаще появляются люди, состоящие в различных исламских организациях. Турецкое правительство реализовывало и реализует программы в области религиозного обучения. Стараясь поднять религиозное самосознание студентов и школьников, турецкие власти выделяют большие средства на строительство и восстановление мечетей и организацию при них религиозных школ. В сфере исламского образования и воспитания наиболее активно выступают религиозная секта суфийского толка «Нурджулар» и ее глава Фетхуллах Гюлен. Только на Северном Кавказе свободно функционируют порядка 30, а в странах СНГ – более 200 лицеев, связанных с «Нурджулар». Организации исламского толка намеренно внедрялись и внедряются на территорию бывшего Советского Союза. У них существуют свои фонды и печатные

издания. Газета «Заман» – яркий пример издания умеренно исламского толка.

Одно время турецкое правительство в принудительном порядке отправляло в Центральную Азию специально отобранных людей из состава Министерства по делам религии (Diyanet İşleri Başkanlığı). Целью их деятельности явилось распространение «современного, прогрессивного ислама». Фетхуллах Гюлен так охарактеризовал главную задачу «своих» школ: «Наши школы являются миссионерскими, как другие миссионерские школы европейцев и американцев. Наша цель – выполнять миссионерскую деятельность и подготовить подходящие условия для создания турецкого лобби, обучать госслужащих». Недавно на совещании МИД Турции было отмечено, что школы Ф. Гюлена в странах Центральной Азии и Азербайджана играют позитивную роль. В то же время Совет национальной безопасности Турции воспринимает его деятельность как вызов секулярному режиму страны. Сегодня Гюлен не появляется в Турции, находится преимущественно в США. Почетная ссылка не мешает ему публиковаться в известнейших мировых журналах, распространять свое влияние, прикрывать свой американизированный ислам близкими русскому этносу идеями терпимости и братства.

В то же время о влиянии «внешнего фактора» на южные регионы России в последнее время заговорили на самом высоком уровне, причем – открыто. Примечательно заявление Д.А. Медведева, которое он сделал 22 февраля 2011 г. на заседании Национального антитеррористического комитета во Владикавказе. После речи А.Г. Хлопонина, во время которой последний говорил о том, как жители Кабардино-Балкарии оценивают происходящее (в том числе в контексте «американо-турецкого заговора»), президент, в частности, отметил: «Если говорить прямо, те определения, которые вы перечислили, они все имеют право на существование, как это ни печально, в том числе определение, извините, с иностранным элементом. Я не буду упоминать никакие страны, но целый ряд государств, с которыми у нас есть даже дружеские отношения, тем не менее вполне сопричастен к террору, который существует на Кавказе. И то, что люди это так видят, это не заблуждение, а это скорее одна из граней того, что сегодня у нас здесь есть».

России необходимо как можно быстрее активизировать свою деятельность в области образования, причем не только на пространстве СНГ, но и за рубежом, и прежде всего в Турции, где проживает большое количество наших экс-сограждан, способных

оказать помощь Российскому государству в сфере защиты российских интересов.

Возвращаясь к итогам референдума, стоит отметить, какие существуют на данном этапе общие сценарии развития внутриполитической обстановки в Турции и как это может повлиять на российско-турецкие отношения. Итак, два основных сценария. Один из них условно назван «Дальнейшая исламизация», другой – «Снижение роли ислама в политике».

Дальнейшая исламизация предполагает два наиболее явных сценария: сохранение у власти ПСР (или подобной ей партии) и приход к власти радикальной исламской партии. Первый вариант наиболее реалистичен. Он приведет к дальнейшему проведению курса на ползучую исламизацию политики и жизни турецкого общества в целом, к снижению роли военных (особо спорные поправки в Конституцию касаются снижения значения военных и гражданских судов), расширению контактов со странами СНГ, укреплению роли регионального лидера. В контексте нового витка мирового финансового кризиса – беспорядков в арабских странах, на Манежной площади – нельзя не учитывать и факт возможности прихода к власти радикальной исламской партии /организации в Турции. Конечно, вероятность мала, но различные акторы могут попытаться осуществить данный проект ради достижения своих целей. При таком развитии событий – самом нежелательном для РФ – произойдет возможное резкое изменение всех основ Турецкой Республики и отказ от вступления в ЕС, конфронтация и с НАТО, и с Россией.

Еще одним возможным сценарием является снижение роли ислама в политике. Здесь мы можем рассматривать также только два основных варианта: приход к власти неисламистской партии и военный переворот. Однако, анализируя данные социологического опроса, мы пришли к выводу, что оба они менее вероятны, чем описанные выше. 41% респондентов в возрасте после 30 лет на вопрос: «Какова, по-вашему, роль ислама в политике Турции?» – ответили, что роль невелика. Более молодые турки считают роль ислама значительной и все более возрастающей. При этом именно среди последних велико количество тех, кто голосует за ПСР, и этого нельзя не учитывать в рамках внешнеполитической линии России в отношении Турции.

Подводя итог приведенным выше сценариям той политической ситуации, которая сложилась на данный момент в Турции, хочется выделить один наиболее реальный путь развития. По на-

шему мнению, это тот вариант, при котором ныне правящая партия останется у власти в ближайшее время, будет проводить политику постепенной исламизации государства, права и общества в целом, еще больше снизится роль военных в государстве. Во внешнеполитическом плане дальнейшее правление Эрдогана и его кабинета скорее всего приведет к продолжению намеченного многовекторного курса: сближение с США и одновременно с Россией (политика «и тем, и другим»), поддержание тесных финансово-экономических связей с ЕС, тесное сотрудничество со странами Ближнего Востока. В итоге к концу второго десятилетия нового века мы, возможно, увидим в Турции нового регионального лидера с собственной позицией на мировой политической арене. Более того, судя по всему, Турция не возглавит какой-либо из имеющихся регионов, но создаст свой собственный. Иными словами, именно вокруг Турции будут «вращаться» соседние государства, Балканы, Кавказ, Центральная Азия. И именно в этом контексте появляется вопрос: «Как России изменить все в свою пользу?»

Ответ прост: уважение, хитрость и мудрость в тесном контакте с образованием, экономикой и политикой. Не навязывая напрямую, проводить свою политику скрыто, формировать свою лоббистскую элиту как в республиках бывшего Советского Союза, так и на Балканах, в Турции, продумывать каждый свой шаг, чтобы придраться было не к чему.

У России есть масса возможностей повлиять на внутреннюю и внешнюю политику Турции. Россия может влиять на турок через институциональные структуры как регионального, так и международного характера, через политику, экономику – не только посредством газовой трубы, но и за счет вовлечения в экономические процессы, увязки по большим проектам. Иными словами, необходимо сделать так, чтобы в любом случае Турции (или ее политической и экономической элитам) было выгоднее сотрудничать с Россией, чем вступать в конфронтацию из-за исторических споров. Тогда РФ окажется в выгодном положении. Важно при этом не загнать себя в угол, когда мы привыкнем к тому, что именно Турция строит наши объекты, именно она – наша «здравница», именно она – та, от кого мы зависим. Иными словами, за счет партнерства мы не должны загнать себя в ловушку.

Представляется, что в условиях наличия динамической стабильности в отношениях между Российской Федерацией и Турецкой Республикой в ближайшей перспективе стороны будут всячески стараться найти баланс по всем вопросам, понимая, что от

конфронтации потеряют намного больше, чем смогут приобрести от сотрудничества. Однако в более отдаленном будущем именно геополитические, территориальные и конфессиональные расхождения, борьба «за место под солнцем» в рамках повсеместной глобализации могут стать основой конфликтов, которые неоднократно проявлялись в истории взаимодействия двух стран.

Таким образом, по итогам исследования необходимо отметить, что референдум действительно явился кульминацией деятельности ПСР, поворотным пунктом во внутренней политике Турции, а следовательно – и во внешней. Именно внутренняя политика страны определяет возможные векторы развития российско-турецких отношений. Среди сценариев развития российско-турецких отношений в ближайшей перспективе особое место занимает сотрудничество, очерченное рамками геополитического соперничества – динамическая стабильность с элементами статики в вопросах принадлежности сфер влияния.

*«Турция после референдума 2010 года»,
М., 2011 г., с. 9–22.*

Анастасия Рожкова,
политолог (МГУ им. М.В. Ломоносова)
**ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИЗМА И РЕЛИГИОЗНОГО
ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ПАКИСТАНЕ**

В последние годы судьба Пакистана, значительного по территории и населению, обладающего ядерным оружием и мощными вооруженными силами государства, все чаще стала привлекать внимание со стороны мирового сообщества. При этом наибольший интерес вызывает ход борьбы правительства страны с базирующимися на ее территории экстремистскими и террористическими организациями. Учитывая тот факт, что с проблемой терроризма и экстремизма сталкиваются сегодня многие государства во всем мире, столь пристальное внимание именно к Пакистану может показаться необоснованным. Но это только на первый взгляд.

Вопрос о том, смогут ли власти страны одержать победу в этой борьбе, отнюдь не праздный. Пакистан – давний союзник Вашингтона в Южной Азии и партнер в борьбе с действующими в регионе террористическими организациями, о чем сказано в тексте новой «Стратегии национальной безопасности США». В начале

октября 2010 г. это снова подтвердила госсекретарь Х. Клинтон. Во время очередного раунда стратегического диалога между двумя государствами она заявила: «...когда речь идет о борьбе с террористами, у Америки нет более надежного партнера, чем Пакистан». Более того, через территорию этой страны проходят пути транзита грузов, предназначенных для международных сил содействия безопасности в Афганистане. Если Пакистан не сможет одержать победу над террористическими организациями на собственной территории, то перспективы подобной борьбы в региональном масштабе будут совсем не оптимистичными. Исламабад также может сыграть важную роль в процессе мирного урегулирования конфликта с движением «Талибан» в соседнем Афганистане. Этого мнения придерживаются политики как в Вашингтоне, так и в Кабуле. Не следует забывать и о том, что Пакистан обладает ядерным оружием, которое он успешно испытал еще в мае 1998 г. и количество которого, по сведениям Федерации американских ученых, в 2011 г. составило примерно 90–110 ядерных боеголовок. В конце декабря 2010 г. в стране успешно прошла испытания баллистическая ракета средней дальности Хатф-V, также известная как «Гхури». Если у пакистанских властей не будет возможности контролировать и защищать свой арсенал, то это оружие может попасть в руки экстремистов или криминальных группировок. На основании всего сказанного становится понятно, почему в мире так озабочены состоянием безопасности страны и перспективами борьбы ее властей с экстремистскими группировками.

Несмотря на все усилия, предпринимаемые пакистанскими военными, в настоящее время не приходится говорить о том, что эта борьба является эффективной. Анализ текущей ситуации в стране показывает, что в современном Пакистане существует ряд проблем в сфере безопасности, а также в экономической, политической и социальной сферах, что мешает властям добиться ощутимого успеха в противостоянии террористам.

Если перейти к рассмотрению основных проблем современного Пакистана в области безопасности, то в первую очередь необходимо сказать о том, что правительство страны не в состоянии полностью контролировать ситуацию в некоторых провинциях, прежде всего на Территории племен федерального управления (ТПФУ), где находится большая часть боевиков различных исламистских организаций (в том числе «Талибана» и «Аль-Каиды»), бежавших от коалиционных сил США и НАТО в Афганистане. Правительство Пакистана прекрасно осознает, какую опасность

представляет присутствие боевиков и членов террористических группировок на территории страны, и не раз предпринимало попытки изгнать их. После событий 11 сентября 2001 г. под руководством администрации Первеза Мушаррафа на ТПФУ было проведено несколько военных операций. За прошедшее десятилетие власти Пакистана неоднократно пытались начать переговоры со старейшинами племен и наиболее лояльными по отношению к правительству представителями боевиков, но ни одна из этих попыток не увенчалась успехом.

Надежда на улучшение ситуации в стране, в том числе в сфере безопасности, появилась в феврале 2008 г., когда по результатам первых за последние девять лет военного правления демократических выборов к власти пришло новое правительство во главе с Юсуфом Разой Гилани. В состав кабинета министров вошли представители оппозиционных администрации П. Мушаррафа партий – Пакистанской народной партии (ПНП) и Пакистанской мусульманской лиги (Наваза) (ПМЛ (Н)).

Сразу после этого, в марте 2008 г., старейшины племен инициировали переговоры с новым правительством, продолжавшиеся до следующей весны, и в феврале 2009 г. руководство страны приняло беспрецедентное решение, разрешив введение норм шариата на территории долины Сват. Это постановление было вынужденной мерой – попыткой урегулировать конфликты с талибами и положить начало мирному процессу. Требование о введении подобных норм исходило в первую очередь от правительства провинции Хайбер-Пахтунхва, ранее заключившего договор с «Движением за установление шариата». Согласно данному соглашению, организация взяла на себя обязательство убедить лидеров «Движения талибов Пакистана» прекратить террористические атаки в стране, но выполнить этот пункт договора не удалось. Более того, принятие правительством Пакистана указанного постановления привело к насильственному насаждению норм шариата, усилению сепаратистских настроений в провинции Хайбер-Пахтунхва и ТПФУ, а также к расширению зоны влияния талибов.

После этих событий аналитики, в том числе пакистанские и российские, достаточно серьезно начали обсуждать вопрос о возможности дальнейшей «талибанизации» Пакистана или даже угрозе его распада как единого государства в случае неспособности властей и армии справиться с очередной волной террора и насилия. Например, профессор В.Я. Белокреницкий считает, что при наиболее неблагоприятном варианте развития событий это госу-

дарство может превратиться в эпицентр религиозного экстремизма и очаг его распространения по всему исламскому Востоку. Подобные опасения могут показаться несколько преувеличенными, но они далеко не безосновательны. Распространение экстремистских идей является одной из основных проблем современного Пакистана. Своеобразными «центрами подготовки» исламистов стали религиозные школы медресе, многие из которых связаны с террористическими организациями и получают от них финансирование. Школы имеют возможность предоставлять своим ученикам жилье и еду, а поскольку значительная часть пакистанского населения имеет низкий уровень доходов, для многих обучение в медресе становится единственным способом получить образование. Это на корню подрывает попытки официальных властей остановить распространение идей радикального ислама в Пакистане, особенно среди молодежи. Говорить о том, что уровень террористической угрозы в стране в ближайшие годы можно будет резко понизить и обеспечить безопасность большей части граждан, в такой ситуации не представляется возможным.

В начале мая 2009 г. правительство Пакистана в ответ на действия талибов ввело войска в Сват и начало полномасштабную военную операцию. К осени экстремистов удалось вытеснить с территории долины в труднодоступные горные районы, а в октябре правительственные войска начали боевые действия в Южном Вазиристане и практически одновременно – в округе Баджаур ТПФУ. В начале 2010 г. военная операция началась в другом округе ТПФУ – Оракзай, а вскоре и в районе Кала Дхака, расположенном в провинции Хайбер-Пахтунхва. В июне представители пакистанской армии объявили о завершении операции в Южном Вазиристане. По их заверениям, округ был полностью очищен от боевиков. Подобные действия пакистанских властей могут свидетельствовать о том, что Исламабад планомерно выстраивает на протяжении границы с Афганистаном своего рода заслон для сдерживания местных и афганских талибов.

Тем не менее приходится с сожалением констатировать тот факт, что, несмотря на все усилия военных и правительства, направленные на борьбу с членами экстремистских организаций, уровень террористической активности на территории Пакистана за последние годы резко вырос и остается высоким. Если за весь 2006 г. в стране было совершено 675 терактов, то в 2007 г. их количество увеличилось более чем в два раза – 1503. В 2008 г. число террористических атак, совершенных на территории страны, воз-

росло до 2577, а в 2009 г. – до 3816. По данным Пакистанского института по изучению мира (Pakistan Institute for Peace Studies), в 2009 г. в результате терактов погиб 3021 человек, 7334 были ранены. Наибольшее количество террористических атак было совершено в провинции Хайбер-Пахтунхва – 1137, провинции Белуджистан – 792, ТПФУ – 559, штате Пенджаб – 46. Однако если Хайбер-Пахтунхва и ТПФУ, а также приграничные с Афганистаном территории являются районами традиционной активности талибов, то резкий скачок количества терактов в Пенджабе вызывает у аналитиков серьезные опасения.

В данный момент в западных и пакистанских СМИ идут активные дискуссии о формировании второй волны движения «Талибан», которая зародилась во внутренних районах Пакистана (в том числе в южной части Пенджаба), постепенно расширяется и распространяется на север. Западные СМИ чаще всего называют этих боевиков «пенджабскими талибами» (хотя главный министр штата Пенджаб Шахбаз Шариф в одном из своих интервью заявил, что подобное определение является оскорбительным для мирных жителей штата. Действительно, многие специалисты утверждают, что эти боевики принципиально отличаются и от членов «Талибана», и от «Движения талибов Пакистана».

Во-первых, «пенджабские талибы» неоднородны по национальному составу: в их ряды входят кашмирцы, бирманские и бенгальские эмигранты и т.д., в то время как «Талибан» и «Движение талибов Пакистана» в основном состоят из представителей пуштунских племен.

Во-вторых, по мнению некоторых пакистанских специалистов, представители второй волны движения «Талибан» более образованны и лучше разбираются в современных технологиях и средствах связи. Это объясняется тем, что в Пенджабе образовательная инфраструктура более развита, нежели в традиционных ареалах базирования экстремистов.

В-третьих, силы «пенджабских талибов» пока еще недостаточно консолидированы для того, чтобы действовать под одним знаменем. На данный момент они не имеют единой командной структуры и представляют собой, скорее, некое подобие сетевой организации, состоящей из небольших, зачастую обособленных группировок.

Несмотря на существующие различия между членами «Движения талибов Пакистана» и «пенджабскими талибами», анализ террористической активности на территории страны за 2009 г.

свидетельствует о консолидации деятельности этих двух основных исламистских сил Пакистана. Данная тенденция сохранилась и в 2010 г. Даже проведение широкомасштабных военных операций пакистанской армией в основных районах базирования боевиков не привело к снижению их активности, направленной на запугивание и убийство мирных жителей. Власти страны, несмотря на все усилия, пока не в состоянии обеспечить собственным гражданам безопасную жизнь. Кроме того, если тенденция консолидации «Движения талибов Пакистана» и «пенджабских талибов» будет сохраняться (а в настоящее время нет таких причин, которые бы этому помешали), то это приведет к образованию мощного исламистского антиправительственного альянса.

В Пакистане находят прибежище и члены «Аль-Каиды». Они активно используют территорию страны для перегруппировки сил, а также проводят операции вместе с пакистанскими экстремистами. Совместно с талибами они создали на ТПФУ более 160 военно-тренировочных лагерей, специализирующихся на подготовке боевиков, террористов-смертников и диверсантов. Однако стоит отметить, что в настоящее время «Аль-Каида» при проведении своей политики предпочитает оставаться в тени, т.е., непосредственно участвуя в деятельности местных группировок талибов, она не стремится возглавить проведение диверсионных операций в самом Пакистане. Это позволяет предположить, что организация пока восстанавливает свой боевой потенциал после столкновений с армейскими военными подразделениями в Южном Вазиристане в 2009–2010 гг. В настоящий момент по своей мощности на территории Пакистана «Аль-Каида» уступает талибам, но тот факт, что она продолжает успешно налаживать контакты с представителями других исламистских группировок в стране, дает основания предполагать, что в будущем она вполне может стать равноценным партнером «Талибана».

Еще одной известной исламистской организацией, находящейся в Пакистане, является сеть Хаккани – группировка, базирующаяся в Северном Вазиристане (ТПФУ) и действующая на территории Афганистана, в основном в восточной части страны: провинциях Пактия, Пактика, Хост, Газни, Вардак и Кабул. Основателем этой сети является полевой командир Джалалуддин Хаккани, который после ввода советских войск в Афганистан выступал на стороне моджахедов. В то время, по некоторым данным, он получал значительную поддержку от ЦРУ и пакистанской Межведомственной разведки (МВР), что и позволило ему сформировать

значительный отряд боевиков. В период правления талибов в Афганистане Д. Хаккани занимал пост министра пограничных вопросов и министра по делам племен. Вместе с одним из своих сыновей Сираджуддином Хаккани он основал ряд медресе и тренировочных лагерей для боевиков на территории Северного Вазиристана. Помимо связей с талибами Д. Хаккани с 1980-х годов был в тесном контакте с Усамой бен Ладеном, и тот факт, что первые лагеря, созданные будущим «террористом номер один» в Афганистане, находились на территориях, подконтрольных Д. Хаккани, не является случайным.

В настоящее время всех членов сети Хаккани можно условно разделить на четыре группы: боевики, которые присоединились к Джалалуддину в 1970–1980-е годы; афганские боевики, вошедшие в группировку после 2001 г.; боевики из Северного Вазиристана, которые были ранее связаны с Д. Хаккани или проходили обучение в курируемых им медресе; иностранные боевики, включая арабов, чеченцев и узбеков. Наибольшим почетом и властью пользуются те члены сети, которые присоединились к ней еще в 1970–1980-е годы. Новобранцы и иностранные боевики обычно не входят в ближайшее окружение Д. Хаккани. Руководство части группировки, базирующейся в Северном Вазиристане, состоит из членов семьи лидера и самых давних его соратников. Пропагандистскую и боевую деятельность курирует Сираджуддин Хаккани, который отвечает также за поддержание контактов с другими экстремистскими организациями, в первую очередь «Талибаном» и «Аль-Каидой», и за координацию деятельности с афганскими полевыми командирами и пакистанскими боевиками.

Сеть Хаккани имеет несколько источников финансирования, при этом один из основных – помощь, поступающая из стран Персидского залива, где у Джалалуддина сохранились хорошие связи еще со времен борьбы в рядах моджахедов. В Афганистане члены группировки получают деньги за счет сбора пожертвований через мечети, взимания платы с торговцев, работающих на подконтрольных им территориях, вымогательства у транспортных компаний и перевозки контрабандных товаров. Кроме того, боевики Хаккани не раз были замешаны в похищении людей в целях получения выкупа.

В сентябре 2011 г. адмирал Майк Мюллен, который на тот момент занимал пост председателя Объединенного комитета начальников штабов, заявил, что группировка Хаккани до сих пор сохраняет тесные связи с МВР. К такому выводу адмирал пришел

после того, как боевики атаковали посольство США и еще несколько административных зданий в Кабуле. Реакция пакистанской стороны была резкой и незамедлительной: 25 сентября министр внутренних дел Пакистана Рехман Малик заявил, что в создании сети Хаккани и подготовке террористов непосредственное участие принимало ЦРУ, а не пакистанские военные или разведка. По мнению журналистов британского издания «The Economist», помощь, оказываемая Пакистаном данной группировке, ограничивается предоставлением убежища для боевиков. Нет практически никаких доказательств того, что МВР причастна к планированию и проведению совершаемых сетью операций. Тем не менее пакистанским военным необходим союзник, который продвигал бы в Афганистане их интересы. В этом смысле группировка Хаккани является более надежным партнером, чем «Талибан», поскольку Исламабад под давлением Вашингтона официально отказался от поддержки талибов после терактов 11 сентября, вследствие чего недоверие между «Талибаном» и пакистанскими властями резко возросло.

Поддержанию жизнеспособности исламистских группировок, базирующихся или нашедших временное пристанище на территории Пакистана, и расширению ареала их деятельности способствует конфессиональная нетерпимость, являющаяся неотъемлемой частью современной жизни страны.

В Пакистане проживает множество групп и общин, имеющих разную религиозную идентичность: мусульмане-сунниты, мусульмане-шииты, представители Ахмадийской мусульманской общины (АМО), индуисты, христиане и евреи. Периодические всплески насилия на религиозной основе составляют особенность не только современного Пакистана, но и его истории, и проявляются как в форме противостояния различных общин, так и в виде односторонних атак, направленных против религиозных меньшинств.

Вообще после прихода к власти генерала Зии уль-Хака в Пакистане и началось проведение политики исламизации страны, в результате чего отношения между пакистанскими суннитами и шиитами резко ухудшились, поскольку глава государства провозгласил верховенство исламского права в суннитской интерпретации для получения поддержки большинства граждан. Это не могло не вызвать крайнего недовольства мусульман-шиитов, проживавших в стране. Ориентация на суннитскую интерпретацию ислама была выбрана также в качестве попытки создать региональный

противовес влиянию исламской революции в Иране, где большую часть населения составляют мусульмане-шииты.

Радикализации суннитских религиозных движений в Пакистане способствовали финансовая поддержка и покровительство со стороны Саудовской Аравии, но пакистанское правительство в то время не обращало на эту проблему особого внимания, поскольку саудовская сторона поддерживала тесную связь как с ним, так и с его союзником – США. Вместе с тем в тот же период пакистанская шиитская община из-за влияния со стороны иранских шиитов стала более сплоченной и радикально настроенной,

Под давлением Вашингтона генерал Зия Уль-Хак начал налаживать тесные связи с афганскими моджахедами еще во время ввода советских войск в Афганистан. Вследствие этого в 1980-е годы образовалась сложная сеть взаимодействия афганских экстремистов, исламистских пакистанских группировок и властей Пакистана. Враждебность между различными религиозными движениями в стране усилилась еще больше, когда после вывода советских войск из соседнего государства пакистанские власти перешли от стратегии поддержки многочисленных афганских экстремистских группировок к оказанию помощи наиболее радикально настроенным из них. В тот же период претерпела изменения и система тренировочных лагерей для будущих афганских партизан, созданная на территории Пакистана. Учебные центры, в которых рекруты проходили простую боевую подготовку, начали сменяться религиозными школами, где им прививали идеи радикального ислама.

Все это привело к тому, что в конце 1980-х годов напряженность в отношениях между представителями различных религиозных течений в Пакистане, в основном шиитами и суннитами, перетекла в открытый конфликт с применением террористических методов борьбы. С того времени на неправительственном уровне было предпринято несколько попыток остановить вражду между различными религиозными группировками путем заключения мирных соглашений. Однако все эти попытки потерпели неудачу из-за непреклонности лидеров соперничающих движений, каждое из которых борется за установление своей собственной модели исламского порядка в Пакистане.

Очевидно, что для решения столь давней и острой проблемы недостаточно желания отдельных представителей общества или власти, а требуется консолидация ведущих политических и общественных сил страны. Надежды на возможность подобного разви-

тия событий появились в начале 2008 г., когда во главе государства встало новое гражданское правительство. Однако этим надеждам не суждено было оправдаться, поскольку вскоре после выборов члены крупнейших политических партий вместо того, чтобы объединить свои силы и направить их на решение самых острых проблем страны, начали борьбу за власть.

По результатам парламентских выборов, прошедших в феврале 2008 г., победила ПНП, которая сформировала коалиционный Кабинет министров во главе с Ю.Р. Гилани. В первом составе правительства из 24 министерских постов девять принадлежали членам ПМЛ (Н), но уже тогда многие сомневались в жизнеспособности союза двух партий. И действительно, вскоре последовала серия скандалов, в результате которых ПМЛ (Н) вышла из состава правительства в мае того же года. После отставки президента П. Мушаррафа в августе начался новый виток противостояния. В президентской гонке победил Асиф Али Зардари, но лидер ПМЛ (Н) Наваз Шариф не собирался оставаться в стороне от политической жизни. Тогда основным вопросом борьбы двух партий стало дело Ифтихара Чаудхри, бывшего председателя Верховного суда Пакистана, отстраненного от исполнения своих обязанностей в начале 2007 г. Президент А.А. Зардари не спешил восстанавливать судью в должности поскольку его пугала возможная перспектива того, что И. Чаудхри возобновит коррупционные дела против него, которые были прекращены указом П. Мушаррафа в период переговоров с его женой – Беназир Бхутто. Н. Шариф, наоборот, активно выступал за возвращение бывшему председателю Верховного суда его полномочий. Тогда Н. Шариф одержал победу, и в марте 2009 г. И. Чаудхри был восстановлен в должности. В конце года произошло то, чего так опасался президент А.А. Зардари: в декабре Верховный суд принял решение о повторном рассмотрении всех судебных дел по обвинению в коррупции, которые были отменены в 2007 г. на основании Указа о национальном примирении. Документ был подписан П. Мушаррафом в сентябре 2007 г., в результате чего были прекращены коррупционные дела, в том числе против А.А. Зардари и его ныне покойной жены. Именно это решение дало возможность Б. Бхутто вернуться в Пакистан в 2007 г. Отмена Указа о национальном примирении означала возобновление судебных дел против как минимум четырех министров правящей коалиции Пакистана, что практически парализовало работу административного аппарата страны. После принятия данного решения члены ПМЛ (Н) потребовали незамедлительной

отставки Кабинета министров и президента А.А. Зардари. Позже ПНП нанесла ответный удар: в январе 2010 г. министр информации и радиовещания Пакистана (и член ПНП) Камар Заман Кайра в одном из своих заявлений поставил под сомнение законность пребывания Н. Шарифа в стране. По его мнению, лидер ПМЛ (Н) получил возможность вернуться только благодаря договоренностям, заключенным между Б. Бхутто и П. Мушаррафом в рамках Указа о национальном примирении.

Понятно, что столь ожесточенная борьба за власть заставила ведущие политические партии Пакистана фактически отодвинуть на второй план основные задачи правительства – борьбу с терроризмом и стабилизацию экономики, которая переживала не самые лучшие годы.

Экономическая ситуация в Пакистане особенно обострилась осенью 2008 г., когда золотовалютные резервы страны уменьшились до такой степени, что она оказалась на грани банкротства. Благодаря содействию США Пакистан тогда получил кредит от МВФ в размере 7,6 млрд. долл., который фонд должен был предоставлять поэтапно, транш за траншем. В июле 2009 г. размер кредита был увеличен до 11,3 млрд. долл. Эта помощь, безусловно, способствовала некоторому улучшению экономической ситуации, однако в декабре 2009 г. заместитель управляющего директора МВФ Такатоши Като в одном из своих выступлений подчеркнул, что, несмотря на все усилия правительства страны, экономическое положение там остается крайне неустойчивым.

Тем не менее, согласно данным «Обзора экономики Пакистана за 2009–2010 финансовый год», экономический рост в стране за указанный период составил 4,1%, что было заметно выше показателей предыдущего финансового года (1,2%). На тот момент это давало возможность многим аналитикам утверждать, что государство постепенно выходит из глобального экономического кризиса, и делать достаточно позитивные прогнозы.

Постепенное укрепление пакистанской экономики в 2010 г. было обеспечено во многом за счет внешней поддержки. Ведущую роль при этом сыграли США, Всемирный банк и Азиатский банк развития. Администрация Б. Обамы добилась одобрения Конгрессом США экономической помощи Пакистану в размере 7,7 млрд. долл. на пять лет, начиная с 2010 г. Всемирный банк с начала 2006 фин. г. по март 2010 г. предоставил Пакистану кредиты на общую сумму 3,9 млрд. долл. В 2009 г. Азиатский банк развития

начал реализацию принятой им программы оказания помощи Пакистану в размере 1,5 млрд. долл., рассчитанной на четыре года.

Можно было ожидать, что благодаря такой серьезной финансовой поддержке извне страна все же сможет добиться значительного экономического роста, но этим оптимистичным перспективам не дано было реализоваться. Летом 2010 г. в Пакистане произошло мощнейшее за всю историю страны наводнение, причиной которого послужили продолжительные муссонные дожди. По данным Всемирного банка, стихийное бедствие затронуло 78 районов, а под водой оказалась территория площадью более 100 тыс. км². Правительство Пакистана первоначально оценило общие потери от наводнения в 43 млрд. долл., хотя, по оценкам специалистов Всемирного банка и Азиатского банка развития, для полного восстановления и покрытия всех расходов, связанных с ликвидацией последствий стихийного бедствия, стране понадобится от 8,7 до 10,9 млрд. долл. Естественно, подобный урон не мог не отразиться на экономической ситуации. По данным «Обзора экономики Пакистана за 2010–2011 финансовый год», экономический рост за указанный период составил 2,4% (при запланированных 4,5%). Отклонение от намеченного показателя произошло за счет замедления темпов роста производственного и сельскохозяйственного секторов пакистанской экономики.

Еще одним фактором, который оказывает крайне негативное воздействие на экономическое развитие страны, являются огромные затраты на борьбу с террористическими организациями. По данным того же «Обзора экономики Пакистана за 2010–2011 финансовый год», за последние десять лет правительство потратило на эти цели 67,9 млрд. долл. Тем не менее результативной эту борьбу назвать нельзя. Более того, приходится с сожалением констатировать, что даже такие разрушительные природные катаклизмы, как наводнение летом 2010 г., не способны заставить боевиков приостановить свою деятельность. По данным Пакистанского института по изучению мира, с июля по декабрь 2010 г. в стране было совершено около 1 тыс. терактов, в результате которых погибли свыше 1,5 тыс. человек. Продолжались атаки против представителей религиозных меньшинств. Примером подобных акций могут служить взрывы во время шествия процессии мусульман-шиитов 1 сентября в г. Лахор (столице провинции Пенджаб). Комментируя это происшествие, министр внутренних дел Пакистана Рехман Малик заявил, что данное преступление было нацелено на разжигание вражды между шиитами и суннитами.

3 сентября был совершен еще один теракт против мусульман-шиитов в г. Кветта (столице провинции Белуджистан). Ответственность за эти атаки взяло на себя «Движение талибов Пакистана», члены которого заявили, что это была месть за убийство одного из суннитских лидеров в 2009 г. В конце октября боевики совершили теракт против представителей одного из религиозных меньшинств Пакистана – секты суфиев. Взрыв произошел в крупном суфийском храме в г. Пак Паттан провинции Пенджаб.

Очередной резкий всплеск террористической активности в стране был отмечен после убийства лидера «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена в результате операции американского спецназа, проведенной 2 мая 2011 г. в г. Абботабаде, находящемся в 60 км к северу от Исламабада. В ответ на это боевики «Движения талибов Пакистана» и других группировок, связанных с «Аль-Каидой», совершили ряд «актов возмездия» по всей стране. Факт совершения боевиками атак даже в тех провинциях, где ранее были проведены военные операции или приняты меры повышенной безопасности, показывает, что силовые меры не всегда являются высокоэффективными в противостоянии экстремистам. Комплексная стратегия по борьбе с ними должна включать и деятельность, направленную на просвещение населения в религиозных вопросах, экономическое развитие наиболее проблемных регионов, укрепление доверия к властям, улучшение условий жизни людей и повышение общего уровня образованности, но главное – необходимо создать возможности для установления взаимопонимания между представителями различных религиозных течений. Пока хотя бы часть этих мер не будет принята, у членов радикальных группировок всегда будет большое количество последователей.

* * *

В настоящее время можно с уверенностью говорить о том, что в Пакистане существует комплекс серьезных проблем в сфере безопасности, без решения которых противостояние экстремистам не может быть успешным. Оценивая результаты борьбы пакистанской армии с боевиками, базирующимися на территории страны, стоит отметить, что, несмотря на проведение за последнее время многочисленных военных операций, проблемы экстремизма и территориальной дезинтеграции Пакистана так и не были решены, в то время как уровень террористической активности продолжал неуклонно расти. Власти не в состоянии полностью контролиро-

вать районы, расположенные около афганско-пакистанской границы, и прекратить проникновение иностранных боевиков в Пакистан. Более того, даже после зачистки определенных районов от присутствия экстремистов военные не всегда могли сохранить эти территории под своим полным контролем.

Что касается судьбы пакистанских исламистских группировок, то за последние годы они усилили свои позиции и расширили зону влияния. Показательным в этом смысле является пример талибов, которые сумели сохранить свое присутствие несмотря на многочисленные операции по зачистке приграничных районов от боевиков. Кроме того, в настоящее время происходит формирование второй волны движения в центральных районах Пакистана.

Экономическая ситуация в стране также остается нестабильной. Не успела пакистанская экономика оправиться от последствий наводнения, произошедшего летом 2010 г., как случился очередной природный катаклизм, который по своим масштабам может оказаться столь же разрушительным. В результате наводнения, начавшегося летом 2011 г. и затронувшего южную часть страны, уже к концу сентября пострадали около 5,4 млн. человек в провинциях Синд и Белуджистан. К тому моменту было уничтожено 73% посевов сельскохозяйственных культур, 67% запасов продовольствия и погибло около 78 тыс. голов скота в провинции Синд. Еще до начала нового наводнения было подсчитано, что семьи, пострадавшие от стихийного бедствия в 2010 г., смогут вернуться к прежнему уровню жизни через 3–4 посевных сезона. Для многих общин на юге Пакистана новый природный катаклизм еще больше осложнил ситуацию, в которой они оказались после прошлогоднего наводнения. Для предотвращения гуманитарной катастрофы ООН разработала план помощи пакистанскому правительству в оказании поддержки пострадавшему населению. По предварительным подсчетам, для реализации данной программы необходимо собрать 357 млн. долл.

В подобных условиях руководству Пакистана необходимо направить все усилия на решение существующих проблем, однако в стране можно наблюдать несколько иную тенденцию: две крупнейшие политические партии продолжают вести ожесточенную борьбу за власть, что, безусловно, тормозит процесс преодоления значительных трудностей.

Учитывая все сказанное, можно с определенной долей уверенности утверждать, что в обозримом будущем правительству Пакистана вряд ли удастся решить проблемы искоренения экстре-

мизма и террористической угрозы на территории своей страны, поэтому основными задачами на ближайшую перспективу станут сдерживание исламистских группировок в рамках границ их традиционного ареала деятельности и недопущение распространения их влияния на весь Пакистан.

*«Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика»,
М., 2011 г., № 3, с. 219–235.*

Борис Долгов,
кандидат исторических наук (ИВ РАН)
ИСЛАМИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В АЛЖИРЕ

В результате коллапса «социалистического лагеря» на рубеже 80–90-х годов XX в. происходит отказ ряда арабских стран, в том числе Алжира, от ранее провозглашавшейся ими идеологии национализма с элементами социализма (социалистической ориентации). Образовавшийся своеобразный идеологический вакуум стал заполняться различными исламистскими концепциями, отражавшими в том числе социальный протест неимущих слоев населения, так как многие арабские страны переживали в этот период социально-экономический кризис.

На волне масштабной демократизации общественно-политической жизни, проходившей в условиях системного кризиса, в Алжире в начале 1990-х годов сформировался Исламский фронт спасения (ИФС). В тот период это было самое массовое в арабском мире исламистское движение и наиболее влиятельная политическая сила в Алжире. В рядах ИФС, по заявлениям его лидеров, в начале 1990-х годов насчитывалось до 3 млн. членов. На первых альтернативных парламентских выборах в 1992 г. за ИФС проголосовало около 50% избирателей. Легитимный приход к власти исламистов предотвратило вмешательство армии, традиционно занимавшей доминирующее положение в жизни алжирского общества. Это, в свою очередь, привело к радикализации исламистского движения, экстремистские силы которого развязали многолетнее вооруженное противостояние с властями. В своей активной форме оно продолжалось с 1992 по 1999 г., за это время погибло более 150 тыс. алжирских граждан. Алжир оказался на грани гражданской войны и стал одним из очагов радикального исламизма, борьба с которым продолжается до сих пор. Тем не менее руковод-

ство Алжира во главе с президентом Абдель Азизом Бутефликой сумело, с одной стороны, в основном подавить радикальный исламизм, а с другой – инициировать процесс восстановления гражданского согласия. В 1999 г. был принят закон, провозглашавший амнистию исламистам, добровольно прекратившим вооруженную борьбу. В 2005 г. на общенациональном референдуме была одобрена «Хартия за мир и национальное примирение». Она имела целью дать возможность вернуться к мирной жизни тем алжирцам, кто был вовлечен в экстремистские группировки.

Важным событием в Алжире стали президентские выборы, состоявшиеся 9 апреля 2009 г. Как и ожидалось, А.А. Бутефлика одержал убедительную победу, завоевав 90,24% голосов избирателей, и в третий раз был избран президентом Алжира. В то же время часть достаточно влиятельных светских оппозиционных партий, а именно Фронт социалистических сил (ФСС) и Объединение за культуру и демократию (ОКД), бойкотировали президентские выборы. Представители оппозиции – руководитель ОКД Сайд Саади и бывший генеральный секретарь ФНО Абд аль-Хамид Мехри заявляли, что Алжире не существует подлинного политического плюрализма, а есть лишь «фасадная многопартийность».

При создании перспективных программ дальнейшего социально-экономического развития страны алжирское руководство учитывает недавний исторический опыт «черного десятилетия» (так в Алжире называют период вооруженного противостояния исламистских группировок с властями в 1992–1999 гг.). Уделяется внимание не только социальным вопросам, но и политике по отношению к той части населения, которая считает сохранение мусульманских исторических традиций и «исламских ценностей» непременным условием дальнейшего успешного развития алжирского общества. В ходе реализации правительственной программы развития на 2004–2009 гг., как заявил премьер-министр Алжира Ахмед Уяхья, к 2009 г. завершено строительство около 1 млн. единиц жилья и было создано около 3 млн. новых рабочих мест. В то же время провозглашается, что «алжирский народ, внесший огромный вклад в развитие и распространение ислама, и впредь будет прилагать все усилия для сохранения и дальнейшего процветания великой арабо-мусульманской цивилизации».

Тем не менее необходимо признать, что острота социально-экономических проблем, хотя и достаточно ослабла в последние годы, продолжает сохраняться. Безработица, хотя и существенно снизилась по сравнению с 1999 г. (тогда она составляла около

29%), все же в 2007 г. достигала 11,8%. Это средняя цифра в целом по Алжиру, а есть регионы, где она выше, особенно среди молодежи (до 50%). Это провоцирует эмиграцию молодых людей в страны ЕС, в том числе нелегальную. Социально-экономические проблемы наряду с продолжающимся расслоением общества стали основной причиной антиправительственных демонстраций, прошедших в крупнейших городах Алжира весной и летом 2008 г., в которых участвовала безработная молодежь.

В результате мирового финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., произошло определенное сокращение производства, в том числе в нефтяном секторе, и, соответственно, увеличение числа безработных. Тем не менее министр финансов Алжира заявил, что «влияние кризиса сказывается в основном в экономической рецессии в мире, депрессии спроса и снижении цен на сырую нефть, что влечет за собой снижение поступлений в госбюджет. В то же время благодаря созданным стабилизационным механизмам (в частности, специальному Фонду регулирования) Алжир не будет испытывать каких-либо трудностей при финансировании плана социально-экономического развития на 2009–2014 гг.». Данный план предусматривает, в частности, создание более 400 тыс. новых рабочих мест.

Умеренное крыло исламистов достаточно полно представлено в алжирском парламенте – Национальной народной ассамблее (ННА) – тремя политическими партиями. Причем они не составляют единого парламентского блока. Две из них – Движение общества за мир (ДОМ), руководимая Бугеррой Солтани, и «Нахда», во главе которой стоит Ляхбиб Адами, входят в президентскую коалицию и полностью поддерживают президентский курс. Более того, партия ДОМ, обладающая достаточным политическим весом (на парламентских выборах 2007 г. она получила 52 депутатских места), и партии власти Национально-демократическое объединение (НДО) и Фронт национального освобождения (ФНО) составляют основу президентской коалиции в ННА. Однако в 2009 г. партия ДОМ переживала внутренний кризис, в результате которого часть влиятельных его членов, включая 10 депутатов парламента во главе с Абдель Маджидом Менасра, одним из членов руководства ДОМ, вышли из ее состава. Они создали свою собственную партию – Движение за проповедь и изменение. Третья исламистская партия, представленная в ННА, – Движение за национальную реформу (ДНР) – состоит в оппозиции официальному курсу. Она выступает против правительственной

программы широкомасштабной приватизации и ратует за «исламскую социальную справедливость». ДНР, считавшаяся наиболее многочисленной и влиятельной умеренной исламистской партией, в последнее время утрачивает доверие у избирателей. На парламентских выборах 2007 г. ДНР получила всего три депутатских места (на прошлых парламентских выборах 2002 г. ДНР имела 43 места).

На политическую сцену Алжира вновь пытаются выйти бывшие члены руководства ИФС. Они, в частности, добиваются отмены судебного решения о роспуске ИФС, принятого в 1992 г. Бывшие лидеры ИФС Аббаси Мадани и Али Бенхадж в интервью алжирской прессе объявляют о своей готовности работать совместно с властями для возрождения Алжира. В свою очередь, Мадани Мезраг, бывший эмир «Исламской армии спасения» (ИАС), проводивший посреднические переговоры с действующими боевиками, объявил, что он не пожалеет усилий, чтобы «вернуть наших обманутых алжирских братьев к мирной жизни». Воспользовавшиеся амнистией известные экс-лидеры радикальных исламистов обратились в 2009 г. к членам экстремистских группировок, продолжающих террористический «джихад», с призывом сложить оружие, «вернуться к своим очагам и внести свою лепту в возрождение Алжира». Речь идет о таких видных фигурах радикального исламизма, как основатели Салафитской группы для проповеди и борьбы (СГПБ) – Хасан Хаттаб, Абу Омар Абд аль-Баер, Абу Закариа, Муссаб Абу Дауд, а также Абд аль-Хакк Лайяда, возглавлявший Вооруженные исламские группы (ВИГ) в 1992–1993 гг. Причем последнему выступления в поддержку президентского курса стоили нескольких покушений на его жизнь (неудавшихся) со стороны действующих муджахидов.

Радикальные исламисты в основном представлены двумя вышеупомянутыми группировками – СГПБ и ВИГ. Они насчитывают, по разным оценкам, от 650 до 1 тыс. боевиков. Причем ВИГ в начале 2000-х годов распались на несколько зачастую враждующих между собой группировок. Что касается СГПБ, то она была создана в 1998 г. Хасаном Хаттабом. В то время он был одним из командиров ВИГ, не согласным с такфиристской¹ доктриной тогдашнего национального эмира ВИГ Антара Зуабри. Хасан Хаттаб

¹ Такфир (араб.) – обвинение в неверии. На основе доктрины такфиризма, исповедовавшейся лидерами ВИГ, в неверии обвинялись все, в том числе мусульмане, не разделявшие концепции ВИГ.

пользовался поддержкой бен Ладена и его соратника Абу Катады. Данный исламистский идеолог издавал в 1990-е годы в Лондоне исламистский журнал «Аль-Ансар» («Соратники Пророка»). Хасан Хаттаб провозгласил своей целью возврат к «подлинному салафизму». Он вышел со своими сторонниками из состава ВИГ и создал собственную группировку – СГПБ. Наряду с действиями внутри Алжира СГПБ с 2004 г. предпринимала попытки распространить джихад на территории других африканских государств, поддерживавших, по заявлениям исламистов, «агрессивную политику США». Такими странами были Мавритания, Республика Чад, Мали, Нигер и Буркина-Фасо. Двое видных руководителей СГПБ – Хасан Хаттаб и Абд ар-Раззак аль-Пара – возглавили отряды боевиков, пытавшихся «экспортировать» джихад за пределы Алжира. Абд ар-Раззак со своей группой сумел проникнуть на территорию Мали и приступил к вербовке местного населения в ряды СГПБ. Затем он попытался пройти на территорию Нигера, однако его отряд был обнаружен. Абд ар-Раззак изменил маршрут и перешел на территорию Республики Чад. Здесь Абд ар-Раззак надеялся склонить к совместным действиям антиправительственную группировку – Движение за демократию и справедливость в Чаде (ДЦСЧ). Переговоры не увенчались успехом. Абд ар-Раззак не оставлял намерения создать на территории Чада укрепленный район наподобие афганского Тора Бора и провозгласить себя «эмиром африканского Сахеля». С этой целью он намеревался вступить в переговоры с радикальными чадскими исламистами. Однако, направляясь к месту конспиративной встречи, Абд ар-Раззак аль-Пара погиб в результате несчастного случая.

В 2006 г. нынешний «национальный эмир» СГПБ Абд аль-Ваххаб Друкдель объявил о присоединении СГПБ к «Аль-Каиде» и изменил ее название. Она теперь стала называться – «Организация “Аль-Каида” исламского государства Магриб» (ОКИГМ). В 2006–2008 гг. ОКИГМ активизировала свою террористическую деятельность и осуществила ряд взрывов в различных городах Алжира, в том числе в столице. В результате погибли десятки алжирцев, как военнослужащих, так и мирных граждан, а также иностранцев, среди которых 11 сотрудников миссии ООН в Алжире. Достаточно значительную роль в ОКИГМ играют «алжирские иракцы», т.е. молодые алжирцы (по различным оценкам, несколько сотен), получившие боевой опыт в Ираке, где они действовали против оккупационных сил США и их союзников. По возвращении в Алжир часть из них вступила в ряды ОКИГМ и применяет

здесь свой «иракский опыт». В этом контексте можно вспомнить аналогичный опыт «алжирских афганцев». В начале 1990-х годов алжирские муджахиды, вернувшись после завершения гражданской войны в Афганистане на родину, составили ядро радикальных исламистских группировок, развернувших затем террористические действия в Алжире.

В настоящее время полное восстановление национального согласия и борьба с проявлениями экстремизма являются одними из наиболее важных задач, стоящих перед алжирским руководством. Для ее решения привлекается также и международная помощь. В рамках подписанного между Алжиром и РФ в 2001 г. Договора о стратегическом партнерстве наряду с экономическим и политическим сотрудничеством продолжается работа совместной алжирско-российской группы в области борьбы с терроризмом и по вопросам безопасности. В то же время в сентябре 2008 г. началась подготовка к заключению договора о стратегическом сотрудничестве между Алжиром и США. Одним из его главных пунктов будет координация усилий двух стран в борьбе с международным терроризмом, в частности с ОКИГМ. В связи с участвовавшими террористическими актами в Алжире усилены меры безопасности и регулярно проводятся мероприятия по предотвращению актов террора. Так, например, в марте-апреле 2007 г. и в марте 2008 г. объединенные силы армии, полиции и жандармерии при поддержке боевых вертолетов проводили войсковые операции в горных районах Большой Кабилии (около 300 км к востоку от столицы), где сосредоточены основные силы ОКИГМ. В результате были уничтожены несколько отрядов ОКИГМ, их опорные пункты, склады с оружием и боеприпасами. По заявлению Язида Зеруни, министра внутренних дел Алжира, с декабря 2008 по май 2009 г. алжирскими силовыми структурами были захвачены 322 боевика ОКИГМ, уничтожены 120 и сдались властям 22.

Таким образом, можно констатировать, что эскалация террористической активности радикального исламизма в Алжире в 2007–2009 гг. не привела к дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране. Основные силы экстремистских группировок в Алжире подавлены, тем не менее о полной стабилизации обстановки говорить еще рано.

«Партнерство цивилизаций: Нет разумной альтернативы», М., 2011 г., с. 24–32.

**«АВТОРЫ ТЕОРИИ СТОЛКНОВЕНИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВЫДАВАЛИ ЖЕЛАЕМОЕ
ЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ»
(Из интервью с членом королевской семьи
Саудовской Аравии принцем
Турки бен Фейсалом аль Саудом)**

Принц Турки бен Фейсал аль Сауд – член королевской семьи Саудовской Аравии, в прошлом на протяжении многих лет глава саудовской разведки, посол в США и Великобритании. Возглавляет Центр исследований и изучения ислама. Принц ответил на вопросы «России в глобальной политике».

Вопрос: Какие самые важные события произошли в мировой политике с 1991 г.?

Ответ: За 20 лет произошло очень многое, и почти все посвоему важно. Исторически знаковые международные события – те, влияние которых простирается за пределы конкретного времени и места. Главное – это распространение и углубление экономической и финансовой глобализации и появление новых стран. Заслуживают упоминания войны и конфликты на Балканах и Кавказе, расширение Европейского союза и появление у НАТО новой миссии. Даже спустя 20 лет мы переживаем последствия того, что случилось в начале 1990-х годов.

Важнейшее событие после 1990 г. – конечно, распад Советского Союза, который положил конец двухполюсному миру и привел к трансформации СССР в Российскую Федерацию с новой политикой и устремлениями. Вторым по важности я бы назвал вторжение Ирака в Кувейт, которое нарушило статус-кво в арабском мире, привело к его поляризации и к глобализации усилий, направленных на то, чтобы положить конец интервенции. Это также дало возможность арабам установить мир с Израилем на Мадридской конференции. Принципиально важно появление радикальных сетей, которые под маской набожности стремятся к политической гегемонии. В 1990-е годы мы также столкнулись с вызовом в виде уменьшающихся финансовых ресурсов стран Персидского залива, переживавших к тому же демографический бум. Под влиянием этнического и религиозного раскола произошло размывание чувства национального самоопределения у граждан Ирака. Это спровоцировало американцев на необдуманные шаги с целью превращения Ирака в «образец демократии для других арабских стран» – в действительности же американские неокон-

серваторы оправдывали такими соображениями свою милитаристскую философию. Последствия неуклюжей попытки американцев будут еще долго нас терзать.

Третье событие, продолжающее отбрасывать тень по прошествии 10 лет – это теракты 11 сентября 2001 г., посредством которых международный терроризм заявил о себе как об опасном мировом явлении. Это потребовало от глобального сообщества ответных действий, которые вылились в две затянувшиеся войны в Афганистане и Ираке. Они существенно повлияли на мировую ситуацию, а также положение на Ближнем Востоке и в Западной Азии, заставили усомниться в намерениях Америки и дискредитировали ее внешнюю политику, что привело к окончанию эры «однополярного мира». Повсеместное возникновение исламофобии – самый нежелательный результат тех варварских терактов.

Четвертое событие – экономическое возрождение Азии. Начало было положено Китаем и Индией, затем их примеру последовали другие. Статус мировой державы, которого добился Китай, изменил баланс сил в мире. Стремление же Индии догнать соседа может в будущем обернуться опасным соперничеством, особенно если учесть, что обе страны осуществляют амбициозные программы перевооружения и стремятся установить сферы влияния в своем регионе и даже за его пределами. В других частях мира за это время также происходило немало интересных событий, но по последствиям они не вышли за пределы конкретного места и времени, а потому не оказали существенного влияния на характер мировой политики.

Вопрос: В 1990-е годы появилось новое понятие – столкновение цивилизаций. Не станет ли оно самосбывающимся пророчеством? И кого следует больше винить за возможную реализацию такого сценария: Запад, Восток, террористов, безответственных интеллектуалов?

Ответ: Время доказало лживость этой теории. Это было пророчеством со своей внутренней динамикой, но правильнее сказать, что ее авторы выдавали желаемое за действительное. Независимо от религиозных и культурных аспектов события последних двух десятилетий были в большей степени плодом проводимой политики. Однако подобное мышление должно насторожить: если позволить такой логике возобладать, она может всюду привести к катастрофическим последствиям. Религии призваны охранять человечество, а не губить его; их идеалы вкупе с другими гуманистическими идеями должны вести к мирному будущему. Есть

только одна человеческая цивилизация. Это дерево, корни которого уходят глубоко в землю истории, из нее растет могучий ствол, от которого отходит множество ветвей, от каждой из них – много других ответвлений, и на всех образуются цветы, а после плоды, и это непрекращающийся процесс. Ветви, конечно, – разнообразные и дополняющие друг друга культуры, которые люди продолжают, учась у своих предшественников и передавая последующим поколениям. Нет столкновения цивилизаций. Человечество всегда боролось за то, чтобы защитить и укрепить единую цивилизацию.

Вопрос: После 11 сентября «международный терроризм» пришел на смену коммунизму в качестве постоянной угрозы для «цивилизованного мира». Сегодня складывается впечатление, что его влияние на мировую политику было преувеличено...

Ответ: Международный терроризм – настоящее варварство. Терроризм – реальная угроза для всего мира, как «цивилизованного», так и «нецивилизованного». Если термин «международный терроризм» является вежливым обозначением «мусульманского терроризма», который часто используется в мировой прессе, то я бы сказал, что у терроризма нет религии. Это криминальные действия, совершаемые преступниками: мусульманами и представителями других религий и идеологий. Терроризм должен быть сокрушен. В действительности мусульмане сами становятся его жертвами больше, чем представители других религий и народов, потому что террористы не только бомбят нас, убивают и терроризируют. Из-за них на добропорядочных мусульман ложится тяжелое бремя, поскольку мир отождествляет нас с террористами, и на мусульманах лежит клеймо позора. Преступные организации можно победить. Моя страна – жертва терроризма, и я благодарен Аллаху за то, что мы смогли одолеть его, проводя политику прямой конфронтации с силами, мишенями для которых служат наш народ, инфраструктура и правительство. Если коротко обобщить принимаемые меры, то это и координация действий между правительством Саудовской Аравии и международными организациями в сфере безопасности, и строгий контроль над финансовой инфраструктурой для недопущения злоупотребления средствами со стороны террористических организаций, и системное расширение внутренних сил безопасности, и контртеррористическое сотрудничество с разведслужбами других стран. Мы осуществляем задержание и экстрадицию экстремистов и уничтожаем террористов и многочисленные ячейки террора. Важнейший вклад вносят граждане Саудовской Аравии. Они являются системой раннего опове-

щения сил безопасности, предупреждая власти о любых подозрительных личностях или происшествиях в своих округах. Это приводит к расследованию и предотвращению преступлений. К счастью, другие страны также проводят такую политику.

Вопрос: Каким Вы видите будущее арабского мира после бурных 90-х и «нулевых» годов, и особенно после событий весны 2011 г.? Какую демократию можно ожидать в арабском мире, и можно ли вообще? Может ли Турция служить образцом? Или, может быть, нужно ориентироваться на Иран с его специфической формой правления?

Ответ: Ясно, что арабский мир вступил в стадию глубоких перемен: происходит крушение некоторых правительств, появляются новые силы, партнерства меняются и перестраиваются. Пока рано говорить о будущем стран, которым предстоит столь трудный переходный период. Оно будет зависеть от ориентации, которую выберет каждая из этих стран. Есть надежда, что они преодолечат трудности, с которыми сталкиваются, и перейдут к такому политическому устройству, которое отвечает чаяниям и устремлениям их народов. Надеюсь, что им не придется делать выбор между турецкой и иранской моделью, потому что это будет арабская модель.

Вопрос: Какие три главные угрозы безопасности и стабильности в регионе Персидского залива Вы предвидите до 2020 г.? Это те же самые угрозы, что и для Ближнего Востока в целом?

Ответ: Если в ближайшее время ничего не изменится, тремя главными угрозами в регионе Персидского залива и Ближнего Востока в целом будут те, которые мы видим и сегодня. Во-первых, амбиции иранских руководителей разработать ядерное оружие, оккупация ими трех островов, принадлежащих ОАЭ, и упорное вмешательство во внутренние дела арабских стран. Что касается ядерного оружия, то Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива продолжает настаивать на том, чтобы Иран и Израиль отказались от него и поддержали создание на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения. Это, несомненно, было бы лучшим будущим для жителей нашего региона. Во-вторых, продолжающаяся оккупация Израилем палестинских территорий, а также других земель, по праву принадлежащих Сирии и Ливану. Эта проблема является причиной многих зол в нашем регионе, и если Израиль сорвет все мирные инициативы, проблема не будет решена, и в регионе останется все так же беспокойно. Непримируемая позиция Израиля – движу-

щая сила третьей угрозы, а именно – терроризма, который остается важным фактором и проблемой. Не только «Аль-Каида» продолжает плести заговоры. На сцену выходят новые негосударственные игроки, а также прежние террористические группировки, которые пытаются воспользоваться вакуумом власти, образующимся вследствие происходящих в регионе политических процессов. Ситуация в Йемене может служить наглядной иллюстрацией, и она вызывает большие опасения, также как и неразрешенные конфликты, бушующие в некоторых других странах.

Вопрос: Разделяете ли Вы точку зрения о постепенном закате Запада и усилении других стран – в первую очередь Китая и государства Азии? Какова роль арабского мира в будущем мироустройстве? Можно ли ожидать консолидации арабских стран, и будут ли они играть более заметную роль в мировой политике?

Ответ: Взлеты и падения великих держав – естественный процесс, и история рассудит, насколько справедлива точка зрения о закате Запада. Но уже сегодня мы видим формирование многополярного мира, которые повлечет за собой сокращение разрыва между Западом и остальными в смысле всех источников силы. Наш мир создан для всех, поэтому следует признать тот факт, что традиционное доминирование и распределение влияния, характерные для политики на протяжении многих веков, теперь уже дело прошлого. И всем следует расценивать эти перемены как возможность достичь вечного мира, о котором мечтает человечество. США и Европа останутся такими же великими, как и прежде, но в другом контексте. Благотворный и дружелюбный многополярный мир отвечает чаяниям всех. Арабское сообщество с его стратегическим местоположением и колоссальными природными ресурсами, а также богатым религиозным и культурным наследием может внести вклад в создание такого многополярного устройства, если избавится от раздражающих его конфликтов и противоречий и сплотится.

Вопрос: Будет ли Америка доминировать в мировой политике через 20 лет?

Ответ: Мир настолько взаимозависим, что ни одна страна не может претендовать на тотальное доминирование. Однако США – крупный игрок, и эта страна сохранит свои позиции в следующем двадцатилетии.

Вопрос: Как Вы оцениваете развитие России после 1991 г.? Какую роль Москва играет на Ближнем Востоке сейчас и какую роль ей следует играть в будущем?

Ответ: Глядя извне, нелегко оценивать. Но если принять во внимание те трудности и колоссальные вызовы, которые стояли перед Россией после такой исторической трансформации, можно сказать, что ей удалось сохранить свою территориальную целостность, приспособиться к новой реальности и вступить на иной путь. Россия переродилась, изменила свою ментальность и интересы, хотя и не может в полной мере освободиться от географического и исторического наследия. В арабском мире мы считаем Россию важной мировой державой, и притом дружественной державой. Мы ценим ее позицию в арабо-израильском конфликте и поддержку прав палестинского народа. Следует трудиться над углублением отношений в сфере общих интересов, чтобы выйти на уровень стратегического партнерства.

Вопрос: Хорошо известна история о «заговоре» Рональда Рейгана и правительства Саудовской Аравии с целью сбить цены на нефть в 1980-е годы, что стало фатальным для советской экономики. Может ли политическое манипулирование рынками углеводородного сырья снова быть востребовано?

Ответ: Во взаимозависимом мире эпохи глобализации политическое манипулирование рынками углеводородного сырья навредит самому манипулятору, поэтому трудно поверить в то, что сегодня это возможно. В начале 1980-х годов мир переживал трудные времена в экономическом смысле. Рецессия была нормой. Больше всего от этого страдали бедные страны. Постоянная политика Королевства в области поставок энергоносителей всегда преследовала цель сделать энергию доступной для беднейших стран, и именно этими соображениями мы руководствовались в те годы. А роковыми для советского режима стали непродуманная экономическая политика и авантюрные внешнеполитические амбиции, особенно в Афганистане.

«Россия в глобальной политике», М., 2011 г., с. 108–160.

Петер Андерсен,

доктор экономических наук

МИГРАНТЫ БЕРУТ ЕВРОПУ НА АБОРДАЖ

В августе 2011 г. мы наблюдали по ТВ картину настоящего бунта, вспыхнувшего в лагере мигрантов в Италии. Молодые, сильные мужчины 25–30 лет забрасывали булыжниками итальянскую полицию, которая совсем недавно спасала их от гибели на

утлых судах у берегов Италии. Мигранты выдвинули ультиматум: «Немедленная выдача вида на жительство и социальные гарантии!» Даже невооруженным глазом было видно, что итальянские власти впали в ступор перед лицом этого «боевого клича». Глубоко символично, что эти требования перекликаются с циничными лозунгами молодых мигрантов второго поколения во Франции: «Дайте нам социальные пособия, а на ваши законы нам наплевать!» В августе 2011 г. в мигрантских кварталах Лондона, Бирмингема, Ливерпуля вспыхнули яростные бунты молодежи, которые переросли в самые настоящие погромы. По сообщениям СМИ, 90% их участников – дети мигрантов. Такое поведение, безусловно, вызывает протест в Европе. Свои позиции укрепляют крайне правые силы в Норвегии, Дании, Франции, Швейцарии. Наблюдается усиление влияния неонацистских группировок в Германии. О провале мультикультурного проекта вынуждены были заявить лидер Германии Ангела Меркель и президент Франции Николя Саркози. В этой связи автор этих строк обратился с просьбой к своему давнему другу в Германии прокомментировать развитие миграционной обстановки в ФРГ и Европе в целом.

*Владимир Родин,
советник 1 класса МИД РФ в отставке*

Тот, кто осведомлен о настроениях исламской диаспоры в Европе, знает, что не только исламисты мечтают о господстве ислама в Европе, но и обычные мусульмане действуют в этом направлении. Они хотят превратить Европу – путем демографической исламизации, наплыва мигрантов – в Дар аль-Ислам (Дом ислама). В таком духе высказался геттингенский социолог и критик ислама Басам Тиби. Чтобы не слишком «высовываться», он решил проявить осторожность в своем прогнозе: «Речь идет не о том, чтобы выдворить ислам из Европы, а примирить его с Европой, сделать евро-исламом». Политики и другие представители общественности в Европе, и в первую очередь в Германии, боятся открытой дискуссии по этому вопросу. Эти «хорошие люди» и политические слепцы выдвигают поэтому путаные идеи, с тем чтобы повлиять на общественное мнение: мусульмане, дескать, обогащают общество, создавая «радостную, яркую картину» мультикультурности в стране. Но если эти «хорошие люди» сталкиваются со скептическими оценками, они пускают в ход другой аргумент: массовый приток неизбежен в связи с сокращением коренного населения. Эти «творцы» общественного мнения свили уютные гнез-

дышки в политических партиях, профсоюзах, церквях, СМИ. Они получают от этих институтов неограниченную поддержку с целью заглушить любую деловую дискуссию на эту тему. А тех, кто нарушает покой, созданный в результате интеллектуального истощения, подвергают такой «публичной порке», что у них пропадает всякое желание участвовать в дальнейшей дискуссии. На этом фоне приходит – более или менее открытая – ползучая исламизация Германии и Европы.

Рациональная миграционная политика, как, например, в Австралии или Канаде, в Европе даже приблизительно не практикуется. Надо признать, что страны с колониальным прошлым: Англия, Франция, Голландия и Бельгия, – имеют исторически сложившиеся связи с бывшими заморскими территориями. Мигранты, прибывшие оттуда, имеют, по крайней мере, языковые или культурные общности с бывшей колониальной державой. В этом случае приток мигрантов не приводит к таким изменениям в обществе и культуре, как, например, в Германии или Скандинавских странах.

Алжирец, говорящий по-французски, знакомый с французским образом жизни, системой управления, общественными нормами принимающей стороны, не столкнется с серьезными проблемами в Париже или Марселе. Таким преимуществом не обладает прибывший из Турции в Германию в качестве мигранта отец семейства из 12 человек, поскольку он не знает немецкого языка и не имеет опыта проживания в соответствующей общественно-культурной среде. Здесь происходит столкновение всех аспектов различных культур. Не случайно в крупных городах Германии возникают гетто, где не требуется ни знания языка, ни готовности к интеграции.

Ситуация в Европе неоднозначна, но ее можно свести к одному показателю. История учит, что приток мигрантов в ту или иную страну создает проблемы в тех случаях, когда мигранты в экономическом плане более успешны, чем местное население, или же количество мигрантов настолько велико, что люди в принимающей стороне видят в них угрозы для своей исторически сложившейся идентичности и чувствуют себя «потесненными».

Учитывая, что основная масса мигрантов в Европе не обладает превосходством в области профессиональной подготовки для работы на производстве, то все проблемы с их приемом в Европе возникают исключительно в связи с их динамично возрастающей численностью из-за высокой рождаемости. Этим мигрантов назы-

вают «лицами, ищущими убежище» или «беженцами». На самом деле речь идет – за небольшим исключением – о людях, которые хотят просто-напросто «внедриться в социальные системы» и получить пособия «за здорово живешь». Какой-нибудь отец семейства из Турции может только мечтать о такой жизни, когда он сможет не работать, а «жить припеваючи» за счет социальных и детских пособий. С его точки зрения – это вполне рациональное поведение, за что его никто не может упрекнуть. Решающий фактор состоит в том, что в Германии и Европе волшебное слово «азюль» (убежище) сметает напрочь все деловые аргументы для проведения разумной миграционной политики. Кроме того, над нами постоянно висит дамоклов меч – возможное вступление Турции в ЕС.

Такое развитие привело фактически к тому, что экономическая эффективность Германии оказалась под угрозой. Социальные системы приходят в упадок, и государственные бюджеты трещат под тяжестью долгов. В отчаянии политики пытаются держать обстановку под контролем. Для этого они повышают налоги на доходы населения и увеличивают другие поборы. Если сюда добавить «дремлющие риски», которые возникают, прежде всего, для Германии, которая вынуждена финансировать «спасительный зонтик» для «маломощных» членов ЕС, то станет ясно, что в Германии создана «иллюзия благосостояния», которая в любой момент может лопнуть. На фоне этого развития не стоит удивляться, что ежегодно около 100 тыс. молодых немцев с хорошим профессиональным образованием уезжают за границу. Они понимают, что социальные системы в Германии не дают им никакой гарантии в старости и что они вынуждены считаться с постоянно растущими налогами на доходы граждан.

Если в 1960 г. в Европе проживало 600 тыс. мусульман, то сегодня 30 млн. И эта самая массовая миграция в истории человечества непрерывно продолжается. Год за годом в Европу прибывает 1 млн. мусульман. Совершенно легально, в плане воссоединения семей в качестве мигрантов или политических беженцев. Этому нашествию Европа, видимо, ничего не может противопоставить. Ее западная часть, которая по-прежнему рассматривается как регион благосостояния, стоит перед лицом такого развития, будучи бессильной, боязливой и неспособной к сопротивлению. Эта Европа говорит красиво, она называет себя гуманной, либеральной и открытой всему миру, не признавая, что своим поведением она отдает на разграбление свои фундаментальные ценности.

Если она позволяет, чтобы здесь – при финансировании, прежде всего, со стороны Саудовской Аравии и Турции – строились новые мечети и исламские школы, в то время как христианские церкви закрываются или используются в коммерческих целях, то это сигнал к тому, что Европа готова к капитуляции.

Имеется ли выход из этой ситуации? Для Германии решающий фактор состоит в том, что немецкая часть населения стареет и из-за низкой рождаемости значительно сократится в ближайшие годы. С исламской точки зрения это идеальное условие, чтобы вторгнуться в этот вакуум. Может быть, прав Вурон Ёгер, немецко-турецкий член СДПГ, когда провозглашает во влиятельной турецкой газете «Хюрриет»: «То, что осадой Вены в 1683 г. начал султан Сулейман, мы осуществим с нашими сильными мужчинами и здоровыми женщинами!» Ёгер умалчивает, что в 1683 г. Сулейман потерпел под Венной поражение и обратился в бегство под натиском христианских войск Европы. Европа не может сегодня силой решить проблему ислама и беженцев. Но было бы желательно поучиться у наших предков стойкости и воле к самоутверждению.

В принципе Европа не принимает никаких мер, чтобы остановить приток мигрантов, которые в этих условиях усиливают давление на правительства европейских стран. «Правовая безопасность», которой пользуются экономические беженцы и лица, «ищущие политического убежища», практически означает право на пребывание для каждого, кому удастся «поставить ногу на немецкую землю» и попросить убежища. Если цыганскую семью выдворяют в Косово, то за ней следует целая группа немецких телевизионщиков, чтобы доказать общественности, что там творится «неописуемое бесправие над людьми».

Учитывая, что европейская интеграция находится на сравнительно высоком уровне, было бы уместно потребовать, чтобы Брюссель проводил единую, согласованную политику в отношении притока мигрантов. Но здесь я не вижу «света в конце туннеля». На мой взгляд, имеются два варианта: или Европа, т.е. ЕС, «поднимется на дыбы» и займет решительную оборонительную позицию, чтобы сохранить свою политическую стабильность, культурные идентичности и этнические структуры, или же она позволит захлестнуть себя волной миграции, о размерах которой мы пока не имеем никакого представления.

Страны Ближнего Востока, Африки и Азии испытывают сегодня большие внутривнутриполитические проблемы. Высокая рождаемость, растущее количество молодых людей в этих странах на-

ходятся в кричащем противоречии с их экономическими перспективами. Выход из безработицы, нищеты многие молодые люди в этих странах видят лишь один: миграция в Европу. И этот миграционный поток в Европу будет нарастать с каждым годом.

P.S. 2011 г. власти ФРГ ужесточили практику пересечения своей границы для лиц, которые не являются гражданами ЕС.

Перевод с немецкого В. Родина.

«Наш современник», М., 2012 г., с. 149–151.

Роберт Ланда,

Востоковед (ИВ РАН)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В АРАБСКОМ МИРЕ: ВИДИМОСТЬ И СУТЬ

Арабский мир с самого начала 2011 г. (а кое-где даже в последние месяцы 2010 г.) пришел в движение. События во всех без исключения арабских странах Африки и Йемене, а также их отголоски в Сирии, Ливане, Иордании и Бахрейне привлекли внимание международной общественности. В нашей стране реакция на них была довольно противоречивой – от опасений, что это – «акция исламистов» или нечто, якобы провоцирующее «рост исламского радикализма внутри России», до безусловного признания массовых выступлений арабов «революциями». Думается, однако, что своеобразный социально-политический подъем на севере Африки и в ряде стран Ближнего Востока нельзя считать ни делом рук исламистов, ни революциями в подлинном смысле этого слова. Революция – это все же победоносный переворот, коренным образом меняющий если не общественный, то уж хотя бы политический строй страны. Однако ни в одной из охваченных волнениями арабских стран ни о смене общественного, ни даже политического строя речь не идет. С большой натяжкой произошедшие там персональные перемены в руководстве можно назвать «полуреволюциями», скорее даже «недо-революциями».

Начнем с того, что все эти события носили ярко выраженный политический характер, проходили под светскими лозунгами, причем направленными не столько на социальные, сколько на персональные перемены. Исламисты, если и участвовали в них, то не в качестве вождей или инициаторов, а лишь как попутчики, стремившиеся, скорее всего, не слишком «засветиться», чтобы не дать повода для репрессий (в Ливии и Сирии они, в конце концов,

выступили, но об этом – разговор особый). Что же касается исламизма в России, то он, хоть и поддерживается, несомненно, извне, но все же имеет в первую очередь специфические исторические, психологические и сугубо политические корни и стимулы, глубоко уходящие в наше царское и сталинское прошлое, а также – в хаос, путаницу и беспредел, порожденные распадом СССР, упадком военной, материальной и административной мощи России, в 90-е годы переживавшей один из наиболее тяжелых кризисов в своей истории, в том числе – кризис идейный, поставивший под вопрос прежние постулаты межнационального согласия, дружбы и братства народов.

Возвращаясь к проблемам арабов, надо подчеркнуть, что имеющееся во всех арабских странах исламистское подполье является выражением не религиозного, прежде всего, а социального, экономического и политического недовольства, вырядившегося в исламские одежды. Ислам – вообще достаточно политизированная религия, официально выступающая против ростовщического процента, что многими понимается как осуждение капиталистической прибыли, и за социальную справедливость, так как, согласно принципу «саадака», богатый мусульманин обязан помогать неимущему единоверцу. Поэтому нередко в наши дни, особенно после краха СССР и компрометации связанного с ним мирового коммунистического движения, ислам становится знаменем грезящих о равенстве и переустройстве мира революционных бунтарей, причем – не только на Востоке. В частности, в России Национальное объединение русских мусульман (охватывающее далеко не всех этнических русских, принявших ислам) насчитывало уже в 2004 г. 3 тыс. человек. В Великобритании принявших ислам англичан в 2000 г. было 5 тыс., их число увеличилось в последующие годы в несколько раз. Во Франции около 30 тыс. бывших католиков и атеистов (включая отдельных активистов компартии), приняв ислам, образовали еще в 1985 г. Национальную федерацию мусульман Франции.

Взлет исламизма по всему Востоку, от Марокко до Филиппин (не исключая Кавказа и Средней Азии), породила исламская революция 1978–1979 гг. в Иране, влияние которой объективно усилила война 1979–1989 гг. Советской армии против исламистов Афганистана. Следует обратить внимание на то, что революция в Иране развивалась по схеме, впоследствии реализованной (и реализуемой в наши дни) в самых разных регионах мира ислама. Везде происходило одно и то же:

1) непрерывный вследствие «демографического взрыва» рост немощных социальных низов города и деревни, составляющих в большинстве стран ислама до 30–40% активного населения;

2) маргинализация и обнищание этих слоев вследствие экономической и технологической отсталости, стихийной свехурбанизации, низкой квалификации, нехватки капиталов и рабочих мест;

3) чудовищная коррупция – основная база перерастания бюрократии стран ислама в бюрократическую или паразитическую буржуазию, а также – свехобогачения всех причастных к власти;

4) как следствие этого – перманентная социальная свехнапряженность, обостренная за последние десятилетия общим повышением грамотности и относительного уровня социального и гражданского самосознания, развитием СМИ и Интернета, резко повысивших степень информированности населения. К этому надо добавить возросшую роль женщин в арабском обществе, прежде всего – в странах Магриба и Египте, что проявляется в семье, в системе образования и науки, в общественной жизни.

Свою роль сыграли и субъективные факторы. Например, в Марокко к началу XXI в. безработица достигла 20% населения, но социальное недовольство не перехлестывало через край (хотя еще в 80-е годы здесь были арестованы 2 тыс. исламистов). Причина – высокий авторитет правящей династии Алауитов, возводящей свой род к Пророку Мухаммеду и сосредоточившей в своих руках и светскую, и религиозную власть, соперничество арабской и берберской фракций местной элиты, сплочение большинства жителей на противостоянии Алжиру в борьбе за Западную Сахару и Испании – в борьбе за возвращение Сеуты и Мелильи.

В Тунисе положение было лучше («всего» 17% безработных), но президент Бен Али, правивший страной с 1987 г., не обладал харизмой короля Марокко или своего популярного предшественника Хабиба Бургибы, которого он сверг, после этого превратив Тунис в полицейское государство, где и партии, и пресса, и духовенство, при Бургибе все-таки игравшие какую-то, пусть ограниченную роль, утратили всякое значение. Бен Али подавил исламистов, но это, ввиду жесткости его диктатуры, опиравшейся на спецслужбы, лишь сыграло исламистам на руку. В стране с самым высоким среди арабов уровнем образования, с очень высокой долей учившейся во Франции интеллигенции и там же воспитанных профсоюзных и научно-технических кадров, с обилием выпускников вузов, не имевших работы, годами копилось недоволь-

ство, не находившее выхода ни в СМИ, контролировавшихся властями, ни в иной публичной сфере. Но через Интернет, СМИ Франции и Италии тунисцы все знали и о фальсификациях выборов (в том числе пять раз «избиравшегося» Бен Али), и о махинациях окружения Бен Али, особенно клана его второй жены, и о коррупции в госаппарате и правящей партии. Поэтому внешне незаметно зревшее недовольство так ярко вспыхнуло после акта самосожжения молодого тунисца, протестовавшего против безработицы и произвола полиции. В результате пяти дней стычек народных демонстраций с властями все было кончено: режим пал, Бен Али эмигрировал в Аравию, правящая партия распущена. Что будет дальше, сказать трудно, ибо силы оппозиции слабы и разрозненны. Позиция армии пока не ясна. Не исключен, если не приход к власти, то, по крайней мере, выход на политическую авансцену исламистов, лидер которых, Рашид Ганнуши, вернулся из Лондона. По сути дела, он сейчас – единственный в стране политик «с именем». Косвенно на начавшееся в стране «сведение счетов» указывают 24 тыс. беженцев из Туниса в Италии. Короче, положение в стране весьма нестабильно.

Иначе развивались события в Египте, где уровень жизни и образованности народа был намного ниже, чем в Тунисе, где «гамаат исламийя» (исламские ассоциации) объединяли миллионы молодых людей, а десятки тысяч из них входили в откровенно террористические группы экстремистов. Президент Хосни Мубарак, сменивший в 1981 г. убитого ими Садата, вел с исламистами ожесточенную и в целом успешную борьбу. Однако масштабы недовольства соответствовали масштабам страны с 85 млн. населения, справиться с ним было трудно, тем более что социальная поляризация и социальные противоречия в обществе росли очень быстро, так же, как и воздействие на общественное мнение неурегулированности ближневосточного конфликта, многими египтянами еще с середины XX в. принимаемого близко к сердцу, и сверхобогатения «жирных котлов», как именуют в Египте буржуазно-бюрократическую верхушку. Примером такого обогащения был сам Мубарак, обладатель то ли 40, то ли 70, то ли всего 1 млрд. долл., нажитых в основном от «процентов» с военных контрактов. Известно, что это весьма распространенная форма наживы арабских военных: в Алжире уже в 1970–1980-е годы многих высших офицеров называли «месье дис» (за получение ими 10% с каждого контракта государства с той или иной фирмой).

В этих условиях странно не то, что Мубарак в конце концов потерял власть, а то, что он продержался у власти 30 лет. Это объясняется его умением маневрировать внутри и вне страны, прагматизмом и выдержкой. Но он был вынужден уйти, несмотря на то, что его сугубо взвешенная и компромиссная политика по большому счету устраивала многих, в том числе за рубежом (включая Израиль и США). Однако напор недовольных масс снизу был достаточно силен. Мубарака поэтому сменил Высший военный совет во главе с фельдмаршалом Мухаммедом Хусейном ат-Тантави, символизирующий власть армии, которая с самого начала волнений придерживалась нейтралитета. Но в таком случае встает вопрос: а можно ли называть то, что произошло в Тунисе (где армия также заняла позицию «невмешательства») и Египте революцией? «На всем Ближнем и Среднем Востоке, – отметил в этой связи президент Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановский, – армия занимает ключевые позиции в режимах. В Египте она у власти почти шесть десятилетий. И Гамаль Абдель Насер, и Анвар Садат, и Хосни Мубарак – все это армия. Поэтому сейчас мы имеем дело всего лишь с изменениями властных полномочий в рамках существующего режима».

Информация, поступившая впоследствии из Туниса, Каира и прочих арабских столиц, лишь подтверждала данную оценку. Но если она верна, то невольно напрашивается следующий вопрос: а почему это так? Ведь для массовых народных волнений в арабском мире, как мы уже отмечали, действительно были серьезные основания. И движения протеста в этих странах были вполне закономерны и неизбежны, особенно сейчас, когда до 40–50% их населения составляет молодежь 15–30 лет, в большинстве своем имеющая начальное и среднее образование, недовольная не только массовой безработицей, но и невозможностью реализовать свои завышенные ожидания, порожденные знакомством с жизнью Запада как через Интернет, социальные сети «Фейсбука» и «Твиттера», так и через личные контакты: только в Европе постоянно находятся (работают, учатся, занимаются бизнесом) до миллиона тунисцев, а непосредственно Тунис ежегодно посещают несколько миллионов западных туристов.

Но молодежь, эта ставшая «преобладающей в обществе наиболее пассионарная, нетерпеливая и решительная часть населения», созрела для выражения своего протеста в социальном, эмоциональном и психологическом плане, но не была к этому готова организационно, политически и идеологически. Светская оппози-

ция была слаба и разъединена, а часть ее даже признавала необходимость единения с наиболее жестоко преследуемыми исламистами как с единственной силой, способной «мобилизовать народ». Возникавшая таким образом перспектива массового восстания под руководством исламистов серьезно беспокоила правящие круги Запада, в целом поддерживавшие правящие режимы в Тунисе и Египте, но в то же время хорошо информированные и о настроениях египтян и тунисцев, и о постепенном размывании социальной базы слишком «засидевшихся» у власти Хосни Мубарака и Бен Али. Ставка на них становилась все менее надежной. К тому же, рост влияния исламистов во всех арабских странах за последние годы общеизвестен, как и ширящиеся масштабы их взаимодействия. Это касается, прежде всего, Алжира, где две умеренно-исламистские партии – «Движение общества за мир» (ДОМ) и «Нахда» входят в правящую коалицию и вместе с «Движением за национальную реформу» регулярно собирают 15–20% голосов избирателей и имеют своих депутатов в парламенте, а примерно 1 тыс. исламистов-экстремистов из группировки «Аль-Каида исламского Магриба» продолжают вооруженную борьбу против режима на северо-востоке страны и в Сахаре.

Вместе с тем в Египте и Тунисе исламисты не так «на виду», как в Алжире, что и заставляет опасаться их гораздо больше в связи с непредсказуемостью и скрытностью действий их подполья, о котором мало что известно, но в наличии и весомости которого мало кто сомневается. Это – проблематика одного из основных за последние 30–40 лет конфликтов, противопоставивших Запад с его многосторонней и всеобъемлющей глобализацией и Восток, выдвинувший против Запада в качестве основного аргумента исламизм, или политический ислам.

В мире нет единого мнения по поводу взаимоотношений глобализации и политического ислама. Часть исследователей, трактуя глобализацию как нормальный процесс усвоения Востоком высокотехнологичной цивилизации Запада, делает упор на адаптацию исламистов к этому процессу и использование его в своих интересах. Другие считают, что на самом деле исламисты ведут против Запада непримиримую войну, отвергая какую-либо вестернизацию. На деле имеет место то, и другое.

Глобализация отвоевывает у исламизма на Востоке лишь некоторые позиции в сфере экономики и новейших технологий (в том числе военных), но встречает ожесточенное сопротивление в сфере политики, идеологии и духовной жизни. Воспринимая ее

как продолжение тысячелетней экспансии Запада, посягающего на их самобытность и религию, мусульмане поддерживают в большинстве своем исламистов как защитников своей веры, образа жизни, нравов, обычаев и мировоззрения. Этому способствует традиция противоборства ислама и христианства в эпохи арабских завоеваний, Крестовых походов, корсарства и колониализма. К тому же, глобализация сегодня в глазах мусульман – главная причина экономических и социальных трудностей, особенно – обнищания огромных масс городских и сельских маргиналов, доля которых во многих странах Востока, прежде всего, мусульманских, превышает 40%. А они – основная социальная база политического ислама от Сенегала до Филиппин, обещающего решить все проблемы созданием «подлинно» исламского государства с Кораном в качестве конституции. Это движение усиливается также за счет многомиллионных мусульманских диаспор на Западе, являющихся для исламистов источником финансовых средств, а также – политического, социального, организационного и технического опыта. Важен также фактор присоединения к исламистам (не по религиозным, а по политическим соображениям) части интеллектуальной элиты мира ислама, в том числе – воспитанной в университетах Запада.

Сейчас можно сказать, что глобализация в привычном для нас смысле «вестернизации» сталкивается на Востоке с более скрытой, но не менее реальной «глобализацией исламизма» или политического ислама. Между ними действительно идет война. На стороне первой – экономическая и финансовая мощь, военно-силовое превосходство (пока) и т.п. Но на стороне второй – умелое наращивание тех же самых преимуществ и, сверх того, все более эффективное использование объективных слабостей Запада, который может привлечь к себе главным образом сытых и благополучных людей Востока. Но там гораздо больше неблагополучных, нуждающихся в социальной справедливости и готовых сражаться за нее. Получив поддержку значительной части имущих слоев (а она есть уже сейчас), исламисты имеют шансы на успех, если военная борьба с ними не будет сопровождаться радикальными переменами в экономике, культуре, социальном и политическом развитии мира ислама.

Однако, судя по всему, особенно – по событиям последнего времени, Запад, хоть и пытается как-то содействовать социально-технологическому и хозяйственному обновлению Востока (на что указывает хотя бы Барселонское соглашение 1995 г. об оказании

всесторонней помощи арабским странам Средиземноморья), но все же предпочитает, во всяком случае – в арабском мире, действовать традиционными силовыми методами. Причина – в стремлении сохранить сложившуюся за века модель неравноправных отношений с Востоком, закрепить финансовый, военный, научно-технологический и прочий контроль над ним. Тем более что социально-экономическая обстановка на Востоке меняется медленно, сопровождаясь кризисными явлениями, часто – хаосом, «ломкой прежних социальных устоев, столкновением традиционного или неотрадиционного мышления и поведения с новыми ценностями, которые приходят в основном с Запада». За всеми этими переменами, тем более – за сопровождающими их сдвигами в социальной психологии и настроениях масс, не успевают ни восточные политики, ни западные аналитики. Отсюда – непродуманность, неосновательность, запоздалость (а иногда, наоборот, торопливость) действий и выводов и тех, и других.

В Египте и Тунисе, где многое решила позиция армии, сориентированной на помощь и технологию Запада, а также – прозападными кругами интеллигенции и студенчества, эта неосновательность проявилась минимально, главным образом – в уже упоминавшейся незавершенности произошедших «полуреволюций», которые произвели лишь смену прежних правителей, но не функционировавших при них режимов. В еще большей степени эта неосновательность продемонстрирована была Западом в Ливии и Сирии.

Здесь надо еще раз оговориться: в Ливии и Сирии, как и в прочих арабских странах, были и есть поводы для социального недовольства и политического протеста. Однако и это недовольство, и этот протест приняли странные формы, порожденные, как и в Египте и Тунисе, активным вмешательством извне. Только в Египте и Тунисе оно было, если можно так выразиться, более компетентным и основанным, очевидно, на хорошей информированности спецслужб Запада. Чего, судя по всему, не было ни в Ливии, ни в Сирии. Но США и их союзники явно опасались, с одной стороны, народных восстаний под предводительством и контролем исламистов, с другой – ослабления своих позиций в регионе вследствие усиления влияния конкурентов. Известны постоянные опасения США и Израиля в отношении воздействия на события в арабском мире Ирана, имеющего множество сторонников среди шиитов Ирака, Бахрейна, Ливана, поддерживающего движение ХАМАС среди палестинцев и являющегося союзником Сирии. Не

меньше забот доставляет Западу Китай, проявляющий в последние годы интерес к арабским странам, в которых множатся контракты с Китаем и постоянно растет количество китайских бизнесменов, учащихся, технического персонала, специалистов в самых разных областях.

Наконец, не так быстро, как хотелось бы, но все же восстанавливает свои позиции в арабском мире и Россия, только за последний год сыгравшая позитивную роль в преодолении раскола среди палестинцев и активизировавшая сотрудничество с Алжиром и Ливией в нефтегазовой сфере, в области морского транспорта и военно-технической кооперации. Назвав это сотрудничество «стратегическим» и «доверительным» во время своего визита в Алжир в октябре 2010 г., президент Медведев подчеркнул, что оно вышло на новый уровень. Неслучайно Алжир входит в тройку основных наших торговых партнеров в Африке. И так же неслучайно Запад особенно воспылил гневом против Каддафи, когда тот в марте 2011 г. заявил, что готов изгнать всех западных инвесторов и заключать контракты лишь с фирмами Индии, Китая и России.

Очевидно, вся сумма вышеперечисленных обстоятельств и негативное отношение к антимонархисту Каддафи союзников США среди нефтедобывающих монархий Персидского залива (объективно – конкурентов Ливии) и некоторых лидеров Европейского союза, как и давняя вражда США к Сирии, уже более 40 лет упорно отвергающей «рекомендации» Вашингтона, побудили Запад поторопиться с открытой поддержкой антиправительственных выступлений в Ливии и Сирии.

В Ливии. это надо подчеркнуть, почти отсутствовали экономические причины для недовольства. В стране не было нищих и безработных. Наоборот, в ней постоянно трудилось до 1,5 млн. иммигрантов из разных стран (чаще всего из Египта, Туниса, Албании, но были также турки, курды, а в последнее время – уроженцы Тропической Африки). Дешевое жилье, доступные образование и здравоохранение, прекрасные дороги (некоторые из них были построены еще итальянцами, до 1970 г. игравшими в стране заметную роль), самые крупные в Африке запасы нефти – такова была социальная реальность Ливии, в которой ВВП на душу населения составлял 12 тыс. долл. Однако в стране сохранялось племенное деление, влияние вождей племен и остатков всемогущих до 1969 г. суфийских братств, Особенно это относится к братству Сенусийя, влияние которого всегда распространялось и за пределы Ливии. К тому же оказалось, что часть племен, особенно на востоке стра-

ны, были недовольны распределением доходов от нефти, считая себя обделенными. Были и другие проблемы: недовольство получивших образование на Западе, возмущение молодежи, обычное для всех арабских стран (но не очень ярко выраженное в Ливии), коррупцией и информационной закрытостью страны, странности Каддафи, державшего в руках всю власть, не занимая никаких официальных постов и теоретически отвергая, вполне в духе прочитанных им Михаила Бакунина и Петра Кропоткина, государство как нечто враждебное «человечности».

Неудивительно поэтому, что «когда Тунис и Египет показали успешные примеры свержения прежних правителей, молодежь, объединенная информационными технологиями, вышла на улицы. Знамя восстания подхватили исламисты, «недовольные светскими устремлениями Каддафи» Прочитанный тезис А.М. Васильева нуждается в комментариях. Во-первых, показательно, что события в Ливии начались именно после того, как успешно были отстранены с помощью выступлений «молодежи, объединенной информационными технологиями», Мубарак и Бен Али. Этот опыт решено было применить и в Ливии. При этом, если в Египте и Тунисе западные советчики, во многом направлявшие стихийно (?) начавшиеся выступления молодежи, все же старались держаться в тени, то в Ливии они уже открыто выступили против легитимного правительства страны, опираясь не столько на молодежь, сколько на гораздо более враждебные Каддафи группы исламофилов. При этом их не смутило то обстоятельство, что эпицентром восстания стал восток страны, где в свое время было особенно сильно влияние братства Сенусийя и где было больше всего и исламистов традиционного толка, и монархистов, не простивших Каддафи свержения короля Идриса, бывшего одновременно главой сенуситов. Более того, западные державы и их сторонников в Ливии не насторожило и наличие среди повстанцев активистов «Аль-Каиды», использовавшей каждый повод для усиления своей деятельности в Магрибе.

Как представляется, в данном случае Запад готов снова наступить на «афганские грабли», забыв о том, что поддержка им исламистов в Афганистане в 1979–1989 гг. привела не просто к подъему исламизма во всем мире, но к взрывам посольств США, к распространению терроризма исламо-экстремистов практически на весь мир, особенно после их печально знаменитой авиа-атаки на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 г. Недаром в Конгрессе

США в июне 2011 г. был поднят вопрос о прекращении «войны» в Ливии, уже стоившей за три месяца операций 715 млн. долл.

Однако Каддафи оказался крепким орешком. Его войска довольно быстро доказали свое превосходство над менее многочисленными и организованными повстанцами. Да и поддержку народа, особенно на западе страны, Каддафи сохранил. В этих условиях лишь удары авиации НАТО по войскам Каддафи и вообще по городам, которые он контролировал, да открытая помощь Запада спасли повстанцев от разгрома. Военные действия приняли затяжной характер, а вмешательство Запада во внутривосточный конфликт, официально прикрывавшееся заботой о «демократии» и «недопустимости антинародных репрессий», все более выглядело как нарушение международного права и агрессия явно в духе, казалось бы, давно забытого колониализма старых времен. Мало кого обманывают «сожаления» НАТО «о потерях среди мирного населения» и обещания «впредь проявлять крайнюю осторожность». Это не вяжется ни с тайной засылкой в Ливию (по израильским данным) «спецназовцев» Англии и США, ни с планируемым НАТО вводом войск в Ливию.

Чем бы ни закончились события в Ливии, они ясно дали понять, что никакой народ нельзя «осчастливить», если он этого не хочет и готов мужественно сопротивляться обстрелам и бомбардировкам. Кроме того, выявилось и различие между поколениями «революционеров» и «бюрократов» среди арабских правителей. И Мубарак, и Бен Али – во многом пленники «своей» среды, т.е. своего истеблишмента и окружавшей их бюрократии. И когда среда отказала им в доверии, они вынуждены были уйти. Наоборот, Каддафи – последний из могикан старого поколения арабских революционеров, сметавших в середине XX в. колониальные и монархические режимы. Каддафи начинал вместе с Насером, Бургибой, Бен Беллой. Он – не бюрократ и не коррупционер, он – борец по натуре, не привыкший отступать; будучи идеалистом, он заражал своим идеализмом многих, что, очевидно, тоже сыграло немаловажную роль в его многомесячном сопротивлении НАТО.

В какой-то мере на Ливии сказался и пример соседнего Алжира, уже более 20 лет успешно противостоящего как напору исламистов, так и нажиму США. В гражданской войне 1992–2002 гг. здесь погибли свыше 200 тыс. человек. И хотя война считается оконченной, отдельные группы исламистов пытаются ее продолжать, особенно в Сахаре. Однако режим в Алжире, хоть и жесткий и без колебаний подавляющий любые мятежные выступления, все

же находит способы смягчения и даже урегулирования во многих случаях внутренних противоречий, добиваясь ослабления и социальной, и этнической напряженности. Президент Абд аль Азиз Бутефлика, уже 12 лет правящий страной (что у многих алжирцев, даже некоторых его земляков, вызывает недовольство само по себе), проявляет одновременно твердость и, когда нужно, гибкость, умело проводя политику национального примирения и согласия. В парламенте представлен весь спектр политических направлений – от националистов до исламистов и марксистов (к каковым относятся 26 депутатов-троцкистов Партии трудящихся, именующей приватизацию «грабежом народного достояния»). В стране издается 90 газет и журналов, в большинстве своем независимых и подчас остро критикующих правительство. В Алжир возвращаются ранее бежавшие от террора исламистов политические эмигранты, реабилитируются бывшие противники режима и справа, и слева. Иными словами, Бутефлика, выслушивая разные мнения и допуская в определенных пределах политический плюрализм, проводит, пожалуй, единственно возможную в нынешних условиях политику успокоения и равновесия. Поэтому волнения в ноябре 2010 – феврале 2011 г., сопровождавшиеся столкновениями с силами порядка и демонстрациями протеста, серьезных последствий не имели. Алжирцы слишком устали и от десяти лет кровопролитной гражданской войны, и от бесконечных споров различных группировок за истекшее двадцатилетие. Кроме того, они не доверяют американцам, пытавшимся поддержать в 90-е годы исламистов, дабы руками последних вытеснить из Алжира Францию.

В остальных арабских странах волнения не приняли серьезного характера, будучи в основном отголосками выступлений в Египте и Тунисе. Кроме того, Запад совершенно не был заинтересован в дестабилизации режимов в Марокко, Иордании, Бахрейне. Другое дело – Сирия. Здесь, судя по всему, США и их союзники планировали повторить ливийский вариант.

Сирия – центр многих противоречий и проблем, лежащих в основе ближневосточного кризиса. США, высадив свои войска в Афганистане в 2001 г. и Ираке в 2003 г., предполагали реализовать свой план передела «Большого Ближнего Востока», установив тут удобные им порядки. Однако за прошедшие годы мало что изменилось. В Афганистане по-прежнему сильны талибы и «Аль-Каида», в Ираке, превратившемся в гнездо исламэкстремизма, в 2004–2009 гг. погибло 109 тыс. человек, в том числе 66 тыс. гражд-

данских лиц. Причем гибнут там не только арабы от рук американцев (и наоборот), но и сунниты от рук шиитов (и наоборот), курды – от рук постоянно вторгающихся в Иракский Курдистан турецких войск, простые граждане – от рук сил безопасности и «эскадронов смерти», часто убивающих людей по этноконфессиональному признаку. Естественно, вакханалия всеобщего террора в Ираке привела к наплыву в Сирию беженцев из Ирака, особенно курдов, а также – отступивших на территорию Сирии отрядов моджахедов (бойцов джихада) из самых разных стран. Все это негативно влияло на экономическую и социальную ситуацию в стране, меняло соотношение сил между этническими и религиозными общинами, обостряло отношения между ними. В то же время Сирия вызывала негативное к себе отношение на Западе, особенно в США и Франции, ввиду ее военно-политического господства в Ливане в 1976–2005 гг., что было связано «с существенным ограничением властной роли маронитов», ранее доминировавших в экономике и политике Ливана с опорой на помощь Запада, и ростом влияния суннитов, шиитов и друзов. Более того, по Таифскому соглашению 1989 г. президент Ливана (маронит) должен был назначать и смещать министров по согласованию с Палатой депутатов, в которой число мест от христиан и мусульман уравнивалось (а раньше делилось в соотношении 6:5). Марониты фактически потеряли свое прежнее господство в стране, что ослабило позиции Запада. На выборах в мае–июне 2005 г. сунниты получили 36 мест депутатов, христиане (в основном марониты) – 33, шииты – 29, а друзы – 15. В результате шииты, сунниты и друзы стали играть более важную роль в стране.

В то же время в самой Сирии после вынужденного (под давлением мирового общественного мнения и почти всех общин Ливана) вывода из Ливана сирийских войск в 2005 г. режим партии Баас оказался под угрозой. В стране усилились исламистское подполье и оппозиция со стороны суннитского духовенства, оживились протестные настроения друзов, вытесненных из политики господствующей общиной алавитов, а также – «элементы отчуждения доминирующей алавитской группировки от основной массы единоверного населения». Всем этим и решили воспользоваться противники режима, вдохновленные явной поддержкой Запада (в США даже были опубликованы данные о суммах, затраченных на подрывную деятельность в Сирии), а также ходом событий в Египте, Тунисе, Ливии и Йемене (где в марте–мае 2011 г. тоже казалось, что режим вот-вот падет). Первые удары оппозиционеры

(скорее – заговорщики) нанесли в Дераа (на юге страны, в округе Сувейда, где 87% жителей – друзы, а 11% – христиане, в основном лояльные режиму) и в Латакии, где на 12% христиан приходилось 62% алавитов. Расчет явно был на поддержку обиженных алавитами друзов, на внутриобщинные противоречия среди самих алавитов и на создание сумятицы в районах с населением, пестрым в конфессиональном отношении.

Власти Сирии подавили эти выступления, но они в дальнейшем повторились как в упомянутых выше округах, так и в Дамаске и других городах. Президент Башар Асад заявил о готовности к реформам в сферах экономики и политики, даже пошел на уступки оппозиции, выпустив на свободу многих политзаключенных. Однако наладить диалог и достичь компромисса явно не входило в планы мятежников (а также тех, кто стоял за их спиной). Под видом мести за репрессии властей они стали систематически отстреливать служащих армии и полиции, пользуясь при этом, как стало известно, помощью неких «единомышленников», прибывших из Турции. Возможно, речь шла об «идейных» исламистах, ныне очень усилившихся в Турции, которые не приемлют социалистическую и светскую идеологию партии Баас, возможно, о сирийских «Братьях-мусульманах», бежавших за рубеж после их разгрома в 1982 г. отцом нынешнего президента. Не исключена и причастность к этим акциям наиболее «исламизированной» части палестинских беженцев и курдов из Ирака, из которых некоторые давно стоят на прозападных позициях и лишь укрепились на них после 2003 г. По слухам, доля курдов в Сирии возросла в последние годы (за счет беженцев от репрессий в Турции и войны в Ираке) и ныне составляет до 15%. Косвенно на наличие этой проблемы указывает ускоренное предоставление сирийского гражданства многим курдам, его не имевшим, в апреле 2011 г.

Стычки мятежников с полицией и войсками продолжались и в последующие месяцы. Создалось впечатление, что все они, как и события в Египте, Тунисе, Ливии, Йемене, являются частью единого плана по дестабилизации существующих режимов на Ближнем Востоке и замене их новыми, более устраивающими Запад. Вполне возможно, что это и есть реализация проекта перестройки «Большого Ближнего Востока». Ведь одновременно с событиями, о которых шла речь выше, США продолжали укреплять свои позиции: ликвидировали на территории Пакистана (даже не информируя власти этой страны) главу «Аль-Каиды» Усаму бен Ладена,

объявили о предстоящем выводе своих войск из Афганистана и Ирака.

Во многом это – скорее жесты, рассчитанные на предвыборный марафон в США, чем серьезные действия. Бен Ладена заменил весьма опытный, фактически давно руководящий «Аль-Каидой» 60-летний египтянин Айман аз-Завахири, а вывод войск – не более чем пропагандистская акция, ибо войска, в общем-то, остаются и речь идет не более чем об их ротации. В частности, в Ираке предполагается сохранить 15 представительств и 17 тыс. сотрудников, а посольство США в Багдаде будет насчитывать до 8 тыс. человек, включая военных, на что только в 2012 г. США потратят 7 млрд. долл. (официально – «в связи с выводом американских войск из Ирака!»). Иными словами, как сказал сопредседатель группы Совета Федерации РФ по сотрудничеству с Национальной ассамблеей Афганистана Р. Искужин, тем самым сохранится «своеобразная форма военного присутствия на послевоенный период». А в Афганистане США тоже собираются и после 2014 г. (т.е. предполагаемой даты вывода войск) держать «25 тыс. солдат, имеющих боевой опыт». По мнению Р. Искужина, авантюры в Ливии и Сирии – «чистой воды разведпроект ЦРУ». Доказательство тому – «умелое разжигание противоречий между алавитами и суннитами», а также – «задействование курдского фактора в Сирии» и «создание Национального совета по типу ливийского».

Иными словами, США вместе с НАТО хотят «переиграть», обратить вспять важнейший революционный сдвиг XX в. – освобождение арабов, да и прочих народов Востока, от колониальной зависимости. При этом речь идет уже не о неоколониалистских формах зависимости (экономической, финансовой, технологической, в области науки, культуры, здравоохранения и т.п.), а о возврате к традиционному колониализму с установлением над наиболее непокорными арабскими странами прямого военного и административного контроля, с превращением местных правительств фактически в марионеток Запада. Скорее всего, из этого ничего не выйдет. Но опасность подобного ренессанса киплинговского «бремени белого человека» очевидна.

Трудный опыт арабского мира конца 2010 – первой половины 2011 г. показывает, что в наше время новейших информационных технологий, социальных сетей и средств связи, многократно умноживших свое воздействие на сознание людей, их мнения, представления и образ мысли, буквально удесятерились возмож-

ности прямого влияния более развитых государств на социально-политическую ситуацию в странах менее развитых. Благодаря этому, ведущие державы мира могут без единого выстрела создать в странах, уступающих им по уровню научно-технологического, экономического и культурного развития, соответствующую обстановку с последующим навязыванием угодной этим державам политики. Это – новый фактор, во многом меняющий характер международных отношений и ставящий под вопрос не только устав ООН, но и основополагающие принципы устройства мира после 1945 г. Арабские страны, имеющие наиболее давние, многообразные и подчас остро конфликтные противоречия с державами Запада, первыми ощутили на себе действие вышеуказанного фактора.

«Зарубежный Восток и современность: Тридцать лет спустя (1980–2010)», М., 2011, с. 27–39.

В. Кириченко,

востоковед

**ШИИТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
АРАБСКИХ СТРАН (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX –
НАЧАЛО XXI в.)**

В последние годы одной из причин напряженности внутриполитической обстановки в арабских странах стали межконфессиональные разногласия. В ряде стран обострилось соперничество между суннитской и шиитской общиной. Возникновение этих общин связано с доисламскими традициями арабов. В доисламский период Аравийский полуостров был населен многочисленными арабскими племенами. Во главе племен стояли вожди, власть которых, в соответствии с древней традицией, передавалась по мужской линии: старшему сыну или брату. После возникновения ислама главой мусульманского сообщества стал Пророк Мухаммад (570–632). После смерти Пророка, в связи с тем, что он не оставил после себя наследника, мусульмане признали главой общины его ближайшего сподвижника Абу Бакра (время правления 632–634), который стал первым из четырех «праведных халифов» (ал-хулафа ар-рашидун). Его преемниками стали последовательно Умар ибн ал-Хаттаб (634–644) и Усман ибн Аффан (644–656). При последнем проявилась слабость Арабского халифата, усилились сепаратистские тенденции. Халиф был занят главным образом раздачей земель своим родственникам, а не сохранением целостности госу-

дарства. После гибели халифа (656) от рук недовольных мусульман одна группа мусульман поддержала вновь избранного халифа Али ибн Аби Талиба (656–661), который был двоюродным братом и зятем Мухаммада. Другая часть общины поддержала Муавию – двоюродного брата Усмана и наместника Сирии из рода Умайя. К тому времени Муавийа уже стал сильным правителем и обладал собственной армией.

Сторонников Али (некоторые из них поддерживали Али сразу после смерти Мухаммада, считая его единственным возможным преемником по племенному праву) называли шиитами (от «ши'а» – араб. «партия»). Шииты считали, что управлять халифатом может только человек из рода Пророка Мухаммада. Свое право на халифат Али пришлось отстаивать в бою. Однако ему не удалось сохранить свою власть, несмотря на кровное родство с Пророком. Халифат перестал быть единым целым, ибо наместники провинций дистанцировались от центральной власти в Медине. Разногласия по поводу природы власти привели к расколу среди мусульман. С течением времени в исламе возникли суннитский и шиитский варианты вероучения.

По мнению большинства источников, в настоящее время шииты составляют 10% всех мусульман. Наиболее многочисленная община проживает в Иране: 80% из 60 млн. иранцев относятся к шиитам-дванадесятникам, или имамитам, остальные иранцы – сунниты и представители других конфессий. В соседнем Ираке шииты предположительно составляют 60% населения. Крупные шиитские общины существуют в Ливане (30%), в Турции. Кувейте, Бахрейне и Объединенных Арабских Эмиратах. В трех последних государствах вместе взятых шиитов насчитывается 48%, что объясняется ирано-пакистанской иммиграцией, среди населения Саудовской Аравии (район Эль-Хаса) шиитов 10%, в Пакистане и Афганистане – более 20%.

Исламская революция 1979 г. в Иране оказала огромное влияние на активизацию шиитов в арабских странах. Испытывая симпатию к новому режиму, шииты, проживающие в арабских странах, сначала стали проявлять солидарность со своими единоверцами в Иране, а затем заявили об ущемлении своих политических прав и стали более решительно участвовать в общественной жизни. Большой резонанс получили разрыв Ираном контактов с Израилем, с США, Египтом, признание и поддержка Палестинского движения сопротивления, выход из СЕНТО и вступление в ряды Движения неприсоединения. Меры, принятые Тегераном про-

тив Израиля, были с ликованием встречены шиитами, проживавшими на юге Ливана и особенно страдавшими от действий израильских оккупантов.

Долгое время шииты были отстранены от участия в политической жизни практически во всех арабских странах. В Ливане проживает довольно многочисленная шиитская община. В 30-е годы, когда проводилась перепись населения, арабы-христиане (марониты) и арабы-сунниты занимали по численности первые два места среди конфессиональных общин. Численное превосходство позволило маронитам, благодаря принятой в Ливане конфессиональной системе политического управления, занять ведущее место в административной структуре государства, тем более что верхушка этой общины, связанная с западным капиталом, сосредоточила в своих руках основные богатства страны. По данным Института арабского мира, мусульмане Ливана представлены суннитской, шиитской и друзской общинами, составляющими 60% населения страны. Из них: шииты – 32%, сунниты – 21, друзы – 7%. В настоящее время шиитская община имеет значительное представительство в парламенте. Места в ливанском парламенте котируются по конфессиональному принципу, половина мест принадлежит христианам, половина мусульманам (по 27 – шиитам и суннитам). При этом президент должен быть маронитом, председатель Палаты депутатов – шиитом, а премьер-министр – суннитом. В середине 70-х годов шиитское присутствие стало особенно заметным в связи с гражданской войной в Ливане, участниками которой (не считая палестинцев) оказались христиане-марониты, а также друзы и сунниты.

Вплоть до 1975 г. во главе шиитов стоял Высший духовный совет, который решал как светские, так и религиозные проблемы. Именно тогда шейх Муса Садр (уроженец Ирана, прибыл в Ливан в 1960 г.) создал организацию «Амаль», которая взяла на себя функции военно-политического характера, оставив религиозные вопросы за Советом.

Внимание Ирана к своим единоверцам в Ливане можно объяснить прежде всего тем, что здесь сложилась ситуация, в условиях которой, с точки зрения Ирана, можно было наиболее успешно реализовать провозглашенные исламской революцией идеи. Очевидно, что в тот период в соседнем Ираке, несмотря на то что здесь проживает значительная шиитская община, подобная пропаганда была бы невозможной: баасистский режим пресек бы на

корню все попытки распространения идей шиитской революции. Дальнейшие события подтвердили наше предположение.

Шииты появились на политической арене Ливана в тот момент, когда в ход гражданской войны вмешались внешние силы – сначала израильтяне, изгнавшие из страны отряды палестинского сопротивления, а затем прибывшие для «наведения порядка» американские и французские войска. Именно тогда шииты энергично выступили против интервентов, в частности, в 1983 г. шиитские смертники – шахиды – ворвались на автомашинах в здание посольства США в Бейруте.

Шииты Ливана добились больших успехов в утверждении статуса своей общины в политической сфере. Это стало возможным благодаря тому, что государственный строй и политические институты в стране, основываются на конфессиональном принципе разделения власти между различными этническими и религиозными общинами. Однако этот процесс занял определенное время. Нынешняя структура власти была создана в 1989 г., когда Национальная ассамблея (парламент) приняла решение о проведении политических реформ в Ливане. В результате преобразований в парламентской системе «власть передавалась от президента (маронита) правительству. Министерские портфели делились поровну между христианами и мусульманами. Прерогативой президента оставалось назначение премьер-министра (суннита) при проведении соответствующих консультаций с Национальной ассамблеей и председателем парламента. Председатель Национальной ассамблеи (шиит) наделялся большими полномочиями, чем ранее». В парламент вошли представители движения «Амаль» и друзья.

Ливанская шиитская организация «Хизболла», созданная в 1982 г. по инициативе Ирана для того, чтобы противостоять тенденции замыкания шиитов в национальных рамках, хотя и продолжает оставаться в хороших отношениях с Ираном, становится все более независимой от него и играет немаловажную роль в ближневосточной политике. Тем не менее иранские революционеры-шииты не оставляют своим вниманием шиитов в других арабских странах. Их особое внимание к соседнему Ираку было определено целым рядом факторов: это наличие в этой стране значительного числа единоверцев и их угнетение баасистами (суннитами), наличие в Ираке гробниц, священных для шиитов всего мира, а также наличие нерешенных политических проблем (в том числе территориальных). Стремление руководства Ирака предотвратить экспорт исламской революции стало, несомненно, одной

из главных причин длительной ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Кроме того, Багдад хотел разрешить в свою пользу спор по поводу нижнего течения реки Шатт-аль-Араб и островов в Персидском заливе.

Социально-политический аспект шиитской проблемы в Ираке состоит в том, что здесь шииты традиционно занимали подчиненное положение, хотя и были большинством среди мусульман. С конца 70-х годов правительство Ирака ужесточило борьбу против подпольных шиитских организаций, выступавших против режима правящей партии Баас. После ее прихода к власти в 1968 г. правительство ввело цензуру на религиозные публикации, закрыло ряд исламских учебных заведений, в том числе шиитский теологический колледж в Эн-Неджефе. В конце 1974 г. конфронтация шиитов с властями стала очевидной. В феврале 1977 г. состоялись массовые демонстрации протеста шиитов, закончившиеся столкновениями с полицией. Последовали репрессии властей против шиитских религиозных деятелей, что заставило главу иракских шиитов аятоллу Мухаммада Бакир ас-Садра издать фетву, в которой баасистский режим был объявлен антиисламским. В 1979 г. власти арестовали ас-Садра. В тот же день на улицы Багдада, Басры, Диялы, Самавы, Кербелы и других городов вышли тысячи разгневанных шиитов, в Неджефе по призыву шиитских религиозных авторитетов закрылся городской базар, имели место схватки населения с полицией. Властям пришлось освободить шиитского лидера. Баасистская верхушка поняла, что он представлял для правящего режима угрозу. Уже в следующем году он был снова арестован и казнен по приговору Особого трибунала.

В марте 1980 г. декретом Совета революционного командования Ирака (СРК) – высшего органа власти – старейшая шиитская политическая организация – партия «Да'ва» – была запрещена, а членство в ней, даже для тех, кто уже вышел из нее, стало караться смертной казнью. В ответ боевики «Да'ва» предприняли 1 апреля 1980 г., неудачную попытку покушения на заместителя премьер-министра Тарика Азиза. После этого С. Хусейн приказал депортировать из Южного Ирака в Иран тысячи иранских граждан, проживавших в Ираке, а также иракских граждан (шиитов) иранского происхождения. Всего же с конца 70-х годов в Иран было депортировано около 200 тыс. шиитов.

В сентябре 1980 г. иракская армия вторглась на территорию соседнего Ирана. По продолжительности, задействованным ресурсам и человеческим жертвам (500 тыс. иранцев и 250 тыс. иракцев)

этот конфликт историки относят к крупнейшим военным конфликтам, произошедшим после Второй мировой войны. Р. Лаконтр, корреспондент французской газеты «Фигаро», писал в сентябре 1980 г.: «Война, развязанная Багдадом, преследует четыре цели:

1. Дать взбучку своему извечному врагу, а также своему вчерашнему противнику, который в течение 15 лет поддерживал мятеж курдов...

2. Дать звонкую пощечину Хомейни, который провоцировал волнения среди шиитского населения страны, в то время как власть находится в руках суннитов.

3. Аннулировать уступки, сделанные шаху, т.е. вернуть несколько отдельных участков земли, а также контроль над восточным берегом реки Шатт-аль-Араб на протяжении последних 50 км ее течения, перед впадением в море.

4. Утвердиться наконец-то в роли стража Залива».

Шиитская община Ирака в годы этой войны в целом поддержала политику Багдада, заняв, таким образом, патриотическую позицию. Это можно объяснить рядом причин: ослаблением наиболее активных сил оппозиции после казни ее духовного лидера – Мухаммада ас-Садра и массовых репрессий против шиитских боевиков; исторически сложившейся неприязнью между персами и арабами; строгим контролем правящего режима над любой политической деятельностью шиитов (например, все иракцы – учащиеся шиитских религиозных учебных заведений (медресе) – были освобождены от призыва на военную службу для того, чтобы не дать им возможность вести антиправительственную агитацию в армии); проведением политики материального и морального умиротворения шиитов в годы ирано-иракской войны.

В частности, парламент страны на 40% состоял из депутатов-шиитов, а спикером в 1980 и 1984 гг. был назначен Наим Хаддад, известный государственный деятель-шиит, член СРК и Регионального руководства ПАСВ Ирака в 1982–1986 гг.

Сложившаяся ситуация заставила консервативные арабские режимы просчитать возможные последствия от победы Ирака или Ирана. И в том и в другом случае речь шла о появлении нового регионального лидера, способного навязать свою гегемонию странам Персидского залива. Универсальным выходом представлялась поддержка США, тем более что они были заинтересованы как в арабской нефти, так и в своем присутствии в регионе. 2 августа 1990 г. Ирак оккупировал соседнее Государство Кувейт. Объясняя свои действия, С. Хусейн утверждал, что он хочет восстановить

справедливость, присоединив территорию Кувейта к Ираку, а всю операцию объявлял первым шагом к освобождению оккупированных Израилем земель. Эта трактовка встретила поддержку «арабской улицы» и лидеров некоторых арабских государств, не затронутых израильской агрессией.

На самом деле причиной нападения на Кувейт было желание С. Хусейна завладеть огромными запасами кувейтской нефти и занять место регионального лидера в регионе Персидского залива. После безуспешных дипломатических переговоров, целью которых было заставить Ирак отказаться от своих намерений, под эгидой США была создана международная коалиция, которая провела крупномасштабную военную операцию под кодовым названием «Буря в пустыне» (январь 1991 г.). Союзники нанесли сокрушительное поражение иракским войскам в Кувейте, а также в южных пограничных районах Ирака. В конце февраля 1991 г. С. Хусейн был вынужден прекратить боевые действия и признать поражение.

Весной 1991 г. в Ираке произошло самое крупное за время существования республики, т.е. с 1958 г., народное восстание против правящего режима. Оно охватило до 40% территории страны, в нем участвовали, главным образом, шииты и курды. Причиной восстания стало возмущение народа режимом С. Хусейна, приведшим страну к сокрушительному поражению в войне 1990–1991 гг., огромным человеческим жертвам и разрухе в экономике. Восстание началось 2 марта 1991 г. в шиитском городе Басра. Повстанцы захватывали правительственные учреждения, отделения партии Баас, освобождали заключенных из тюрем. От Басры восстание мгновенно перекинулось на другие города, достигнув к 5 марта священного для шиитов города Кербела с более чем 300-тысячным населением, затем города Неджеф, Диванийя, Хилла и Ханекин. Вслед за шиитами восстали курды на севере Ирака.

На подавление восстания Багдад бросил отборные армейские части, авиацию, артиллерию, танки, применил напалмовые и фосфорные бомбы и снаряды. Особенно упорное сопротивление оказывали жители Неджефа и Кербелы, где из артиллерийских орудий были обстреляны шиитские гробницы и мечети. 16 марта Багдад объявил о разгроме восстания на юге. После подавления восстания, которое сопровождалось огромным количеством жертв среди мирного населения, примерно 500 тыс. человек бежали в Иран.

Партизанская война шиитов пользовалась моральной поддержкой ведущих стран Запада и их арабских союзников, прежде

всего Саудовской Аравии и Кувейта. Однако основную помощь они получали от Ирана. Руководил восставшими «Высший совет исламской революции в Ираке» (ВСИРИ, был основан еще в 1982 г.), возглавлявшийся аятоллой Мухаммадом Бакром ал-Хакимом. В Совет, штаб-квартира которого находилась в Тегеране, входили представители пяти организаций шиитов: Организации исламского действия (ОИД); Ассоциации иракских муджтахидов; Исламского движения Ирака; партии «Да'ва», которая стремилась войти в коалицию со светскими организациями оппозиции и имела представителей в Лондоне, Дамаске и Тегеране; Исламского блока (фронта) Ирака, который издавал свой печатный орган «Исламская альтернатива».

Ситуация, сложившаяся как в Ираке, так и в Иране, вызывала раздражение в США, поэтому американская администрация, особенно после событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, разработала план жестких мер против стран, отнесенных ими к «диктаторским режимам». В их ряду Ираку отводилось ключевое место. Обоснованием подготовки США к силовой акции против Багдада служили обвинения иракских властей в несоблюдении прав человека, жестокости по отношению к своему народу, в массовом уничтожении курдов в 1988 г., в нарушении международной законности и в угрозах безопасности своим соседям, а также в связях с организацией «Аль-Каида». Но главные обвинения по-прежнему сводились к якобы тщательно скрываемому багдадским режимом факту обладания им химическим и биологическим оружием. В результате 20 марта 2003 г. войска США, Великобритании и Австралии приступили к военной операции в Ираке. Сегодня можно констатировать, что эта операция не принесла желаемых США результатов, однако шиитская проблема, как в Ираке, так и на всем ближневосточном пространстве, обострилась, вызвав к жизни солидарность сторонников этого религиозного течения.

Соседняя с Ираком Сирия традиционно считается страной, население которой исповедует достаточно умеренный ислам суннитского толка. В 70-е годы началось политическое доминирование Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), в составе которой много представителей этнонациональных меньшинств: алавитов, друзов и частично христиан. Это стало причиной возникновения оппозиционного движения внутри суннитской общины, таившего в себе реальную угрозу правящему режиму. Даже учитывая характерную для сирийского общества толерантность, было бы опасной ошибкой игнорировать определенные

этноконфессиональные интересы. Исламская оппозиция не только предлагала альтернативную ПАСВ модель развития сирийского государства, но и реально угрожала доминированию представителей алавитской общины в нем. В апреле 1964 г. в городе Хама, где были особенно сильны позиции организации «Братья-мусульмане», вспыхнул антибаасистский мятеж, который был жестоко подавлен.

После иранской революции 1979 г. Тегеран предпринимал попытки сблизиться с сирийскими шиитами, прежде всего, алавитами, предлагая посылать в Иран молодежь для обучения в теологических учебных заведениях. Однако уже скоро стало ясно, что шиитские единоверцы в Иране намеревались подчинить себе сирийских братьев. Поняв это, руководство алавитской общины Сирии дистанцировалось от Тегерана. Одновременно руководство страны стало предпринимать шаги для достижения стабильности в отношениях между различными конфессиями в стране. Однако общий подъем религиозного экстремизма, характерный для арабских стран 80-х годов, не обошел Сирию стороной. В конце 1980 г. различные религиозно-экстремистские группы создали «Объединенный исламский фронт» (ОИФ), в который наряду с другими организациями вошло наиболее воинственное крыло «Братьев-мусульман».

На протяжении нескольких лет в Сирии происходили ожесточенные вооруженные столкновения между полицией и силами безопасности, с одной стороны, и исламистами – с другой. В эпицентре этих событий оказались такие города страны, как Дамаск, Алеппо, Латакия, Хомс, Хама и др. Конец открытому противостоянию между суннитским ОИФ и режимом Х. Асада положили события в Хаме в 1982 г., когда город был окружен правительственной артиллерией и танками. После событий в Хаме в различных районах Сирии отмечались отдельные столкновения между силами безопасности страны и вооруженными группами мусульман-суннитов. Разгромив исламскую оппозицию, официальный Дамаск пошел на постепенную нормализацию отношений с некоторыми ее видными деятелями. С приходом к власти нового президента Башара Асада отношения между суннитской оппозицией и центральной властью несколько улучшились. В ноябре 2000 г. по распоряжению Б. Асада были выпущены из заключения около 400 членов группировки «Братьев-мусульман».

Численность шиитской общины Королевства Саудовская Аравия (КСА) составляет более 10% всего населения. Шииты Ко-

ролевства представлены разными течениями. Шииты Восточной провинции (60% местного населения) относятся к шиитам-имамитам. Этого же течения в исламе придерживаются и шииты, проживающие в Медине. На юге, особенно в Наджране, в племени Йам, проживают шииты-исмаилиты, зейдиты распространены в южных и западных районах страны на границе с Йеменом. Права шиитов в СА до последнего времени были строго ограничены: они практически лишены права занимать ряд высших руководящих должностей в государственном аппарате; они не могут служить в армии, службе безопасности, Национальной гвардии и полиции; для них закрыты двери военных академий и училищ. Тем не менее шииты неоднократно демонстрировали свою патриотическую позицию. В XIX в. шииты помогли королю Сауду укрепить свою власть, но в 1925–1927 гг. под давлением ихванов король ограничил права шиитов. По мнению наблюдателей, современная дискриминация напрямую связана с иранской революцией 1979 г., когда возникла реальная опасность экспорта идей Хомейни. Географическое расположение Восточной провинции позволяет принимать передачи иранских радио и телевидения на арабском языке. Кроме того, иранские паломники, прибывающие в Королевство, устраивали политические демонстрации, в ходе которых пропагандировали лозунги исламской революции. После иранской революции, уже в ноябре 1979 г., начались выступления местных шиитов в форме мирных демонстраций, тем не менее власти направили отряды Национальной гвардии для их разгона. Столь жесткое отношение к этим демонстрациям было связано с тем, что эти события произошли почти одновременно с захватом Священной мечети в Мекке. Спустя некоторое время в Королевстве появились листовки за подписью «Аль-Харака аль-исламийа» (Исламское движение). Их лозунги не носили откровенно шиитского характера, однако наблюдатели отмечали, что организация действует при поддержке Ирана. Российский исследователь В.Е. Донцов считает, что «ключевую роль в разжигании антишиитских настроений играет, по-видимому, та часть представителей официального религиозного института, которые вообще не считают шиитов мусульманами или рассматривают некоторые их обряды как величайшее многобожие {аш-ширк аль-акбар}». Кроме того, недоверие вызывают связи местных, саудовских, шиитов с Ираном. В ряде публикаций их даже считают не арабами, а выходцами из Ирана и, более того, «агентами и пятой колонной евреев и американцев».

В 1993 г. король Фахд ибн Абд аль-Азиз во время встречи с шиитскими лидерами пообещал, что более не будут допускаться никакие формы дискриминации по отношению к шиитам. Была также объявлена амнистия политическим эмигрантам, в результате чего сотни участников оппозиционного движения шиитов возвратились на родину. Французский исследователь Л. Луэр отмечает, что «понимая уязвимость своего положения в странах, где они остаются в меньшинстве, хотя и пребывая в геополитически выгодном нефтедобывающем регионе... шииты делают все возможное, чтобы не прослыть проводниками американского влияния среди соотечественников. Так, шииты КСА, по большей части проживающие в богатом нефтью районе ал-Хаса, вынуждены постоянно разоблачать имеющиеся якобы у США планы, согласно которым Саудовскую Аравию ожидает раздел, причем ал-Хаса отойдет к Бахрейну. Тем самым шииты, как и в других странах, все больше интегрируются в набирающие силу на Арабском Востоке национальные государства».

Вторжение США в Ирак и последовавшее за этим падение режима Саддама Хусейна оказали серьезное влияние на саудовских шиитов. 30 апреля 2003 г. активисты передали наследному принцу, премьер-министру Королевства Абдаллаху ибн Абд аль-Азизу документ, названный «Партнеры в Отечестве». В этом документе подчеркивается, что саудовские шииты – «исконная, неотделимая часть дорогого Отечества, которое является для них единственной Родиной и которому они беспредельно преданы». В документе от имени всех саудовских шиитов выражается серьезная озабоченность событиями, произошедшими в Ираке и на Ближнем Востоке, и надежда на то, что руководство Королевства возьмет на себя роль гаранта исламской солидарности. Одновременно авторы документа обращают внимание на неравноправное положение шиитов в Королевстве и надеются на то, что руководство страны будет рассматривать саудовских шиитов как патриотов своей страны и предотвращать все попытки их дискриминации.

Среди мусульман Иордании шииты немногочисленны – всего 3%. Это третья по численности конфессия в стране после суннитов (92%) и христиан. Согласно Конституции Иордании сунниты являются сторонниками шафиитского мазхаба. Длительное время Иордания была убежищем для граждан Ирака, вынужденных бежать от преследований Саддама Хусейна. Среди эмигрировавших были как шииты, так и сунниты; например, в августе

1995 г. зятя президента, родные братья – генерал Хусейн Камель и полковник Саддам Камель, со своими женами – дочерьми президента Рагад и Раной – бежали в Иорданию. Хусейн Камель занимал пост министра промышленности и минеральных ресурсов и считался одним из «отцов» военной программы страны, а его брат – Саддам Камель – был одним из руководителей президентской охраны.

Иранская печать утверждала, что в 2007 г. власти Иордании арестовали на своей территории 23 иракца по обвинению в «распространении шиизма» и выдворили их из страны. Внимание Тегерана к положению единоверцев в Иордании связано также с тем, что в этой стране находятся могилы Джафара Тайяра и Зейда Ибн Харриса, сахабов Пророка, особо почитаемых шиитами, которые устраивают поминальные церемонии в день Ашуры. Руководство Иордании постоянно подвергается критике в связи со стремлением поддерживать равновесные отношения как с Западом, так и арабским миром. Большой резонанс вызвало интервью газете «Вашингтон пост» Абдаллы II, короля Иордании, в декабре 2004 г., когда он предупредил об опасности создания «шиитского полумесяца, простирающегося от Ирана – через Ирак и Сирию – до Ливана». Это предупреждение было сделано накануне январских выборов в Ираке. В результате отношения между Иорданией и Ираном заметно ухудшились. На встрече министров иностранных дел стран-соседей Ирака, которая была организована в начале января 2005 г. по инициативе короля Иордании с целью координация усилий, направленных на стабилизацию ситуации в Ираке и поиск путей политического решения кризиса в этой стране, Иран отказался посылать своего министра иностранных дел. Высказывания Абдаллы о «шиитском полумесяце» вызвали волну негодования среди шиитских лидеров Ирака и послужили причиной ухудшения отношений между двумя странами. Иракские шииты организовали перед посольством Иордании в Багдаде акцию протеста. Религиозные центры в Неджефе (Ирак), назвав высказывания Абдаллы вмешательством во внутренние дела Ирака, потребовали от короля официального извинения.

Высказывание короля Абдаллы, весьма умеренного и осторожного суннитского правителя, неоднократно использовалось шиитскими религиозными деятелями, которые считают, что шииты Иордании подвергаются угнетению. В ноябре 2006 г., выступая в Лондоне перед британскими парламентариями, король призвал международное сообщество не бросать Ирак на произвол судьбы в

крайне сложное для него время. Достижение примирения в Ираке, по мнению Абдаллы II, является важнейшим приоритетом. Оно позволило бы лидерам трех основных иракских общин (шиитов, суннитов, а также курдов) найти общую почву для взаимопонимания и обеспечить условия для экономического возрождения и решения всех существующих в стране проблем. «Исторические страдания курдов и шиитов должны быть признаны, равно как и сегодняшние страдания суннитов», – сказал король. Тем не менее в последние годы иордано-иранские отношения развиваются на фоне нарастающей напряженности в ситуации вокруг Ирана и его ядерного досья и проводимой Ираном жесткой политики распространения своего влияния на соседние страны региона.

Бахрейн – самое маленькое арабское государство. Численность населения страны в 2007 г. составляла 708 573 человека, около половины – рабочие-иммигранты и члены их семей, прибывшие главным образом из Ирана; в стране много уроженцев стран Европы и Южной Азии. По некоторым данным, среди мусульман шииты составляют 75%, что объясняется значительным числом шиитов-иммигрантов. Исламская революция в Иране также повлияла на усиление политической активности шиитов в этой стране. Так, в июне 1979 г. «представитель шиитской общины Бахрейна вручил правительству страны петицию с требованием сформировать исламское правительство, запретить употребление алкогольных напитков в этой стране, носить более строгую одежду». Основные государственные посты в Бахрейне занимают сунниты, а шииты в основном стоят на низших ступенях социальной лестницы, что свидетельствует о дискриминации шиитов. С середины 90-х годов стали регулярно происходить акции протеста шиитов. Так, в сентябре 2006 г. тысячи протестующих заполнили улицы западной части Манама. Они требовали от правительства прекратить предоставление гражданства мигрантам из арабских стран, а также из Пакистана, Бангладеш и Индии, которые по своей религиозной принадлежности являются мусульманами-суннитами. Таким образом, по мнению протестующих демонстрантов, правящие власти пытаются изменить конфессиональный состав будущих избирателей. Кроме того, стало известно, что правящая династия финансирует антишиитскую пропаганду, подкупает журналистов, с тем чтобы опорочить шиизм. Очевидно, что таким образом власти стараются подорвать влияние иранских аятолл на местное население. В условиях напряженных отношений с Тегераном властям нежелательно любое усиление влияния шиитов. По

сведениям швейцарской газеты «ISN», правительство Бахрейна в начале октября 2010 г. сообщило об аресте 23 оппозиционных лидеров, обвиняемых в терроризме. Правительство страны намекает, что за предполагаемым заговором с целью свержения правительства стоит Иран. Анализируя сложившуюся ситуацию, автор статьи обращает внимание на то, что в нынешней геополитической ситуации практически все страны региона могут быть вовлечены в крупный конфликт «в случае нападения (на Иран) со стороны Израиля и / или США». В частности, Тегеран, который периодически напоминает Бахрейну, что его территория некогда была частью Ирана, и поддерживает активные отношения с местными шиитами, может попытаться, опираясь на единомышленников, вернуть утраченную территорию.

Еще в 2001 г. по предложению эмира Бахрейн был объявлен королевством. Жители страны поддержали инициативу короля, тем более что речь шла о превращении эмирата в конституционную монархию с выборным парламентом и независимой судебной властью. Естественно, что в современных условиях власти не могут полностью игнорировать требования шиитов. В 2002 г. в стране впервые прошли выборы в парламент, в котором больше четверти из 40 мест получили шииты. В 2006 г. шиитское объединение – «Аль-Вифак» впервые выставило своих кандидатов на выборах, которые имели большое значение, ибо после политических реформ 2002 г. в этой стране это были первые выборы, в которых приняла активное участие оппозиция, бойкотировавшая выборы 2002 г. в силу ограничений и недоверия обещаниям правительства. Теперь же оппозиционные партии и объединения приняли активное участие в парламентских выборах с целью внести вклад в определение политической судьбы страны и защитить свои конституционные права. 23 ноября 2010 г. состоялись очередные парламентские выборы. Однако шиитское оппозиционное объединение «Аль-Вифак» не смогло завоевать большинство в палате депутатов Национального собрания. Оно получило 18 депутатских мандатов в 40-местной нижней палате. По мнению Г. Мирского, «в Бахрейне, где правят сунниты, попытка шиитских активистов добиться для своей общины если не господствующего, то, во всяком случае, гораздо более высокого, чем нынешний, статуса – это лишь вопрос времени».

Численность шиитов – граждан соседнего с Бахрейном Кувейта точно не известна. На официальном сайте посольства Кувейта в Москве в графе «население» указано, что «граждане страны

исповедуют ислам (в основном суннизм) – 85%». По некоторым данным, численность шиитов в Кувейте – 20% населения (429 тыс. из 3,1 млн. человек), что составляет примерно 40% от всех мусульман страны. 29 июня 2006 г. состоялись выборы в Национальное собрание Кувейта, являющееся органом представительной власти страны, 17 мест получили кандидаты от суннитской общины. Сунниты представлены двумя противостоящими друг другу направлениями – салафитов и Исламского конституционного движения, близкого по духу «Братьям-мусульманам». Депутаты, представляющие шиитскую общину, получили только четыре депутатских места, что на одного депутата меньше, чем на предыдущих выборах.

Исламисты, прежде всего Исламское конституционное движение, представляют собой наиболее хорошо организованную и сплоченную силу, которая активно влияет на политическую жизнь Кувейта начиная с середины 1970-х годов. После исламской революции в Иране в 1979 г. их популярность и влияние возросли. Шииты Кувейта также заявили о себе. После захвата в 1979 г. американских заложников в Тегеране шииты Кувейта организовали марш к посольству США. Советские политические группировки, представленные либералами, левыми демократами и технократами, смогли отеснить исламистов лишь в годы ирано-иракской войны и террористической деятельности ряда радикальных исламистских группировок в Кувейте. Позднее, в годы иракской оккупации, исламистские группировки стали главными организаторами сопротивления, а их популярность необычайно возросла. Они получили значительное число мест в парламенте, избранном в 1992 г., и в последующих созывах парламента.

В Кувейте собственную особость шииты стремятся не выставлять напоказ. В немалой степени это связано с тем, что кувейтским гражданством – своего рода привилегией – обладает лишь 45% населения страны: «В подобных условиях водораздел, проходящий между кувейтцами и иностранцами, рассматривается как единственное легитимное членение социального тела». Сглаживанию различий между шиитами и суннитами Кувейта в значительной степени способствуют высокий материальный статус кувейтских граждан и широкая кампания по ликвидации неграмотности. Доля неграмотных снизилась с 48,3% в 1970 г. до 11,5% накануне иракской агрессии 1990 г. В силу данных причин политизированный шиизм в этой стране не играет заметной роли. Кроме того, власти ведут работу по достижению консенсуса в мусуль-

манской общине. В этой связи была разработана идея «аль-васатыйя» – концепция умеренного ислама (точнее, «умеренности в исламе»). Сунниты в большинстве своем позитивно восприняли идею «аль-васатыйи» (по некоторым оценкам, примерно 40% населения). Естественно, что идея была поддержана семьей правящего эмира Кувейта. Был создан Международный центр «аль-васатыйи». В лагерь сторонников умеренности в исламе перешли многие в прошлом радикально настроенные сторонники «Ихван аль-муслимин» («Братья-мусульмане»), что показывает успешность этой идеи. Лидеры шиитов в основном позитивно отнеслись к «аль-васатыйе», хотя у шиитов свои представления. Меньшей по численности, но влиятельной является группа салафитов, которая храбро сражалась с иракскими войсками во время нападения на Кувейт в 1990–1991 гг. У них отношение к «аль-васатыйе» – богословско-критическое. Есть еще активная группа суфиев, критикующих салафизм и мирно относящихся к «аль-васатыйе».

В центральной печати Кувейта периодически ведется открытая полемика между сторонниками разных направлений. При этом стороны стараются избегать оскорблений. Таким образом, сторонники разных направлений получают возможность изложить свои взгляды. Паритет соблюдается, все очень демократично, уважительно, без личных и религиозных оскорблений. По мнению наблюдателей, авторы публикуемых материалов не выходят за рамки мусульманского этикета, что позволяет избегать конфликтов и экстремизма на религиозной почве. Однако ситуация в регионе, особенно после активизации вооруженных выступлений шиитов в Ираке, беспокоит кувейтское правительство, которое опасается, что муссирование разногласий между представителями различных течений ислама может привести к столкновениям между шиитским и суннитским населением в стране. В этой связи премьер-министр Кувейта шейх Сабах аль-Ахмед аль-Сабах неоднократно призывал население к толерантности и благоразумию.

Основной религией, которую исповедуют граждане Султаны Оман, является ислам ибадитского (хариджитского) толка (53,5%). Здесь также проживает небольшое количество исповедующих христианство выходцев с Гоа и европейцев. Ввиду того, что значительную часть населения составляют иностранцы и в стране имеется немало последователей других религий, свобода вероисповедания гарантирована законом. Суннитская община занимает второе место (25%). По другим данным, всего мусульман в Омане (на 1998 г.) насчитывалось 87,7% (из них 75% – шииты и

сунниты вместе взятые), индусов – 7,4, христиан – 3,9, буддистов – 0,5, прочих – 0,5%.

Шиизм в Омане исповедуют так называемые ливатийя, «образующие группу лиц неясного происхождения, предположительно являющихся выходцами из Синда (Пакистан), хотя часть из них, возможно, может быть идентифицирована как иранские цыгане». Исторически эта группа отличалась зажиточностью и образованностью. После провозглашения в 1970 г. образования Султаната Оман эта группа «должна была более плотно ассимилироваться с местным населением, чтобы не утратить материальный статус и не лишиться других привычных атрибутов жизни. Большая часть этих людей восприняли арабский язык, арабскую традицию одеваться, вообще предприняли меры, чтобы не выделяться из общей массы».

Низкий социальный статус имеют бахарна – члены небольшой шиитской общины, расположившийся в Маскате (столице Омана) и Матре (портовым городе неподалеку от Маската). По словам российских исследователей В.А. Исаева и А.О. Филоника, «они претендуют на то, чтобы считаться исконными жителями Бахрейна, вытесненными оттуда в конце VIII в. в ходе завоевания территорий арабами. К ним приближаются шииты группы Аджам, не имеющие ясного прошлого, предположительно вышедшие из Ирана». Шииты не принимают участия в политической жизни страны, так как в Омане запрещены политические движения и партии. В то же время эта часть оманского общества не подвергается репрессиям со стороны ибадитского режима, который в целом характеризуется терпимостью по отношению к представителям различных религиозных течений.

В Йемене шиизм исповедует зейдитская община, образовавшаяся в VIII в. Современная численность зейдитов 7 млн. человек; они преимущественно сосредоточены на северо-востоке страны, где составляют свыше трети населения. Здесь периодически происходят столкновения между повстанцами-зейдитами и правительственными войсками. В 1962 г. в Йемене произошла революция. Армейские офицеры свергли короля (одновременно имама зейдитов), что вызвало негативную реакцию наиболее влиятельных племен. В стране началась гражданская война, в которой республиканцам активно помогали египетские войска. Борьба закончилась в 1970 г. компромиссом между армейскими кругами, оставшимися у власти в Йемене, и верхушкой племен, сохранивших свой старинный уклад и традиционные привилегии.

В 1979 г. после Исламской революции в Иране в населенной большей частью шиитами провинции Саада произошли волнения. Падение уровня жизни населения, высокий уровень безработицы, коррупция, неспособность властей решать социальные проблемы региона – все это способствовало росту протестных настроений среди населения. В 1997 г. депутатом йеменского парламента Али Хусейн аль-Хути была создана религиозно-политическая организация «Аш-Шабаб аль-Муминин» («Правоверная молодежь»), которая призвала в мечетях столицы Йемена – Саны и ряда других городов к джихаду против Израиля и США, выводу американских войск из Ирака, требовала создания независимого палестинского государства, а также подвергала жесткой критике политику правящего режима.

Позже сторонниками аль-Хути были сформированы боевые отряды, которые начали нападать на подразделения регулярной армии, военные объекты. Попытка властей в июне 2004 г. арестовать аль-Хути обернулась вооруженным конфликтом правительственных войск и его сторонников. После гибели лидера зейдитов в том же году его место занял брат Абдул Малик. Боевые действия между властями и мятежниками не утихают до сих пор. Повстанцы требуют от президента Йемена Али Абдаллы Салеха предоставления им возможности участвовать в работе органов местного самоуправления, выделения средств на экономическое развитие провинции Саада, материальной компенсации ущерба, понесенного местными жителями в ходе боевых действий.

В Йемене действует и другая радикальная исламистская сила – суннитская группировка «Аль-Каида на Аравийском полуострове», ставящая перед собой цель дестабилизировать обстановку в Саудовской Аравии. Противостояние повстанцев с Саудовской Аравией и властями Йемена может рассматриваться как столкновение геополитических интересов региональных центров силы Саудовской Аравии и Ирана.

Практически во всех арабских странах Ближнего Востока шииты представляют собой внушительную силу, которая на рубеже XX и XXI вв. все активнее заявляет о своих правах. Определенную роль в усилении их политической активности сыграла иранская революция 1979 г., однако нельзя забывать и об общей ситуации на Ближнем Востоке, которая на протяжении всей второй половины XX в. характеризуется как напряженная. Арабо-израильский конфликт, появление радикальных исламистских организаций, кризисы в отношениях между странами региона и

стремление Запада сохранить здесь свое присутствие – вот те факторы, на которые должны реагировать этноконфессиональные общины региона, стремящиеся сохранить свою идентичность и занять достойные позиции.

«Зарубежный Восток и современность: Тридцать лет спустя», М., 2011 г., с. 177–191.

Фрэнсис Фукуяма,
политолог (Центр демократии, развития
и верховенства закона при Стэнфордском
университете)
БУДУЩЕЕ ИСТОРИИ
**(Сможет ли либеральная демократия
пережить упадок среднего класса)**

Что-то странное происходит в мире. И глобальный финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., и текущий кризис евро стали следствием функционирования модели слабо регулируемого финансового капитализма, которая сформировалась за последние 30 лет. Тем не менее, несмотря на широко распространенное раздражение мерами по спасению Уолл-стрит, существенного роста левого американского популизма не произошло. Вполне понятно, что движение «Захвати Уолл-стрит» будет набирать силу, однако самым динамичным популистским движением на сегодняшний день является правая Партия чаепития, основная мишень которой – регулирующее государство, стремящееся защитить простых граждан от финансовых спекулянтов. Нечто похожее происходит и в Европе, где левые слабы, а активность правых популистских партий, наоборот, растет.

Можно назвать несколько причин отсутствия мобилизации левых, но главная из них – это провал в сфере идей. Для прошлого поколения идеология базировалась на экономике, поддержанной либертарианским правом. Нынешние левые не смогли предложить ничего, кроме возврата к старой социал-демократии. Отсутствие убедительного прогрессивного контрнарратива – опасно, поскольку конкуренция оказывает на интеллектуальные дебаты столь же благоприятное воздействие, как и на экономическую деятельность. А серьезная интеллектуальная дискуссия совершенно необходима, поскольку нынешняя форма глобализованного капитализма раз-

рушает социальную базу среднего класса, на котором держится либеральная демократия.

Демократическая волна

Общественные силы и условия не просто «определяют» идеологии, как утверждал когда-то Карл Маркс, идеи не способны обрести силу, если они не обращены к нуждам большого количества обычных людей. Либеральная демократия является сегодня основной идеологией практически во всем мире, отчасти потому, что она отвечает потребностям тех или иных социально-экономических структур и продвигается ими. Изменения в этих структурах могут иметь идеологические последствия, точно так же идеологические изменения – привести к социально-экономическим переменам.

Почти все влиятельные идеи, формировавшие человеческое общество до последних 300 лет, были по своей природе религиозными, кроме одного важного исключения – конфуцианства в Китае. Первой крупной светской идеологией, имевшей долгосрочное воздействие на общемировое развитие, стал либерализм, доктрина, связанная с ростом в XVII в. сначала торгового, а затем промышленного среднего класса в определенных частях Европы. (Под «средним классом» я имею в виду людей, которые по своим доходам не находятся на вершине или на дне общества, получили хотя бы среднее образование и владеют недвижимостью, товарами длительного пользования или собственным бизнесом.)

Как утверждали мыслители-классики – Локк, Монтескье, Милль, – либерализм предполагает, что легитимность государства основывается на его способности защищать индивидуальные права граждан, при этом государственная власть должна ограничиваться законом. Одно из основополагающих прав, которые должны быть защищены, – это право на частную собственность. «Славная революция» 1688–1689 гг. в Англии имела ключевое значение для развития современного либерализма. Тогда впервые был закреплен конституционный принцип – государство не может на законных основаниях облагать налогом граждан без их согласия.

Вначале либерализм необязательно подразумевал демократию. Виги, поддерживавшие конституционное уложение 1689 г., преимущественно были самыми богатыми собственниками Англии, парламент того периода представлял менее 10% населения. Многие классические либералы, включая Милля, очень скептиче-

ски относились к добродетелям демократии; они считали, что ответственное политическое участие требует образования и определенного статуса в обществе, т.е. наличия собственности. До конца XIX в. практически во всех странах Европы избирательное право ограничивалось имущественным и образовательным цензом. Избрание Эндрю Джексона президентом США в 1828 г. и его решение об отмене имущественного ценза при голосовании, по крайней мере для белых мужчин, стало первой важной победой на пути к устойчивым принципам демократии.

В Европе исключение значительного большинства населения из политического процесса и рост рабочего класса подготовили почву для появления марксизма. «Коммунистический манифест» был издан в 1848 г., когда революции полыхали почти во всех крупных странах Европы, кроме Великобритании. Так начался век борьбы за лидерство в демократическом движении между коммунистами, готовыми отказаться от процедурной демократии (многопартийные выборы) в пользу того, что считали содержательной демократией (экономическое перераспределение), и либеральными демократами, которые верили в расширенное политическое участие при обеспечении верховенства закона, защищающего индивидуальные права, включая право частной собственности.

На кону стояла поддержка нового промышленного рабочего класса. Ранние марксисты считали, что смогут победить благодаря численному превосходству: когда избирательное право было расширено в конце XIX в., такие партии, как британские лейбористы и немецкие социал-демократы, начали стремительно расти, представляя угрозу гегемонии консерваторов и традиционных либералов. Подъем рабочего класса вызвал ожесточенное сопротивление, часто с применением недемократических средств, в ответ коммунисты и многие социалисты отказались от формальной демократии, выбрав путь прямого захвата власти.

В первой половине XX в. среди прогрессивных левых существовал прочный консенсус. Они единодушно полагали, что некая форма социализма – государственный контроль основных отраслей экономики в целях обеспечения равного распределения богатства – неизбежна для всех развитых стран. Даже экономист-консерватор Йозеф Шумпетер написал в своей книге «Капитализм, социализм и демократия» в 1942 г., что социализм в конечном итоге одержит победу, потому что капиталистическое общество в культурном плане подрывает само себя. Подразумевалось, что социализм в современном обществе представляет волю и

интересы подавляющего большинства. Но даже когда на политическом и военном уровне разыгрывались великие идеологические конфликты XX столетия, в социальной сфере происходили важнейшие изменения, подрывавшие марксистский сценарий.

Во-первых, реальный уровень жизни рабочего класса продолжал повышаться, в итоге многие рабочие или их дети смогли перейти в средний класс.

Во-вторых, в относительном измерении численность рабочего класса перестала расти и даже начала сокращаться, особенно во второй половине XX в., когда сфера услуг стала вытеснять промышленное производство в так называемых постиндустриальных экономиках.

Наконец, появилась новая группа бедных или обездоленных, располагающаяся ниже рабочего класса, – неоднородная смесь расовых или этнических меньшинств, недавние иммигранты, а также такие социально изолированные группы, как женщины, гомосексуалисты или инвалиды. В результате этих изменений старый рабочий класс большинства индустриально развитых обществ превратился в еще одну группу интересов, использующую политическую власть профсоюзов для защиты с таким трудом достигнутых ранее благ.

Кроме того, экономический класс не стал тем знаменем, под которым можно было бы мобилизовать на политические действия население индустриально развитых стран. Второй Интернационал получил тревожный сигнал в 1914 г., когда рабочие Европы отвергли призывы к классовой борьбе, сплотившись вокруг консервативных лидеров, выкрикивавших националистические лозунги; такая схема работает и сегодня.

Многие марксисты пытались объяснить это так называемой «теорией неправильной адресации», по терминологии философа Эрнеста Геллнера: «Точно так же, как радикальные мусульмане-шииты полагают, что архангел Джабраил сделал ошибку, передав Мухаммеду послание, предназначавшееся Али, так и марксисты предпочитают думать, что дух истории или человеческое сознание совершило ужасный промах. Тревожный призыв был направлен классам, но по какой-то страшной почтовой ошибке его получили нации».

Геллнер считает, что на современном Ближнем Востоке религия выполняет функцию, сходную с национализмом: она эффективно мобилизует людей, поскольку, в отличие от классового сознания, имеет духовное и эмоциональное содержание. Так же как

в конце XIX в. европейский национализм был обусловлен перемещением населения из сельской местности в города, так и исламизм – это реакция на урбанизацию в современном обществе на Ближнем Востоке. Письмо Маркса никогда не будет доставлено адресату под именем «класс».

Маркс полагал, что средний класс, или, по крайней мере, слой, владеющий капиталом, который он называл «буржуазией», всегда будет оставаться небольшим, привилегированным меньшинством в современном обществе. Вместо этого буржуазия и средний класс в целом в итоге стали представлять собой подавляющее большинство населения наиболее развитых стран, что стало серьезной проблемой для социализма. Со времен Аристотеля мыслители считали, что стабильная демократия основывается на широком среднем классе, а общества, разделенные на богатых и бедных, подвержены олигархическому доминированию и популистским революциям.

Когда большинству развитых стран удалось создать общество, основывающееся на среднем классе, привлекательность марксизма начала таять. Среди немногих мест, где левый радикализм остается влиятельной силой, – районы с высоким уровнем неравенства, такие как Латинская Америка, Непал и бедные регионы Восточной Индии.

То, что политолог Самюэль Хантингтон назвал «третьей волной» глобальной демократизации, которая началась на юге Европы в 1970-х годах и достигла кульминации с падением коммунистических режимов в Восточной Европе в 1989 г., увеличило число выборных демократий в мире с почти 45 в 1970 г. до более чем 120 в конце 1990-х годов. Экономический рост привел к возникновению нового среднего класса в таких странах, как Бразилия, Индия, Индонезия, ЮАР и Турция. Как отмечал экономист Мойзес Наим, этот средний класс относительно хорошо образован, владеет собственностью и технологически связан с внешним миром. Он предъявляет требования к правительству и легко мобилизуется благодаря доступу к технологиям. Поэтому неудивительно, что главными активистами «арабской весны» стали образованные тунисцы и египтяне, чьи ожидания, связанные с рабочими местами и политическим участием, не могли быть реализованы при существовавших диктаторских режимах.

Представители среднего класса необязательно поддерживают демократию в принципе: как и все остальные, они являются акторами, движимыми личными интересами, они хотят защищать

свою собственность и положение. В таких странах, как Китай и Таиланд, представители среднего класса опасаются требований бедного населения о перераспределении благ, и поэтому поддерживают авторитарные правительства, которые защищают их классовые интересы. Кроме того, демократия не всегда удовлетворяет ожидания среднего класса, и если этого не происходит, в среднем классе могут произойти волнения.

Не худшая альтернатива

Сегодня существует глобальный консенсус по поводу легитимности либеральной демократии, по крайней мере в принципе. Как пишет экономист Амартия Сен, «хотя демократия не практикуется повсеместно и далеко не везде принимается, согласно общемировой точке зрения, демократическая форма правления сейчас достигла статуса, когда ее считают в целом правильной». В наибольшей степени ее принимают в странах, достигших того уровня материального благополучия, когда большинство граждан могут считать себя представителями среднего класса, поэтому наблюдается корреляция между высоким уровнем развития и стабильностью демократии.

Некоторые общества, такие как Иран и Саудовская Аравия, отвергают либеральную демократию, отдавая предпочтение исламской теократии. Однако эти режимы – тупиковый путь развития и поддерживаются только благодаря огромным запасам нефти. В свое время арабский мир стал исключением из третьей волны демократизации, но «арабская весна» показала, что и там общество может быть мобилизовано против диктатуры точно так же, как это произошло в Восточной Европе и Латинской Америке. Разумеется, это не означает, что в Тунисе, Египте или Ливии путь к правильно функционирующей демократии будет простым или идеально прямым, но позволяет предположить, что стремление к политической свободе не является характерной особенностью культуры европейцев и американцев.

Самый серьезный вызов либеральной демократии в сегодняшнем мире бросает Китай, который сочетает авторитарную форму правления с частично рыночной экономикой. Китай унаследовал длительную и гордую традицию бюрократического правления высокого качества, которая насчитывает два тысячелетия. Китайским лидерам удалось совершить очень сложный переход от централизованного, планового хозяйства советского типа к дина-

мичной и открытой экономике, и, нужно отметить, они справились с этой задачей достаточно компетентно – честно говоря, с большей компетентностью, чем демонстрируют сейчас американские лидеры в осуществлении своей макроэкономической политики. Многие сегодня восхищаются китайской системой не только из-за экономических показателей, но и потому, что она позволяет принимать масштабные, сложные решения достаточно быстро по сравнению с агонией и политическим параличом, от которых в последние несколько лет страдают Соединенные Штаты и Европа. После недавнего финансового кризиса сами китайцы начали пропагандировать «китайскую модель» в качестве альтернативы либеральной демократии.

Однако китайский путь вряд ли станет серьезной альтернативой либеральной демократии за пределами Восточной Азии. В первую очередь он имеет определенную культурную специфику: китайская форма правления строится на основе длительной традиции меритократического рекрутирования, экзаменов для приема на государственную службу, особой роли образования и уважения к авторитету технократов. Немногие развивающиеся страны могут успешно перенять эту модель, те, кому это удалось, например Сингапур и Южная Корея (по крайней мере, в ранний период), уже находились в китайской культурной зоне. Сами китайцы скептически относятся к экспорту своей модели, так называемый «пекинский консенсус» – это скорее западное изобретение, чем китайское. Также неясно, насколько устойчива эта модель. Ни обеспечиваемый экспортом рост, ни принятие решений сверху вниз не будут вечно приносить результаты. Тот факт, что китайское правительство не разрешило открыто обсуждать катастрофу на высокоскоростной железной дороге прошлым летом и не смогло привлечь к ответственности Министерство путей сообщения, позволяет предположить, что существуют и другие бомбы замедленного действия, скрытые за фасадом эффективного принятия решений.

Наконец, Пекин уязвим с моральной стороны. От руководителей на разных уровнях не требуется уважения достоинства граждан. Ежедневно происходят протесты против отъема земель, экологических нарушений или коррупции со стороны какого-нибудь чиновника. Пока наблюдается стремительный рост, эти злоупотребления удастся скрывать. Но он не будет продолжаться всегда, и властям придется заплатить высокую цену за накопившееся недовольство. У режима больше нет идеала, вокруг которо-

го можно объединить людей, Компартия, якобы придерживающаяся принципов равенства, управляет обществом, где процветает неравенство.

Поэтому стабильность китайской системы ни в коей мере не может восприниматься как аксиома. Китайское правительство утверждает, что в силу культурных особенностей граждане всегда отдадут предпочтение благополучной, обеспечивающей рост диктатуре, отказавшись от неспокойной демократии, которая угрожает социальной стабильности. Но вряд ли растущий средний класс в Китае будет вести себя совершенно иначе, чем в других регионах мира. Другие авторитарные режимы могут попытаться повторить успех Пекина, но маловероятно, что большая часть мира через 50 лет будет выглядеть как сегодняшний Китай.

Будущее демократии

Сегодня в мире существует взаимосвязь между экономическим ростом, социальными изменениями и главенством либерально-демократической идеологии. И при этом конкурентоспособная идеологическая альтернатива не вырисовывается. Однако некоторые тревожные экономические и социальные тенденции, если они сохранятся, могут поставить под угрозу стабильность современных либеральных демократий и развенчать демократическую идеологию в ее нынешнем понимании.

Социолог Баррингтон Мур когда-то категорически заявил: «Нет буржуа – нет демократии». Марксисты не осуществили свою коммунистическую утопию, потому что зрелый капитализм создал общество, основой которого был средний, а не рабочий класс. Но что если дальнейшее развитие технологий и глобализации подорвет средний класс и сделает невозможным достижение статуса среднего класса для большинства граждан развитой страны?

Многочисленные признаки того, что эта фаза развития началась, уже видны. С 1970-х годов в США средние доходы в реальном измерении переживают стагнацию. Ее экономическое воздействие до определенной степени смягчалось благодаря тому, что в большинстве американских семей за последнее поколение доходы стали получать два человека. Кроме того, как убедительно отмечает экономист Рагурам Раджан, поскольку американцы не хотят участвовать в прямом перераспределении благ, Соединенные Штаты в последние годы используют очень опасную и неэффективную форму перераспределения, субсидируя ипотеку для семей

с низкими доходами. Эта тенденция, которой способствовал приток ликвидности из Китая и других стран, за последние 10 лет дала многим простым американцам иллюзию постоянного повышения уровня жизни. Прорыв ипотечного пузыря в 2008–2009 гг. стал жестоким возвращением к среднему уровню. Сегодня американцы пользуются дешевыми мобильными телефонами, недорогой одеждой и Facebook, но все большее число людей не могут позволить себе собственный дом, медицинскую страховку или достаточный размер пенсии.

Более тревожный феномен отметили финансист Питер Тиль и экономист Тайлер Коуэн – блага последних волн технологических инноваций непропорционально распределились среди наиболее талантливых и хорошо образованных членов общества. Этот феномен способствовал существенному увеличению неравенства в США за последнее поколение. В 1974 г. 1% самых богатых семей получил доход в 9% от ВВП, в 2007 г. эта доля увеличилась до 23,5%.

Торговая и налоговая политика, возможно, ускорили эту тенденцию, но главным «злом» стали технологии. На ранних этапах индустриализации – в эпоху текстиля, угля, стали и двигателей внутреннего сгорания – блага технологических изменений практически всегда различными путями достигали остальных слоев общества благодаря занятости. Но это не закон природы. Сегодня мы живем в эпоху, которую Шошана Зубофф назвала «эрой умных машин», когда технологии способны заменить многие функции человека, в том числе сложные. Любой большой прорыв в Кремниевой долине означает упразднение низкоквалифицированных рабочих мест в других сферах экономики, и этот тренд вряд ли исчезнет в ближайшее время.

Неравенство существовало всегда как результат природных различий в таланте и характере. Но технологичный мир существенно усугубляет эти различия. В аграрном обществе XIX в. люди с математическими способностями не имели особых возможностей зарабатывать на своем таланте. Сегодня они могут стать финансовыми кудесниками или создателями программного обеспечения, получая при этом все большую долю национального богатства.

Другим фактором, подрывающим доходы среднего класса в развитых странах, является глобализация. Со снижением транспортных расходов и расходов на связь, а также с присоединением к глобальным трудовым ресурсам сотен миллионов работников в развивающихся странах, работа, которую прежде в развитом мире

выполнял старый средний класс, теперь обходится гораздо дешевле в других местах. При экономической модели, приоритетом которой является максимизация совокупного дохода, аутсорсинг неизбежен.

Разумные идеи и здравая политика могли бы снизить ущерб. Германия проводит успешный протекционистский курс для сохранения значительной части производственной базы и промышленных трудовых ресурсов, при этом ее компании остаются конкурентоспособными в мире. США и Великобритания, напротив, с радостью ухватились за переход к постиндустриальной экономике услуг. Свободная торговля стала уже не теорией, а идеологией: когда члены Конгресса США попытались ввести торговые санкции против Китая в ответ на заниженный курс юаня, их с негодованием обвинили в протекционизме, как будто игровое поле уже выровнено. Было много радостных разговоров об экономике знаний, о том, что грязная, опасная работа на производстве будет неминуемо вытеснена, а высокообразованные работники займутся интересными креативными вещами. Это оказалось лишь тонкой завесой, скрывающей суровую реальность деиндустриализации. При этом незамеченным остался тот факт, что блага нового порядка сконцентрированы у очень небольшой группы людей в сфере финансов и высоких технологий, интересы которых доминируют в СМИ и общеполитических дискуссиях.

Отсутствующие левые

Одним из самых удивительных явлений после финансового кризиса стало то, что пока популизм принимает преимущественно правые, а не левые формы. Хотя американская Партия чаепития является антиэлитной по своей риторике, ее члены голосуют за консервативных политиков, действующих в интересах той самой финансовой и корпоративной верхушки, о презрении к которой заявляют. Этому феномену можно найти несколько объяснений, включая глубоко укоренившуюся веру в равенство возможностей, а не равенство результатов, а также то, что культурные вопросы, такие как аборт и право на оружие, пересекаются с экономическими.

Однако главная причина отсутствия левой популистской силы лежит в интеллектуальной сфере. Прошло уже несколько десятилетий с тех пор, как кто-то из левых был способен, во-первых, провести детальный анализ того, что происходит со структурой

развитых обществ на фоне экономических изменений, и, во-вторых, предложить реалистичную программу действий, которая имела бы шансы защитить общество, основанное на среднем классе.

Основные направления левой политической мысли последних двух поколений были, честно говоря, провальными как концептуально, так и в качестве инструментов для мобилизации. Марксизм давно умер, а немногие оставшиеся его сторонники уже стоят на пороге домов престарелых. В академических левых кругах его заменили постмодернизмом, мультикультурализмом, феминизмом, критической теорией и другими разрозненными интеллектуальными течениями, которые скорее были сфокусированы на культуре, чем на экономике. Постмодернизм начинается с отрицания возможности какого-либо господствующего нарратива в истории или в обществе, что подрывает его собственный авторитет как рупора большинства, ощущающего предательство элит. Мультикультурализм обосновывает жертвенность практически любой группы чужаков. Невозможно создать массовое движение на базе такой разношерстной коалиции: большинство представителей рабочего класса и низших слоев среднего класса, принесенных в жертву системе, являются консерваторами в культурном плане и не захотят, чтобы их увидели в компании подобных союзников.

Какие бы теоретические обоснования ни использовались в программах левых, их главная проблема – отсутствие доверия. В последние два поколения основная часть левых придерживалась программы социальной демократии, которая сконцентрирована на обеспечении государством ряда социальных благ – пенсий, здравоохранения и образования. Сегодня эта модель себя изжила: социальные системы разрослись, стали бюрократизированными и негибкими; через структуры госсектора они часто на деле контролируются теми самыми организациями, которые по идее должны выполнять чисто служебную административную функцию. И, что еще более важно, они финансово неустойчивы, учитывая старение населения практически везде в развитом мире. Таким образом, когда существующие социал-демократические партии приходят к власти, они уже не стремятся быть чем-то большим, чем просто хранители социального государства, построенного десятилетия назад, ни у кого нет новой, интересной программы, вокруг которой можно объединить массы.

Идеология будущего

Представьте на мгновение неизвестного сочинителя, который, ютясь где-нибудь на чердаке, пытается сформулировать идеологию будущего, способную обеспечить реалистичный путь к миру со здоровым обществом среднего класса и прочной демократией. Какой была бы эта идеология? Она содержала бы по крайней мере два компонента – политический и экономический.

В политическом отношении новая идеология должна подтвердить превосходство демократической политики над экономикой, а также вновь закрепить легитимность государства как выразителя общественных интересов. Но программы, которые она должна продвигать для защиты жизни среднего класса, не могут опираться только на существующий механизм государства всеобщего благоденствия. Эта идеология должна как-то изменить госсектор, сделав его независимым от нынешних заинтересованных лиц и используя при этом новые, базирующиеся на технологиях подходы для предоставления услуг. Она также должна решительно заявить о необходимости перераспределения благ и представить реалистичный путь к прекращению доминирования групп интересов в политике.

В экономическом отношении идеология не может начинаться с осуждения капитализма, как если бы старый социализм по-прежнему являлся жизнеспособной альтернативой. Речь должна идти о коррекции капитализма и о том, в какой степени государство должно помогать обществу приспособиться к изменениям.

Глобализацию нужно рассматривать не как неотвратимый факт, а как вызов и возможность, которые необходимо тщательно контролировать политически. Новая идеология не будет считать рынок самоцелью, скорее она должна оценивать мировую торговлю и инвестиции с точки зрения не только накопления национального богатства, но и вклада в процветание среднего класса.

Однако добиться этой цели невозможно без серьезной и последовательной критики основ современной неоклассической экономики, начиная с таких фундаментальных положений, как суверенность индивидуальных предпочтений, а также представление о совокупном доходе как о точном показателе национального благосостояния. Следует отметить, что доходы людей необязательно отражают их реальный вклад в общество. Но нужно идти дальше, признавая, что, даже если рынок труда работает эффективно, природное распределение талантов необязательно справедливо, по-

этому человек – не суверенная единица, а существо, которое в значительной степени формируется окружающим его обществом.

Многие из этих идей уже частично высказывались, нашему автору остается только собрать их воедино. Ему также важно избежать проблемы «неправильной адресации». Поэтому критика глобализации должна быть связана с национальными интересами в качестве стратегии мобилизации, при этом последние не должны определяться так упрощенно, как, например, в профсоюзной кампании «Покупайте американское». Продукт станет синтезом идей, как левых, так и правых, отделенных от программы маргинализированных групп, которые сегодня представляют прогрессивное движение. Идеология обречена быть популистской, ее посыл будет начинаться с критики элит, которые позволили пожертвовать благополучием многих ради процветания небольшой группы, а также с осуждением денежной политики, особенно в Вашингтоне, которая принесит выгоду только состоятельным людям.

Опасности, которые подразумевает такое движение, очевидны: отход Соединенных Штатов, в частности, от продвижения более открытой глобальной системы, может вызвать протекционистскую реакцию других стран. Во многих отношениях революция Рейгана–Тэтчер увенчалась успехом, как и надеялись ее сторонники, в результате мир стал намного более конкурентоспособным, глобализованным и стабильным. Накоплено огромное богатство, и практически везде в развивающемся мире появился растущий средний класс, что способствовало распространению демократии. Возможно, развитый мир стоит на пороге ряда технологических прорывов, которые не только увеличат производительность, но и обеспечат большое количество рабочих мест для среднего класса.

Но это скорее вопрос веры, а не рефлексии относительно эмпирической реальности последних 30 лет, которая указывает абсолютно противоположное направление. На самом деле есть множество оснований считать, что неравенство сохранится и даже усугубится. Нынешняя система концентрации богатства в США уже работает на собственное укрепление: как отмечает экономист Саймон Джонсон, финансовый сектор использует своих лоббистов, чтобы избежать обременительных и неудобных форм регулирования. Школы для детей из состоятельных семей сейчас лучше, чем когда-либо, а уровень общедоступных школ продолжает ухудшаться. Элиты во всех обществах используют недостижимые для других возможности доступа к политической системе, чтобы защищать свои интересы, при этом отсутствует уравниваю-

щая демократическая мобилизация, способная исправить ситуацию. Американская элита отнюдь не исключение.

Однако мобилизации не произойдет до тех пор, пока средний класс в развитых странах останется приверженцем идей прошлого поколения, т.е. пока он будет считать, что его интересы лучше обеспечивают более свободные рынки и малые по размеру государственные системы. Альтернативная идея уже на поверхности и должна вот-вот появиться.

*«Россия в глобальной политике»,
М., № 1, январь–февраль, с. 8–20.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2012 – 6 (240)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 22/V-2012 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 12,5 Уч.-изд. л. 11,7
Тираж 500 экз. Заказ № 70

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9